

Три девочки

История одной квартиры

Часть первая

Глава I

*Наташа переезжает на новую квартиру и знакомится с Люсей и Катей.
Странности доктора...*

Когда Софья Михайловна пришла домой и сообщила, что нашла, наконец, комнату, на которую стоит обмениваться, Наташа первым делом спросила:

– А девочки в квартире есть?

Софья Михайловна ответила:

– Я там видела двух девочек, и как раз твоего возраста.

Наташа кивнула головой.

– Это хорошо. Потому что я люблю общество.

Отец и мать засмеялись.

– Ничего нет смешного! – возмутилась Наташа. – Что это за квартира, где одни взрослые, как у нас?

– Одни взрослые, – повторил отец, – да и те... – и он сделал такую гримасу, что Наташа громко расхохоталась. Никто не умел делать таких изумительных гримас, как Леонтий Федорович – Наташин отец. Это не были просто смешные или уродливые гримасы, – нет, они всегда выражали именно то, что он в данный момент хотел сказать словами. И сейчас Наташа поняла сразу папину гримасу.

Софья Михайловна также засмеялась и сказала:

– Леня, ну почему ты юрист? Тебе надо было на сцену

– Юрист тоже должен быть немножко актером, – ответил Леонтий Федорович, потом притянул к себе Наташу, посадил ее на колени и сказал жене: – Ну, рассказывай, какую нашла комнату.

Через несколько дней они переехали. Новая комната была очень большая,

светлая, с широкой стеклянной дверью на балкон. Когда расставляли мебель, было очень много споров, куда что поставить. Наташе непременно хотелось иметь свой собственный, совсем отдельный уголок, и она доказывала, что лучше всего отделить его огромным папиным книжным шкафом и буфетом. А папа уверял, что тогда ему невозможно будет подойти к своему письменному столу, и в лицах изображал, как он с трудом лезет в узкую щель между буфетом и столом. Мама с Наташей смеялись; смеялись и возчики, вносявшие вещи. В конце концов все были довольны: и Наташа, получившая отдельный уголок, и папа, установивший свой большой стол и шкаф так, как ему хотелось, и возчики, с которыми он все время шутил, и мама – потому что вокруг нее все были веселы.

Когда все было внесено и расставлено и возчики ушли, Наташа выбежала из комнаты и громко крикнула в пространство:

– Девочки! Выходите сюда!

Дверь прямо против Наташиной комнаты открылась, и на пороге появилась девочка с двумя светлыми косичками. Она остановилась, держась за ручку двери, и глядела на Наташу исподлобья большими глазами. И в тот же миг где-то хлопнула еще дверь, раздались быстрые шаги по коридору, и в прихожую выскочила еще девочка – круглолицая, темноглазая, с широким вздернутым носиком и большим веселым ртом.

– Это вы к нам въехали? Ты здесь жить будешь? А как тебя зовут? – спросила она, с любопытством разглядывая Наташу.

– Да, мы будем здесь жить. Я – Наташа. А ты?

– А я – Люся. Мы тоже недавно сюда переехали. А тебе сколько лет?

– Ровно через неделю будет двенадцать. А тебе?

– А мне двенадцать будет через одиннадцать месяцев. Я перехожу в четвертый класс. А ты?

– А я в пятый.

– А смотри-ка! Я ростом выше тебя. Давай померяемся! Перед зеркалом!

Девочки встали рядом и посмотрелись в зеркало.

– Точка в точку! – удивилась Наташа.

– Совсем одинаковые! – закричала Люся. – Катя! Иди сюда, стань рядом. Ты

выше или ниже нас?

Девочка с косичками, смущенно улыбаясь, подошла и стала около Люси.

– И я такая же, – сказала она.

– Чудно-чудно-чудно! – Люся захлопала в ладоши. – Все три – как одна!

– Тебя зовут Катя? – спросила Наташа девочку с косичками.

Та молча кивнула головой.

– А тебе сколько лет?

– Ей только на днях исполнилось одиннадцать, и она в одном классе со мной, только я с ней не дружу, потому что она кислятина, – выпалила Люся одним духом. – А смотри-ка, – показала она пальцем в зеркало, – какие у тебя брови забавные, – точно птица крыльями размахнула. А у меня – смотри – бровей вовсе нет. А у Кати тоненькие-тоненькие. А ты отличница или нет?

– Я отличница, – сказала Наташа. – А ты?

– А я нет. А Катя тоже отличница. Она уроки долбит-долбит, а я так не могу. А ты знаешь, что у вас в комнате – балкон? Я на нем ни разу не была, а мне так хочется!

Наташа схватила девочек за руки.

– Пойдемте сейчас на балкон!

– Чудно-чудно-чудно! – И Люся запрыгала.

– А разве можно? – робко спросила Катя.

– Раз я зову, – значит, можно, – живо ответила Наташа. – Я же теперь хозяйка. Идемте!

И, держась за руки, они втроем вбежали в комнату. Дверь на балкон была раскрыта настежь, и там, облокотившись на перила, стояли Наташины родители.

– Мама! Папа! Вот мои девочки! – закричала Наташа, выталкивая Люсю и Катю перед собой в балконную дверь. Отец и мать оглянулись.

– Твои? – улыбнулась Софья Михайловна. А Леонтий Федорович протянул руку и, взяв в свою широкую ладонь руки обеих девочек, потряс их.

- Как здесь красиво! – воскликнула Наташа, оглядываясь во все стороны.
- Да! – откликнулась мать. – Хорошо!
- Ой! Как здесь чудно! – захлопала в ладоши Люся.
- А ты что же молчишь? Или не нравится? – обратился Леонтий Федорович к Кате и поднял за подбородок ее опущенную голову.
- Нравится, – прошептала Катя.
- И мне нравится, – сказал серьезно Леонтий Федорович. – Ширина-то улицы какая! И сплошной бульвар!
- А теперь пойдем, мы тебе всю квартиру покажем! – И Люся схватила Наташу за руку.
- Подожди, мне жалко уходить отсюда, – ответила Наташа.

* * *

Под вечер познакомились с остальными жильцами квартиры.

Первым вернулся домой старый доктор. Он был высокого роста и держался очень прямо, несмотря на свои семьдесят лет. У него была привычка быстрым движением головы откидывать назад свои густые и слегка вьющиеся длинные седые волосы. Во всей его фигуре и в лице с крупными и выразительными чертами было что-то благородное и гордое, но одет он был неряшливо.

Он вошел в прихожую в тот самый момент, когда вновь въехавшая семья разбирала поставленный в угол сундук. Люся и Катя стояли тут же.

- Здравствуйте, – приветливо сказал Леонтий Федорович, поднимаясь с корточек. – Вы, по-видимому, наш сосед? Мы только что сюда въехали.
- Здравствуйте, – очень вежливо, но холодно ответил доктор, протягивая всем по очереди руку и называя свою фамилию, но так невнятно, что Леонтий Федорович переспросил:
- Простите, – как?

Доктор повторил фамилию, но снова никто ее не разобрал. И сейчас же он неловко поклонился и поспешно ушел в свою комнату.

Люся прыснула со смеху.

– Это доктор, – заговорила она вполголоса. – Он всегда так говорит, что ничего не поймешь. Мы его и имени не знаем, его так все и называют – просто «доктор».

Леонтий Федорович пробормотал что-то невнятное, поразительно похоже передразнив доктора.

Все три девочки расхохотались, и тут Наташа увидела, что и Катя умеет смеяться весело и заразительно.

– Леня, – укоризненно сказала Софья Михайловна мужу, – нехорошо над стариком смеяться. У него такое славное лицо.

– А я и не смеюсь. Даже не улыбаюсь, – ответил муж и сделал подчеркнуто-серьезную физиономию.

В что время открылась дверь и вошла молодая женщина. Взглянув на нее, Наташа сразу поняла, что это Люсина мама, – до того мать и дочь были похожи друг на друга.

– Мама! – Люся бросилась навстречу и повисла на шее у матери. – У нас новые жильцы, и девочка, и я уже была у них на балконе, – тараторила она.

– Ну пусти же, пусти! – весело говорила мать. – Дай поздороваться. – И она с открытой улыбкой подошла к новым жильцам. Они представились друг другу.

– Это очень, очень хорошо, что вы к нам переехали! – сказала вошедшая.

– А вы почему думаете, что хорошо? – с деланной серьезностью спросил Леонтий Федорович. – Может быть, вам от нас житья не будет?

– Неправда, мама! Они чудные, чудные! – Люся прыгала около матери.

И снова открылась входная дверь, и вошел пожилой человек небольшого роста с кожаным чемоданчиком в руках.

– Новые жильцы? – обратился он к Кате, кивнув головой на приехавших.

– Да, дедушка, – сказала Катя.

– Здравствуйте! – Леонтий Федорович стоял над сундуком с ворохом белья в руках.

– Здравствуйте, – безразличным тоном сказал старик и снял кепку, обнажив совершенно лысую голову с бордюриком темных волос вокруг розовой лысины.
– Катюшка! Обед готов?

– Готов, дедушка. Он в подушках, – ответила Катя.

– Идем есть.

Они ушли в свою комнату.

– Не будем вам мешать разбираться. Пойдем, Люся, я тебе чего-то принесла, – сказала Люсины мама, обняв дочку и увлекая ее в коридор.

– Я еще приду к тебе, Наташа! – крикнула Люся, оглядываясь.

* * *

Вечером все три девочки снова стояли на балконе и, опираясь локтями на перила, беседовали.

Вечер был ясный и тихий. Стоял конец июля. Белые ночи уже шли на убыль, и в сумеречном свете густая зелень деревьев казалась еще гуще и темнее. На фоне светлого неба четко выделялся силуэт старой церкви. Улица была полна народу, снизу доносился говор, смех, топот ног. Звенели трамваи, и их огни то и дело мелькали сквозь деревья.

– Как красиво! – сказала Наташа. – Когда я буду художницей, я нарисую это.

– А ты будешь художницей? – живо спросила Люся.

– Непременно! Я очень люблю рисовать.

– И я! – воскликнула Люся. – Я очень люблю, только у меня плохо выходит. У меня терпения не хватает. И вышивать тоже. ... Знаешь, мы с мамой в цирке были, и там такой смешной слон! – Она расхохоталась. – Понимаешь, он танцевал!

– Люся, знаешь, на кого ты, по-моему, похожа? – спросила Наташа.

– Знаю! На маму!

– Нет, не лицом, а вообще?

– На кого?

– На обезьян из «Маугли». Они вот тоже так: начнут одно и сразу забудут, и

бросят, и сейчас же за другое принимаются. Так и ты, когда говоришь.

– Из какой это маугли?

– Не «из какой», а «из какого». Ты не читала «Маугли»? Это же так интересно! – сказала Наташа. – У меня есть эта книжка.

– Ты дашь мне почитать? Она толстая?

– Конечно, дам. Книжка толстая; я тоже люблю толстые книги.

– Лучше дай сначала мне, – попросила Катя, – а то Люся очень долго читает. А я скоро прочту.

– Вот еще! – рассердилась Люся и даже топнула ногой. – Я первая попросила!

– Подождите, девочки! Я придумала, – закричала Наташа, – я дам эту книжку Кате, а тебе, Люся, дам другую какую-нибудь, поменьше, у меня книжек много. А когда Катя прочтет, можешь взять и читать, сколько хочешь.

Люся надулась. Наташа посмотрела на нее сбоку и сделала вид, что не замечает этого. Катя слегка покраснела от удовольствия и повторила:

– Я скоро прочту.

Но Люся долго сердиться не умела.

– А какой твой папа чудный! Такой смешной! – рассмеялась она вдруг.

– Совсем папа не смешной! – возмутилась Наташа. – Он так много знает. Мы с ним почти каждое воскресенье ходим куда-нибудь.

– В кино?! – воскликнула Люся.

– Да нет, не только в кино. Мы с ним ходим в музеи. Он мне показывает разные места в Ленинграде, рассказывает, где что произошло...

– Как интересно! – прошептала Катя.

– А мы с мамой каждое воскресенье в кино ходим, – перебила Люся, – или в цирк. Я ужасно люблю цирк!

– Да, цирк и я люблю, – сказала Наташа. – А ты, Катя?

– Я... никогда там не была, – тихо проговорила Катя и потупилась.

– Она только все читает да уроки долбит. – Люся передернула плечами. – Ее

дедушка такой уж... никуда ее не поведет. Он ее, верно, не любит! А моя мама мне все-все позволяет, и мне от нее никогда не попадает...

– Мой дедушка очень хороший и... и любит меня, – неожиданно громко сказала Катя и вся выпрямилась, – а только он очень много работает, и ему некогда...

– А твои папа и мама где? – спросила Наташа.

– Умерли. Я их и не помню, – снова совсем тихо сказала Катя.

– Так вы только вдвоем с дедушкой и живете?

– Да. У меня есть еще брат Вася, он тоже будет художником, в Академии художеств учится. Только он живет не с нами, а в общежитии.

– И у меня братишка есть, – сказала Наташа. – Ему скоро три года будет. Такой забавный!

– А где же он? А как его зовут? А он уже хорошо говорит? – забросали Наташу вопросами Катя и Люся.

– Его называли Иваном, а я его почему-то прозвала Тотиком. Так и пошло – Тотик и Тотик. Он сейчас у бабушки под Лугой, но на зиму мы его сюда возьмем.

– Как чудно! Я так люблю маленьких! – вскричала Люся.

– Наташа, иди чай пить, – позвала из комнаты Софья Михайловна, – да и спать пора ложиться.

Девочки простились и разошлись – каждая к себе.

* * *

На другой день, когда никого из старших не было дома, Люся и Катя показывала Наташе квартиру во всех подробностях. Прямо из прихожей шел короткий и очень широкий коридор.

– Девочки! – воскликнула Наташа, быстрым взглядом окидывая его. – Ведь это же целая комната! Тут можно хорошую лампочку ввинтить и стол посередине поставить, и – давайте! – это будет наша комната! Нас всех трех! Мы тут будем читать, играть, уроки готовить!

Люся запрыгала от радости.

– А ведь и правда, – улыбнулась Катя. – Вечером мой дедушка отдыхает, и Люси́на мама тоже...

– А мой папа придет из своего института – отдыхает, а по вечерам тоже работает; он диктует маме ученое сочинение, а она пишет на машинке, и им мешать нельзя, – перебила Наташа. – Здесь мы никому мешать не будем. Назовем мы эту комнату... знаете как? ... Как в «Детстве и Отрочестве» – «Классная»! Хорошо?

– Хорошо! Хорошо! – Люся подхватила Наташу за плечи и закружила по всему коридору.

Перед кухней была крошечная темная проходная комнатка, вся левая сторона которой была отделена занавеской.

– А там что? – спросила Наташа.

– А там такой закуток, там сундуки стоят и всякое старье. – Люся отдернула занавеску. – Знаешь, когда у меня задача не выходит, я сюда поплакать убегаю, чтоб мама не видела.

– Как?!. И ты?!. – вырвалось у Кати.

Люся быстро повернулась к ней.

– Ты разве тоже сюда ходишь плакать? У тебя задачи разве когда-нибудь не выходят?

Катя нахмурилась.

– Не только же о задачах... – пробормотала она и умолкла.

Наташа зашла за занавеску и сразу уселась с ногами на сундуке в углу.

– Девочки! Да тут очень уютно! – Она подвинулась в самый угол и хлопнула рядом с собой ладонью по сундуку. – Садитесь! Тут вовсе не только плакать! Тут как раз такое местечко, – сидеть вместе и разговаривать о самых интересных вещах. Катя! Задвинь занавеску!

В закуток проникал лишь слабый свет из стеклянной двери в кухню. Когда Катя задвинула занавеску, стало совсем темно.

– Где же вы? – Катя нащупывала руками подруг.

– Ой, не хватай меня за коленки! Щекотно! – завизжала Люся.

– Иди сюда! – Наташа поймала в темноте Катину руку и потянула к себе. – Люся, ты подвинься! Катя, садись здесь в угол, а я буду в серединке. Ну разве тут не хорошо?

– Очень хорошо! – прошептала Катя и слегка прижалась плечом к Наташе.

– Только темно-о-о, – протянула Люся. – Я не люблю, когда темно. Когда я плакать сюда прихожу, всегда щелочку в занавеске оставляю, чтоб свет видеть.

– Вот как раз и интересно страшные истории в темноте рассказывать! – с увлечением заговорила Наташа. – Так дух захватывает, сожмешься вся и думаешь: «Ну, что дальше?.. Что дальше?» Знаете, мы часто сумерничаем с папой и с мамой... Заберемся с ногами на тахту, – видели у нас? И папа рассказывает. Ой, как он хорошо умеет рассказывать!.. И вот иногда страшное что-нибудь, – я больше всего люблю. Вот он недавно «Майскую ночь», «Страшную месть»...

– Это Гоголя? – перебила Катя. – Я читала.

– И вот, – продолжала Наташа, – слушаешь, а в комнате все темнеет; прижмешься к папе и боишься глаза открыть, – вдруг что-нибудь привидится...

– Ой, не говори, мне и сейчас страшно! – закричала Люся и, соскочив с сундука, отдернула занавеску.

Наташа расхохоталась:

– Ну и трусиха же ты!.. Нет, девочки, правда, пусть это будет наша вторая комната. Это будет «разговорка», хорошо? Ну, пошли посмотреть дальше...

В очень просторной и светлой комнате Люси Наташа с любопытством огляделась вокруг.

– Это у вас всегда такой кавардак? – спросила она.

Казалось, что хозяева собрались переезжать и занялись разборкой вещей. На столе валялись учебники и тетради вперемешку с недоштопанными чулками, каким-то начатым вышиваньем, тарелкой с бутербродами. На спинке одной из кроватей висели смятые блузки, юбки, на спинке стула – чистое полотенце рядом с грязным фартуком.

– Нет, – Люся живо затрясла головой, – совсем не всегда. По воскресеньям мама такой порядок наводит, такой... Прямо смотреть красиво! А в будние дни ей

некогда: придет с работы, еще обед разогреть надо, да и на завтра сготовить...

– «Мама»! – воскликнула Наташа. – А ты-то сама разве прибрать не можешь?

– Нет! – весело ответила Люся. – Мне и мама всегда говорит: «Ты, Люська, лучше уж не прибирай, а то после твоей уборки ничего не найдешь».

– А мне бы попало от мамы, если бы я такой беспорядок в комнате устроила, – сказала Наташа. – Ну, а теперь пойдем к тебе, Катя.

В комнате у Кати был полный порядок. Две кровати под белоснежными покрывалами, в середине небольшой обеденный стол с чистой клеенкой, и перед каждым из двух окон еще по столу.

– Это вот мой стол, а это дедушкин, – пояснила Катя. На Катином столе были аккуратно сложены стопочки тетрадей и книги.

– Это всё твои книжки? – заинтересовалась Наташа.

– Мои! – с гордостью сказала Катя. – Мне дедушка всегда книжки дарит.

Дедушкин стол был буквально заполнен самыми разнообразными инструментами. Все они лежали в строгом порядке.

– Твой дедушка что делает? – спросила Наташа.

– Работает на Балтийском заводе мастером. Он слесарь, – сказала Катя.

– Какие интересные штуки! Это что такое? – Наташа взяла в руки какой-то очень сложный инструмент и стала его разглядывать.

– Не знаю. Всех названий не помню, – тихо произнесла Катя и покраснела.

– А это что? – Люся схватила другой инструмент.

– Девочки... – растерянно заговорила Катя, – не надо трогать дедушкиных вещей. Он их как-то настраивает, и легко испортить...

Наташа поспешно положила инструмент обратно.

– Ой, как Катька своего дедушку боится! – рассмеялась Люся, бросая инструмент на стол, – смотри, Наташа, она даже вся красная от страху... Струсила...

– Да! И струсила! – Катя высоко подняла голову, и глаза ее заблестели. – Не что дедушка рассердится, а что вы инструменты испортите. Их все дедушка сам сделал, и придумал сам, и его на заводе много раз премировали, – так он

хорошо изобретает. И он их бережет, и я берегу, и не надо их трогать! Я потому... никого и не зову к нам...

– Пойдем, Наташа, лучше ко мне; у меня все можно трогать! – Люся потащила Наташу за руку.

– Нет, – сказала Наташа, – теперь пойдите ко мне; я вам свои открытки покажу. У меня их много. Снимки с хороших картин в музеях, виды Ленинграда...

* * *

Наташины родители нашли очень удачной ее мысль устроить в широком коридоре комнату для занятий девочек. Коридор был полутемный, но ведь заниматься в нем предполагалось все равно по вечерам. Днем освещался он полукруглым окном над всегда закрытой дверью в комнату доктора, и в солнечные дни там было почти совсем светло. Вечером горела в нем маленькая лампочка под самым потолком. Придя с работы, Леонтий Федорович собственноручно удлинит шнур и ввинтил сильную лампочку. Очень кстати нашелся у Анны Николаевны – Люсиной мамы – и лишний стол, вынесенный за ненадобностью в сарай. Стол был водворен посреди комнаты, прямо под лампочкой. Девочки живо смастерили под руководством Софьи Михайловны большой красивый абажур из пестрого сатина; вокруг стола появились стулья, и вчерашний пустой и скучный коридор вдруг преобразился в уютную комнатку.

Все три девочки были в восторге. Одобрительно отнеслись и взрослые.

– Молодец, Наташка, что придумала это! – сказал Леонтий Федорович. – Теперь хоть меня совесть мучить не будет, что я по вечерам тебя свободы лишаю.

– И я за вас обоих рада, – прибавила Софья Михайловна.

Анна Николаевна – совсем как дочка – воскликнула:

– Чудно! Чудно! – и обещала со следующей полочки купить на стол красивую клеенку.

Яков Иванович – Катин дедушка, – вернувшись домой уже вечером, когда все три девочки сидели за столом, освещенные яркой лампой, и весело беседовали, – приоткрыл дверь, заглянул к ним и одобрительно произнес:

– Ну-ну! – И ушел в свою комнату.

Как отнесся доктор, никто не разобрал. Он пришел домой в тот момент, когда к столу девочек подвели Наташины родители. Все вместе горячо обсуждали вопрос, не совместить ли Наташино рождение с новосельем и не справлять ли

его именно за этим столом.

В эту минуту и вошел доктор. Он сразу остановился от неожиданности, но сейчас же, как ни в чем не бывало, направился к двери в свою комнату.

Софья Михайловна растерянно посмотрела на его спину, когда он всовывал ключ, и шепнула мужу:

– А об нем-то мы и забыли...

– Доктор! – окликнула она.

Доктор оглянулся.

– Что вам угодно?

– Доктор, – заговорила она, – вы нас простите, что мы распорядились этим помещением, не поговорив с вами.

– О, пожалуйста, – вежливо, но холодно ответил доктор и скрылся за дверью.

– Он какой-то странный, – задумчиво произнесла Софья Михайловна. – Кто его знает, что у него на душе, но он, видимо, очень одинок. А что на свете может быть страшнее одинокой старости?

– Если человек одинок, – сказал Леонтий Федорович, – он сам в этом виноват.

– Верно, Леня, – кивнула Софья Михайловна головой. – Но ты же юрист и должен помнить, что даже преступника никогда не осуждают, не выслушав его.

Леонтий Федорович встал и обнял жену за плечи. – Ты права. Ты всегда права, умница моя. Ну, а теперь пойдем работать...

Глава II

День рождения Наташи. Разговор о докторе. «Только никому не говорите»

Настал день Наташиного рождения. Накануне с вечера Наташа ломала себе голову, что подарят ей завтра папа с мамой, и была очень разочарована, когда, проснувшись, не увидела, как обычно, никакого подарка возле своего изголовья. Что бы это значило? Родители ласково поздравили ее, а о подарке – ни звука. Но от Наташи не ускользнула лукавая улыбка, мелькнувшая на мамином лице. «Ага, значит, что-то будет», – подумала она про себя.

Перед праздничным обедом, на который пригласили Катю и Люсю, Софья Михайловна отправила девочек погулять.

– Вы пройдитесь, – сказали она им, – а потом сядьте на скамеечку на бульваре перед нашим домом. Когда обед будет готов, я позову вас с балкона.

Девочки, болтая, прошлись почти до Гавани, потом вернулись к своему дому и уселись на скамью, не спуская глаз с балкона. Но балкон был пуст.

– Девочки, а знаете что! – вспомнила вдруг Наташа. – Я сегодня утром выхожу в прихожую, я там доктор. Он откуда-то узнал, что мое рождение, и вдруг протягивает мне руку и говорит: «Поздравляю вас, Наташа, с днем рождения»... Так и сказал: «Вас»!.. Это он мне, должно быть, «вы» говорит, потому что мне уже двенадцать лет.

– И ничего подобного! – воскликнула Люся. – Он мне всегда «вы» говорит! И Кате тоже.

– Такой уж он вежливый, – сказала Катя.

– И ничего не вежливый, а просто старый чудак! – воскликнула Люся. – Девочки, хотите, я вам что расскажу? Ведь моя мама медсестра и работает в больнице, где он раньше служил. И вот там есть другая медсестра, старая-престарая, и она его очень давно знает; так мама у нее на днях всё-всё про него разузнала! Только под большим секретом!

Люся придвинулась ближе к Кате и Наташе и заговорила быстро, шепотом:

– Только он не знает, что мама про него знает, и вы тоже ему не говорите, потому что мама мне рассказала, а потом и говорит: «Только ты никому не рассказывай, а то вдруг он узнает, что я знаю, и будет сердиться». Так вот, очень давно, когда еще был царь, у доктора была жена, и он ее ужас как любил; и у него было два больших друга, и он их тоже ужас как любил, и очень-очень верил. А жена была революционерка, и вот ее вдруг посадили в тюрьму, и она там умерла. И доктор тогда чуть не сошел с ума, а потом узнал, что на нее донес один из этих, про которого он думал, что друг, а он оказался царский шпион. А другой, про которого он думал, что тоже друг, очень испугался и раздружился с доктором, даже не навестил его, когда жена умерла. И доктор тогда уж почти совсем по-настоящему сошел с ума и стал таким чудаком. И вот эта мамина знакомая говорит, что он никому не верит и живет один, и все только книжки читает. Я думаю, он потому вроде сумасшедшего, что уж очень много книжек прочел. Только вы никому не говорите; мама мне велела никому не говорить, – слышите, девочки?

– Хорошо. Я никому не расскажу, – серьезно сказала Катя.

Наташа промолчала. Старый доктор представился ей совсем в новом свете. Нет, она своим папе с мамой непременно расскажет то, что узнала от Люси, и вместе с мамой будет вступаться за старика, если папа снова начнет смеяться над ним.

– Наташа, не скажешь? – спросила Люся, дернув ее за рукав. Но Наташа не успела ответить, – на балконе появился Леонтий Федорович и, стараясь перекрыть уличный шум, позвал:

– Девочки! Обед готов! Пожалуйте!

Девочки вскочили со скамьи и побежали домой. Леонтий Федорович уже поджидал их на лестнице и торжественным жестом распахнул дверь в бывший коридор.

Его трудно было узнать. На столе, накрытом по-праздничному, стоял красивый букет цветов. Несколько больших снимков с любимых Наташиных картин русских художников висели по стенам. На одной из стен тикали часы-ходики, на остальных девочки увидели три совершенно одинаковые, очень скромные, но изящные полочки. На одной стояли в ряд Наташины книги, две другие были пусты, и к одной была прикреплена бумажка с надписью: «Катина», к другой – «Люсина».

Софья Михайловна в светлом платье, свежая, сияющая, стояла у стола. Она звонко расхохоталась, глядя на разинутые рты девочек, но Наташа и Люся сразу бросились так бурно ее обнимать, что ей пришлось схватиться за стол, чтобы не

быть опрокинутой. Поднялся оглушительный шум, – Наташа бросалась то к отцу, то к матери; Люся визжала, папа и мама смеялись, а Катя все так же стояла в дверях, держась за притолоку и не спуская глаз с полочки «Катина».

Леонтий Федорович подошел к ней. Катя подняла на него глаза.

– Почему мне? – спросила она тихо.

– Ах, да! – спохватилась вдруг и Люся. – Почему и мне? Ведь рождение-то Наташино!

Наташа быстро взглянула на отца, на мать.

– Знаю почему! – воскликнула она. – Это чтобы мне еще веселее было. Оттого, что я не одна радуюсь! Да, мама?

– До чего же ты догадливая, Наташка! – засмеялась Софья Михайловна. – Ну, а теперь живо за стол.

Обедали весело. Много подтрунивали над Люсей, уверяя, что на ее полочке будут, должно быть, лежать чулки и калоши вперемешку с булкой и селедкой, так что Люся даже чуть не заплакала и дрожащим голосом сказала:

– Вот увидите, какая будет аккуратная полка!

– Смотри же, – пригрозила ей Наташа, – а то нам тебя и выставить отсюда недолго. Правда, Катя?

Катя промолчала, а Люся надула губы.

– Ну иставляйте! Подумаешь! – проворчала она.

– Ну-ну, девочки, только не ссориться! – сказала Софья Михайловна, а Леонтий Федорович нарочно окинул всех таким испуганным взглядом, что все расхохотались, и снова стало весело.

К концу обеда подошла Анна Николаевна и очень охотно приняла приглашение подсесть и выпить чаю с пирожным. Люсины полочки привела и ее в бурное восхищение, и они обе с дочкой, перебивая друг друга, начали строить планы, что на нее поставить.

Еще не вставали из-за стола, как вошел доктор. Попытались пригласить к столу и его, но он вежливо, но решительно отказался. Когда он отпирал дверь в свою комнату, Софья Михайловна сказала:

– Доктор, у вас дырочка на локте. Дайте пиджак, Наташа вам починит; она это

хорошо умеет.

– Благодарю вас, я это сам умею, – сухо ответил доктор и скрылся за дверью.

Девочки молча переглянулись.

После обеда Наташины родители ушли к себе работать, а Анна Николаевна осталась с девочками. Начались настольные игры, шарады, загадки, и Люси́на мама веселилась не меньше своей дочки. В десять часов вечера Софья Михайловна не без труда разогнала всех спать.

Ложась в постель, Наташа вдруг вспомнила рассказ Люси о докторе и – под большим секретом – передала его родителям.

– Вот оно что! – задумчиво сказала Софья Михайловна и умолкла. Леонтий Федорович пытливо посмотрел на жену, – он знал, что означает это решительное и упорное выражение на ее лице.

«Ну, доктор, теперь берегись!» – хотел он пошутить, но, еще раз взглянув на жену, промолчал.

Глава III

Наташа чувствует себя виноватой. Примирение в «разговорке»...

Как-то в воскресенье, сразу после завтрака, Леонтий Федорович сказал:

– Ну, Наташка, я решил сегодня отдохнуть. Сходим в Русский музей, – давно не были.

– Ой! Папка! – обрадовалась Наташа и выскочила из-за стола. – А можно Катю и Люсю взять?

– Конечно, можно. Вы собирайтесь, а мне надо на почту сбегать. Буду ждать вас на бульваре ровно через десять минут. Засеки время.

Наташа выскочила в прихожую.

– Девочки! Ура! – закричала она.

Люся возилась с чем-то в «классной». Катя приоткрыла свою дверь и высунула голову.

– Девочки! – захлебываясь от радости, заговорила Наташа. – Мы с папой сейчас в Русский музей идем. Хотите с нами?

– Хочу! Хочу! – Люся бросилась к Наташе и закружила ее по прихожей. – Я там ни разу не была!

– А ты, Катя, хочешь? – спросила Наташа, вырываясь из Люсиных объятий.

– Очень хочу... Очень... – растерянно заговорила Катя, – и я там еще никогда не была... только... Я не смогу, я обещала дедушке к трем обед приготовить. Он придет поест, и сразу ему уходить надо.

– Ну-у, – протянула Наташа, – неужели никак нельзя?

– Дедушка же голодный придет... Я обещала... Я не могу... – И Катя быстро скрылась за дверь.

– Я пойду маме скажу! – крикнула Люся и убежала в свою комнату.

– Наташа, иди переоденься скорей, чтобы папе не ждать! – позвала Софья Михайловна.

Ровно через десять минут Наташа и Люся одновременно открывали дверь на лестницу.

Наташа вдруг остановилась.

– Знаешь что? – сказала она. – Давай попросим мою маму. Она же будет нам обед готовить и, я уверена, заодно и Катиному дедушке приготовит! А Катю мы возьмем! – И она бросилась было обратно, но Люся схватила ее за руку,

– Не надо! Ну ее! – шепнула она и, распахнув дверь, вытолкнула Наташу на лестницу.

В эту самую минуту чуть приоткрылась дверь в Катину комнату, и на одно мгновение Наташа увидела лицо Кати, глядевшей им вслед. Наташа рванулась обратно, но Люся уже захлопнула дверь.

– Девочки! Что же вы, я жду! – раздался снизу голос Леонтия Федоровича.

– Идем! – звонко крикнула Люся, за руку увлекая Наташу вниз по лестнице.

– А Катя? – спросил Леонтий Федорович.

– Она сегодня не может, – весело сообщила Люся.

Наташа молчала.

– Жаль, – сказал Леонтий Федорович. – Ну, пошли.

Всю дорогу Люся болтала без умолку, но Наташа шла тихая и молчаливая. Нехорошо было у нее на душе. Все время стояло перед глазами Катино лицо, мелькнувшее в приотворенной двери.

«Конечно, не надо было слушать Люську, – думала она, – мама никогда не отказалась бы сготовить...»

Они шли по Университетской набережной. День был солнечный и ветреный. По ярко-синей Неве весело бежали белые барашки. Ослепительно блестели адмиралтейская игла и круглые купола Исаакиевского собора. На фоне пышной летней зелени четко выделялся «Медный всадник» – знаменитый памятник Петру Великому. По обеим сторонам его красовались белыми колоннами на желтом фоне полукруг Сената и Адмиралтейство.

Леонтий Федорович остановился.

– Ну до чего же хорошо! Наташка, а? – и он пытливо посмотрел на дочь.

Наташа тоже остановилась и невольно залюбовалась.

– Хорошо, папа! – вырвалось у нее. Но сейчас же она молча двинулась дальше.

– Наташа!

– Что, папа? – она оглянулась.

– Постоим еще немного! А ну-ка, ты помнишь, что я тебе рассказывал о «Медном всаднике»? Или забыла?

– Ну вот, забыла! – обиделась Наташа. – Конечно помню! Этот памятник вылепил французский скульптор Фальконе. Царице Екатерине памятник понравился, а голова Петра не понравилась. Фальконе ее несколько раз переделывал, а она все говорит: не то! И тогда он поручил вылепить голову своей ученице – Марии Колло, и эта голова царице понравилась...

– Как это ты все помнишь? – удивилась Люся.

– А как ты считаешь, – заговорил снова Леонтий Федорович, стараясь вовлечь Наташу в разговор, – кони на Аничковом мосту великолепны? Но куда им до петровского коня! Правда?

– Ах, на мосту! – воскликнула вдруг Люся. – Я, когда по мосту иду, каждую-каждую лошадку по мордочке поглажу! Я их ужасно люблю!

– Люська, ну что ты глупости болтаешь! – раздраженно остановила ее Наташа. – «По мордочке»! Они же высоко!

– Сама ты высоко! Совсем низко, в перилах, на каждом шагу по две лошадки! – протестовала Люся. – Они такие смешные, с рыбьими хвостами! Как игрушки!

Леонтий Федорович расхохотался.

– Все ты путаешь, Люся! Мы говорим о скульптурах на Аничковом мосту, а ты о перилах моста Лейтенанта Шмидта.

– А тот мост я и не знаю! – беспечно сказала Люся.

Наташа досадливо пожала плечами.

– Ты когда была в последний раз в музее? – спросил Леонтий Федорович, украдкой наблюдая за Наташей. – Со мной или со школой?

– В последний раз?.. – Наташа наморщила лоб, припоминая. – Ну, конечно, со школой! Весной, перед каникулами. – Она сразу оживилась. – Еще Вера Петровна в тот раз так интересно рассказывала нам про Сурикова. Ты подумай: Суриков нарочно ездил в Альпы посмотреть, как там все выглядит, и сам сползал вот по такой же круче, а уже потом написал картину, как Суворов переходит... – Она внезапно остановилась, озадаченная. – Папочка! – воскликнула она. – А вдруг в новой школе, где я буду учиться, нас не будут водить в музей?! А?!

– Тогда ты сама прояви инициативу, – спокойно ответил Леонтий Федорович.

– У нас в прошлом году пятый класс водили! – воскликнула Люся.

В музее Люся сразу пришла в неистовый восторг. Решительно все, начиная с нарядного входа, широкой белой лестницы, высоких потолков, огромных окон, приводило ее в шумное восхищение.

Наташа с отцом не спеша переходили из зала в зал. Леонтий Федорович обращал внимание Наташи то на одну, то на другую картину, объяснял ее содержание, рассказывал об ее авторе. Долго стояли перед «Бурлаками» Репина, и Наташа снова вспомнила, как увлекательно говорила ее учительница Вера Петровна о работе художника над этим замечательным произведением. Перед этой картиной притихла даже Люся, почти не слушавшая рассказов

Леонтия Федоровича и все. время убегавшая вперед.

– Люся еще не умеет смотреть картины, – сказал Леонтий Федорович, когда она снова умчалась от них. – Этому тоже надо научиться. Ну, да мы ее научим.

«Катя сумела бы», – подумала Наташа и глубоко вздохнула.

* * *

Домой пришли усталые и голодные. За обедом Леонтий Федорович показывал жене, как Люся вела себя в музее, и Наташа не могла удержаться от смеха. Но вечером Леонтий Федорович столкнулся в прихожей с Катей и, вернувшись в свою комнату, в упор спросил у дочери:

– Наташа, почему у Кати глаза заплаканы?

– Не знаю, папа, – как-то само собой вырвалось у Наташи.

– Не знаешь? – переспросил Леонтий Федорович как будто совсем спокойно, но Наташино сердце куда-то сразу ухнуло, и вся кровь бросилась ей в лицо. Отец повернулся на каблуках и молча сел к своему письменному столу. Наташа, еле переводя дух – так сильно билось сердце, – выскочила из комнаты и в прихожей остановилась.

Что же это?.. И с Катей сегодня так нехорошо вышло, – весь день это ее мучило, а сейчас еще и папе солгала. Солгала папе! Этого с ней еще никогда не случилось... Она же хорошо знает, почему Катя плакала... Но почему-то невозможно, почему-то стыдно сказать папе, что она знает...

Наташа стояла одна посреди прихожей и думала. «Ну и что? ... Ну и что?.. – убеждала она себя. – Я же ничего плохого не сделала... Катя же сама отказалась идти. А только зачем я Люську послушалась?!»... Ей снова вспомнилось Катино лицо в приотворенной двери, и она вдруг почувствовала, что не сумеет встретиться с Катей так, как будто ничего не произошло. А с папой как быть? Признаться ему, что солгала?.. Нет, нет, этого она ни за что не сможет!

В Катиной комнате был свет, – значит, она дома. А вдруг она сейчас выйдет и увидит здесь Наташу?.. Нет, нет, не надо!..

Наташа вернулась в комнату и легла в постель.

* * *

Ведь как будто ничего особенного и не случилось, никто ни с кем не ссорился,

никто ни в чем Наташу не упрекал, а вся жизнь у нее как-то разладилась. Папа не сказал ей больше ни слова о Кате, но Наташа чувствовала, что он за ней украдкой наблюдает. Мама, казалось, ничего не замечает. Люся по-прежнему дурачилась, льнула к Наташе и тормозила ее, но Люсина веселость ее раздражала, и она несколько раз резко обрывала Люсю. Люся обижалась и плакала, но через полчаса все забывала, и снова по всей квартире звенел ее смех. Наташа старалась поменьше встречаться с ней.

Сложнее всего было с Катей. Как ни убеждала себя Наташа, что она ни в чем не виновата, – она никак не могла найти с ней нужного тона и потому изо всех сил избегала Катю. Катя это сразу почувствовала и тоже старалась не показываться Наташе на глаза. И чем дальше, тем невозможнее казалось Наташе просто подойти к Кате и заговорить с ней по-хорошему.

Так прошло два дня. Был тихий вечер. Леонтия Федоровича не было дома. Софья Михайловна читала лежа на тахте. Наташа бесцельно бродила по комнате. Она попробовала была тоже читать – не читалось. Начала вышивать – сразу уколола палец и бросила. Она подошла к окну. Лил мелкий надоедливый дождик. Блестел сквозь деревья мокрый асфальт, отражая свет уличных фонарей и пробежавшие трамваи. Прохожих почти не было. Наташа выбежала из комнаты и на цыпочках, стараясь не шуметь, бросилась к «разговорке».

Занавеска была плотно задернута. Наташа отвела рукой ее край и скользнула в закуток. Да! Забиться в угол, побыть одной, успокоиться, обдумать... Она шагнула к сундуку и вздрогнула: легкий шорох послышался в углу. Или показалось? Наташа осторожно протянула вперед руку и наткнулась на чье-то теплое плечо.

– Кто это? – вырвалось у нее шепотом.

– Я... – раздался из угла сдавленный голос. У Наташи перехватило дыхание.

– Катя?..

– Да...

– Ты что... здесь?..

Катя не ответила. Молчала и Наташа, не зная, что же теперь делать. В углу вдруг раздался сдержанный всхлип.

– Катя!.. – тихо произнесла Наташа. Катя не выдержала и всхлипнула громче.

– Катя!.. Катюшка!.. – Наташа вскочила коленками на сундук, обхватила руками худенькое Катино тело, прижалась и, плача и смеясь, заговорила быстро и

горячо:

– Катюшка... ну чего ты?.. Глупая!.. Мы обе глупые, ну чего режем?.. Знаешь, я все эти дни мучаюсь. Это все Люська, дура... Нет, я сама виновата... Ну, не плачь... Ну, об чем?..

– Я... я сама не знаю... – бормотала Катя и в свою очередь крепко обняла руками шею Наташи, – а только мне сегодня... так грустно...

– Ну, не плачь... Ну, расскажи мне все-все, – шептала Наташа. – Тебе тогда очень хотелось пойти с нами? Да?

– Очень... Я всегда одна... Хотелось... с тобой...

Катя еще теснее прижалась к Наташе.

– Когда ты придумала эту «разговорку»... Я так обрадовалась. Я думала... мы будем вместе... – говорила она, все еще всхлипывая.

– Будем, Катюшка! Будем! Мы будем подругами... такими!.. Знаешь, такими, чтоб друг за дружку в огонь и в воду!.. Хочешь?.. Катюшка!.. Ну, Катюшка же!..

И Наташа схватила Катю за плечи и затормошила ее.

– Наташа! – начала было Катя, но вдруг сжала Наташину руку и вся замерла. – Тш-ш...

Обе притихли. По «классной» быстро шлепали босые ноги Люси.

– Хоть бы она на кухню, – шепнула Наташа, но через мгновение край занавески отдернулся, и Люся влетела в «разговорку».

– Ай! Кто здесь? – испуганно вскрикнула она.

– Это мы. А ты чего? – спросила Наташа как можно спокойнее.

Люся громко расплакалась.

– Ой, как вы напугали меня!.. А мне мама задачу задала... а она... не выходит!..

Наташа вскочила с сундука.

– Катюшка! Пойдемте все вместе Люсину задачу решать! крикнула она весело.

* * *

Поздно вечером, лежа в постели, Наташа долго думала, – как же быть с папой?

Как дать ему понять, что с Катей теперь все хорошо?.. Но дать понять так, чтоб ничего-ничего не рассказывать о том, что произошло...

Леонтий Федорович сидел за столом и писал. Софья Михайловна уже спала. Наташа напряженно смотрела на широкую спину отца. «Оглянись, папа! Ну, оглянись же!» – просила она мысленно.

Но папа не оглядывался.

Наташа набрала в грудь побольше воздуха и, стараясь говорить самым безразличным тоном, сказала:

– Знаешь что, папа? Когда мы следующий раз пойдем в Русский музей, давай снова посмотрим те же залы. И ты опять расскажешь то же... Я с удовольствием послушала бы еще раз... А кстати... и Катя послушает.

Леонтий Федорович встал, отодвинул резким движением стул и быстрыми шагами подошел к Наташе.

– Хорошо, Натулька. Так и сделаем, – сказал он серьезно, без улыбки, и нежно поцеловал ее в лоб.

«Натулька»! – радостно отозвалось в Наташином сердце. Через несколько минут она сладко спала.

Когда она проснулась и открыла глаза, за окном стояло яркое солнечное утро. Папы в комнате не было, кровать его была застлана. Наташа поняла, что проспала. Дверь открылась, вошла мать.

– А! Выспалась, сонуля? – спросила она весело, наклонилась над Наташей и затормошила ее.

– Мамка моя! Ну пусти, я буду одеваться!

– Постой. Расскажи мне теперь всё, как было.

– А ты... знала?

– А ты что же думала, – твоя мама глупая, ничего не видит?

– Ах ты... какая!.. – Наташа погрозила матери пальцем. – Хитрая!.. А сама молчит!

– А что же мне в твои дела мешаться? – улыбнулась Софья Михайловна. – Большая, выпутывайся сама.

Наташа внимательно посмотрела в пытливые глаза матери и подробно, без

утайки рассказала все, что пережила за эти дни.

Глава IV

Как они «сумерничали». Где же вихрашка?

– Папка, – сказала Наташа недовольным тоном, глядя, как отец задерживает штору и зажигает лампу над своим письменным столом, – послушай, мы же на этой квартире еще ни разу не сумерничали.

– Сумерки, очевидно, здесь отменяются, – с комическим вздохом прибавила Софья Михайловна.

Леонтий Федорович оглянулся в нерешительности.

– Леня, а может быть, и правда, нам с тобой отдохнуть сегодня? – спросила его жена.

– Отдохнуть, отдохнуть, отдохнуть! – запела Наташа и, прежде чем он успел ответить, подскочила к балконной двери, одним рывком шумно отодвинула штору, погасила лампу и, схватив отца за руки, потащила к тахте.

– Ну, что с вами делать! Уж ладно, – сдался Леонтий Федорович, как бы нехотя.

– Не притворяйся, папка! Сам рад до смерти! – ликовала Наташа. – А девочек можно позвать?

– Чего же, зови!

Через минуту Катя и Люся вбежали в комнату. Леонтий Федорович и Софья Михайловна уже сидели, забравшись с ногами в самую глубину широчайшей тахты. В комнате стоял полумрак. День был дождливый, с нависшими темными тучами, и в раскрытую дверь балкона врывались струи резкого ветра.

– Чур, я в середку! – крикнула Люся, вскочив коленками на тахту и забираясь в узкий промежуток между Наташиными родителями.

– Люська! Это мое место! – крикнула Наташа возмущенно.

– Ну, только на сегодня! Ну, пожалуйста, ну, Наташа!.. – умоляла Люся.

– Наташа, ты иди к папе, – сказала Софья Михайловна, многозначительно указав ей глазами на Катю, присевшую на стул, – а Катя ко мне.

– Ничего... я тут. ... – пролепетала она.

– Ну, без разговоров! А то я дедушке пожалуюсь, что ты меня не слушаешься. Марш сюда! – И Софья Михайловна шутливо погрозила ей пальцем.

Катя, смущенная, пересела на край тахты.

– Ну, что это за упрямая девчонка!

Софья Михайловна сгребла Катю в охапку, втащила в глубину тахты и крепко обхватила рукой, совершенно закутав в угол большого пухового платка, накинутаго у нее на плечах.

– Вот так. Свернись калачиком и сиди смирно, и будем слушать, – говорила она, ласково прижимая ее к себе.

Катя сидела притихшая и, казалось, боялась дышать. Ей было и неудобно, и душно; острая пуговица на платье Софьи Михайловны врезалась ей в щеку, но какое-то совсем для нее новое чувство наполняло ее до краев, и она сама все теснее прижималась к Софье Михайловне.

– Папка! О чем сегодня? – спрашивала между тем Наташа.

– Только не страшное! – взмолилась Люся.

– Папка! Знаешь что?! Расскажи про Вихрашку! – И Наташа, слегка отодвинувшись от отца, лукаво взглянула в его лицо. Глаза ее смеялись.

– Ну-у!.. Не надо! Ты уже слышала... – протянула Софья Михайловна.

– Ну и что? – перебила ее Наташа. – И еще послушаю с удовольствием, и Катя, и Люся пусть тоже! А ты не слушай, если не хочешь!

– Кто это Вихрашка? Собака? Я люблю про собак! – воскликнула Люся.

Наташа и ее родители засмеялись.

– Нет, не собака, – сказал Леонтий Федорович. – Ну ладно, слушайте! Это из моей жизни.

Все зашевелились, усаживаясь поудобнее. Леонтий Федорович начал:

– Так вот, девочки, имейте в виду, что я в раннем детстве остался сиротой и воспитывался до революции в сиротском приюте, а после Октября – в детском доме. Был я мальчишка, мягко выражаясь, чересчур живой, а сказать попросту – озорной. Дружил с ребятами самыми отпетыми, дважды убегал из детского дома и бродяжил с беспризорниками. К пятнадцати годам попал я в такой

детдом, который хоть и назывался этим, именем, а был вроде трудовой колонии. Устроен он был в имении какого-то богатого помещика. Дом двухэтажный, каменный, крыльцо с колоннадой, зал в два света, комнатам числа пет, а кругом дома парк огромный, старый. Липы в два обхвата, березы такие – посмотришь на макушку – шапка валится. И протекала через парк речка, неширокая, извилистая, быстрая-быстрая. Берега у нее были невысокие, обрывистые, и на крутых поворотах подмывала она каждую весну берег все больше и больше, так что в некоторых местах прямо над водой висели обнаженные корни вековых деревьев. Черные гладкие, переплетались, как змеи. И не было у нас, ребят, большего удовольствия, как сесть на такой корень, ноги свесить и раскачиваться; а он пружинит, так тебя вверх и подбрасывает. Под ногами у тебя вода несется, булькает, и мечутся в ней из стороны в сторону прибрежные водоросли. Хорошие были местечки!

Шел как раз девятьсот девятнадцатый год; бурное было время. Не кончилась еще гражданская война, – всё, что в стране было молодого, сильного, энергичного, – всё было на фронте. А педагоги были у нас случайные, менялись поминутно, и дисциплины, можно сказать, почти вовсе и не было. Верхний этаж в доме занимали девочки. Мы – мальчишки – царили в нижнем. Они презирали нас, мы презирали их. Мы их даже не тузили, – это казалось нам ниже нашего достоинства.

– Фу! Какие противные! – выпалила вдруг Люся.

– Ш-ш! – зашикала на нее Наташа.

– Был у меня дружок Гулька, – продолжал Леонтий Федорович. – Годами он был немного старше меня, а жизненным опытом, наверное, – вдвое. Он успел и всю страну исколесить, и в тюрьмах посидел, и около фронтов болтался. Я перед ним чувствовал себя щенком и смотрел на него чуть ли не с благоговением. А он отчаянный был мальчишка. Шла зима, и у нас с ним твердо было решено: весной снова удерем и пойдем бродяжничать.

Ранней весной, когда только днем чуть начало капать с крыш, приехал новый заведующий, по имени Михаил Иванович. Приехал не один – привез с собой несколько новых педагогов и целую партию ребят, переведенных к нам из другого детдома. Приехали они вечером; и уже через час после приезда собрал он нас в зале и поговорил с нами. Видим – н-да... дяденька «сурьезный». Говорит спокойно, голоса не повысит, а мы и сами не пойдем, в чем дело, а только чувствуем, – этот приберет нас к рукам.

Гулька даже заскучал. Шепчет мне: «Не станем весны дожидаться, удерем скоро». Ну а я... ясно: куда Гулька, туда и я. «Удере́м», – говорю.

На другое же утро, чуть свет, разбудил меня Гулька.

– Слушай, Ленька, – шепчет, – пойдем, помоги мне.

– Чего ты затеял? – шепчу. . – Одевайся живо. Пойдем!

Вышли в сени, тихонечко засов отодвинули, выбрались на крыльцо. Мороз, тишина, а заря – во все небо.

– Идем скорей, – говорит Гулька, – не опоздать бы. Сейчас солнце взойдет, скоро вставать начнут.

Пошли по тропочке в парк.

– Ну, рассказывай. Гулька, – в чем дело?

– Хотел я один справиться, да кряхтел-кряхтел, не выходит. Понимаешь – не уходить же нам с пустыми руками. На первое время хоть что раздобыть надо. Ну, я и раздобыл... Навезли они вещей чертову уйму. Еще не разобрали, все в угловой комнате свалили. Ящики громадные, тяжеленные, гвоздями забиты, без шуму нипочем не открыть. Да нашел я там ящичек небольшой, длинненький, полированный – красота! И крышка выдвигается. Отодвинул, а там столярных инструментов набор, да каких! Этому, брат, сейчас цены нет; с руками оторвут. Ну, я, конечно, под мышку – и драла!

– Когда это было-то? – спрашиваю.

– Да только вот сейчас. А я еще давно местечко присмотрел, если что спрятать понадобится. Еще летом, как купались. Знаешь, где липа старая, корни свесились. Там в береге, под корнями, вроде как нора в песке. Глубокая! Никто нипочем не найдет. Ну, я туда. Да никак одному не справиться, – на лед я прыгнуть побоялся, грузно с ящиком-то прыгать, еще провалишься, – течение там быстрое; небось, лед уже от берега отстал.

– Ну, а я что помогу? – спрашиваю.

– Дурак, – не понимаешь? Я прыгать не стану, осторожненько на мускулах с корней на лед спущусь, а ты мне ящик сверху подашь, – вот все и в порядке. Понял?

– Понял.

Так мы и сделали.

Сознаюсь, смутно было у меня на душе. И неожиданно уж очень все это получилось, и спросонья-то я еще плохо соображал, да и в первый раз в жизни в таком деле участвовал. Случалось с прилавка булку стянуть, когда беспризорничал, а такую дорогую вещь – нет!

И вдруг в тот самый момент, когда Гулька подтянулся обратно и выскакивал на берег, слышим веселый девичий голос:

– Здравствуйте, мальчики! Вы что там делаете?

Гулька так чуть обратно в речку не кувырнулся. А я тоже так вздрогнул, точно меня кнутом хлестнули. Оглянулись – стоит на берегу за излучиной, совсем близко от нас, девчонка на лыжах и на нас смотрит. Новенькая, – видно, из приехавших. Мы молчим, рты разинули, как рыбы на берегу. А она хохотать.

– Чего испугались-то, чудаки? Что я, ведьма? – А сама направляется по берегу к нам.

– Вот черт! – шепчет Гулька. – Как ты думаешь, видела?

– Шут ее знает, – говорю.

А девчонка уже около нас. Остановилась, руки в карманах серого ватника, рассматривает нас. Как сейчас вижу – моего возраста, высокая, тоненькая, шапка-ушанка на затылок сдвинута, а из-под шапки чуть вьющиеся волосы такими смешными вихрами во все стороны торчат. Глаза серые, веселые, даже чуть озорные. Стоим молча, смотрим друг на друга.

– Вы из этого детдома? – спрашивает, наконец.

Гулька молчит. А я еле выдавил из себя:

– Ага.

– А теперь и я у вас буду, – говорит. – Нас много приехало. Все спят еще, а я как выглянула в окно... До чего же у вас тут красиво! Я и спать больше не могла. Вскочила, побежала парк смотреть.

Гулька все молчит, отвернулся, будто и не слышит.

А девчонка смеется.

– Да чего, – говорит, – вы такие смешные? Точно уксусу выпили.

Гулька вдруг плюнул в сторону и говорит:

– Мы с девчонками не разговариваем.

Вижу: вспыхнула вся.

– Ну и дураки. Это почему же?

– Сама дура, – буркнул Гулька.

Помолчала, рассматривает нас, как зверей диковинных. А мы стоим и вправду, как дураки, – и стоять тошно, и уходить не уходим. Растерялись, – видела или не видела?

И вдруг улыбнулась она. Никогда я этой улыбки не забуду.

– Ну ладно, – говорит, – мальчишки. Я же видела, физкультурой вы тут занимались. Здорово у тебя получается, молодец!

Вижу, у Гульки все лицо передернулось от злобы.

– Ага, – шепчет, – понимаю. Примазаться хочешь? Не выйдет, шалишь.

У девочки брови на лоб полезли.

– Примазаться?! Выдумали тоже. Я, если хочешь знать, и сама физкультурница. Не хуже тебя на мускулах подтянусь. Хочешь, покажу? – И стала лыжи сбрасывать.

Тут уже и я озлился. Ну, чего она нас мучает? Ведь нарочно. И сразу так ясно представилось мне: вот спустится сейчас на мускулах на лед, да и протянет ехидненько так:

– А это что там в норе за ящичек, а?

Гулька рассвирепел:

– Убирайся, покуда цела!

И девчонка вспылила:

– Да ты что? Никуда не уйду. Вот на этих же корнях зарядку и проделаю.

Дальше все произошло так быстро, что я и вмешаться не успел. Гулька подскочил, встал между ней и корнями, нависшими над рекой, а она

усмехнулась и как двинет его плечом в бок. Гулька, конечно, много сильнее ее был, да не ожидал никак этого выпада, чуть не потерял равновесия, отскочил в сторону да со всего размаху ткнул ее кулаком в спину. А она в это время уже одной ногой на круглый нависший корень ступила. Соскользнула у нее нога в валенке, и всей тяжестью рухнула она вниз – на лед. Слышим треск, плеск воды, наклонились мы, смотрим, а она барахтается, хватается за края льда, а лед под ее руками обламывается. Опомнился я, схватил ее лыжу, протягиваю ей:

– Держись! – кричу.

А ей, вижу, удалось ногами на дно встать, там неглубоко было, ей как раз по плечи. Оттолкнула она молча лыжу, прошла по дну шага два, где поотложе, и, хватаясь за корни, ловко выбралась на берег. Мы стоим, молчим, смотрим. И она молчит. Синяя вся, зубы лязгают. Молча взяла у меня лыжу из рук, другую подняла и побежала по тропке к дому, сама шатается: трудно в намокшей одежде бежать. Мы стоим, вслед смотрим, как ошалелые. И вдруг хватает меня Гулька за руку да скорей – за ствол старой липы.

– Гляди! – шепчет.

Посмотрел я, куда он показывает, и так сердце у меня и оборвалось. Идет навстречу нашей девчонке... сам Михаил Иванович! Увидел ее, всплеснул руками, остановился, а она прямо к нему подбежала, рассказывает что-то, лыжами в нашу сторону показывает. Он схватил ее за воротник, лыжи у нее взял, к дому толкает, – видно, скорей домой торопит. Побежала она снова, а он за ней на своих длинных ногах шагает, тоже торопится, что-то ей вслед кричит, – слов-то нам не разобрать, далеко.

– Наябедничала, вредная, – шепчет Гулька. – Чего же теперь нам делать?

– Может, сегодня и удерем? – спрашиваю я робко.

– Выдумал! Во-первых, еще придумать надо, как теперь ящик достать. Во-вторых, еще жратвы на дорогу накопить надо. А в-третьих, шут ее знает; может, она ящика и не видела, – не понял я.

– Хитрущая она, – шепчу, – точно издевается.

– У-у, вредная, – шипит Гулька. – Ну ладно, мы с ней еще посчитаемся. А теперь пошли! И ничего мы знать не знаем, ведать не ведаем. Понял? Кругом пойдем, в обход.

Ящика не хватились и день, и второй, и третий. На двери в угловой комнате появился висячий замок – видимо, его повесили, не проверив вещей. Но в

детдоме только и разговоров, что о провалившейся под лед девочке. Мы с Гулькой постепенно узнали, что прозвище девчонки – Вихрашка, что сейчас она лежит в лазарете, потому что очень простудилась. И еще мы узнали – и это нас больше всего потрясло, что она дочка... самого Михаила Ивановича.

Мы с Гулькой даже похудели за эти дни. Когда я заикался о побеге, Гулька зло меня обрывал:

– Не путайся под ногами. Сам знаю, когда уйти. Выждать надо.

И вот через несколько дней идем мы с Гулькой по коридору, а у окошка стоят несколько девчонок из новеньких, шепчутся о чем-то и режут все. У меня почему-то сердце ёкнуло. Я подошел к ним и спрашиваю, стараясь поглубже:

– Ну? Чего режете?

Одна всхлипнула и говорит:

– Вихрашка умирает... Крупозное... Доктор сказал: безнадежно... – и разревелась чуть не в голос.

И вдруг вижу – директор по коридору идет... Идет, вперед смотрит, точно ничего не видит. А на лицо посмотреть страшно.

Одна из девочек тихо окликнула его:

– Михаил Иванович!

Он остановился, посмотрел, подошел к ним. А они режут, ничего сказать не могут. И он ничего не сказал, погладил только по голове ту, что окликнула его, и пошел дальше.

Я стою в стороне и сам не понимаю, что со мной. Дрожит у меня что-то внутри, никак мне этой дрожи не унять. А Гулька взял меня за руку, оттащил в пустой класс, ухмыляется.

– Вот и ладно, – шепчет, – помрет она, так все у нас шито-крыто и останется.

И сам я не помню, как это случилось, но размахнулся я и изо всех сил ударил Гульку по лицу.

Леонтий Федорович замолчал. Наташа подняла голову и посмотрела на подруг. Люся уже не сидела больше между ее мамой и папой, а стояла на коленях на тахте прямо перед Леонтием Федоровичем, не спуская с его лица напряженных глаз. Губы ее были приоткрыты и слегка дрожали. Катя высунула из-под платка Софьи Михайловны всю голову и тоже впилась глазами в рот Леонтия

Федоровича.

– И... и умерла? – прошептала она.

– Ой, не надо, чтоб умерла! – вырвалось у Люси жалобно.

Леонтий Федорович улыбнулся.

– Не перебивайте, а слушайте дальше. Ну, словом, подрались мы с Гулькой как следует, а к вечеру помирились. Он сам первый подошел мириться. Я ему уж очень был нужен, – теперь уже никак в одиночку ящик было не достать. Ну а я... черт меня знает, почему я помирился. Глупый еще был, самолюбию мальчишескому льстило, что Гулька сам подошел. А о Вихрашке мы с ним – ни звука, будто ее и не было никогда...

Софья Михайловна вдруг сбросила с себя платок, укутала им Катю с Люсей и встала с тахты.

– Пора ужин готовить, – сказала она, – пойду...

– Ну-у... – в один голос недовольно протянули Наташа и Люся. Катя глубоко вздохнула.

– Сама же, Наташка, скоро кушать запросишь, – засмеялась Софья Михайловна и вышла из комнаты.

– На следующее утро встал я, – продолжал рассказ Леонтий Федорович, – а перед глазами так Вихрашка и стоит, такая, как тогда – на солнце. Пошел я в медпункт, говорю сестре:

– Живот у меня болит. Дайте чего от живота.

Дала она мне каких-то капель, а я – будто между прочим – спрашиваю:

– А как у вас девчонка-то директорова? Померла?

– Да нет, – говорит, – вчера уже совсем было похоронили, и доктор не надеялся, а сегодня лучше. Может, и выкарабкается.

Вышел я из медпункта, – словно это я сам воскрес.

Ну, прошло еще несколько дней. Спасли Вихрашку. Поправляется. И директор совсем ожил, не узнать. И вот – отперли угловую комнату, стали распаковывать вещи. И хватились тут ящика с инструментами. Ну, это долго рассказывать, целое следствие велось.

Ящика так и не нашли, и виновных не нашли, дело заглохло. Я о побеге Гульку и не спрашиваю и сам не признаюсь, что бежать-то мне уж и не хочется. И он молчит. Так прошло много дней. Сидим мы как-то с Гулькой в коридоре на подоконнике, задачу я ему объясняю. И вот видим, идет по коридору директор и с ним Вихрашка. У меня даже сердце остановилось. Вытянулась она, похудела, бледная-бледная, а глаза все те же, только будто усталые немного.

Гулька мне шепчет:

– Влипли! Сейчас ему нас укажет...

А Вихрашка отделилась от отца, подходит прямо к Гульке.

– Слушай, – говорит вполголоса, – ведь гадко ты тогда поступил, не по-товарищески. Я же тебя в бок оттолкнула, а ты зачем меня прямо в реку? Что я тебе сделала?

Вижу, Гулька побелел весь, глаза злющие. А директор идет себе дальше по коридору.

Гулька зашипел:

– У-у, ябеда поганая. Жаль, что я тебя и вовсе не утопил. Попробуй донеси, – тогда увидишь.

У Вихрашки – смотрю – глаза потемнели, ноздри раздулись.

– Что-о? – шепчет. – Я – ябеда? Да ты в уме?

А тут Михаил Иванович возьми и оглянись. Увидел наши три физиономии – выразительные, должно быть, были – и идет к нам.

– Ну-ка, идемте все трое в кабинет.

И пошел вперед. А мы за ним. Вихрашка вспыхнула вся, брови свела, губу закусила, идет, в землю смотрит. А Гулька дернул меня за рукав и с такой злобой мне на нее глазами показывает, что мне жутко стало. А у меня в голове – такая путаница. И совсем не думаю, зачем нас в кабинет ведут, а одна мысль: неужто она, и вправду, нарочно подошла, чтобы на нас отцу указать? Схитрила?

Вошли в кабинет; директор сел в кресло; мы трое стоим перед ним. Он молчит, внимательно так, то в меня, то в Гульку всматривается.

– Ну, – говорит, – отвечайте, который из вас ее в воду толкнул?

Снова так и вспыхнула Вихрашка, глаза гневные, ноздри раздула.

– Папа, – закричала, – я же тебе говорила, сама я...

Отец перебил:

– Не с тобой разговор. Молчи.

Умолкла, губу закусила. А директор снова:

– Ну, который из вас?

Мы молчим оба. А Вихрашка снова заговорила:

– Папа, ладно, если уже так. Я сама скажу. Я первая вот этого парня толкнула, а потом он меня... Он не нарочно! А вот этот мне лыжу протягивал...

– А зачем же ты его толкала?

– А он меня на корни не пускал. А я хотела им показать, как я подтягиваться...

Отец снова перебил:

– Почему же ты ее на корни не пускал?

Гулька буркнул:

– Боялся, не упала бы...

– Ага! Боялся, не упала бы, а потому ее сам в реку столкнул?

Гулька молчит, в пол смотрит. А директор глаз с него не сводит и медленно так, с расстановкой:

– А ящик с инструментами где? – спрашивает.

У меня сердце так куда-то и ухнуло. Видела, значит? Донесла! И вдруг гляжу, – у Вихрашки глаза на лоб полезли:

– А ящик-то тут при чем? – говорит.

Притворяется? Или вправду не видела?

Отец взглянул на нее и снова к Гульке:

– Где ящик с инструментами?

– Не брал я вашего ящика, – буркнул Гулька.

А тот перевел глаза на меня:

– Где ящик с инструментами?

У меня сразу спина вспотела. Смотрим друг другу прямо в глаза. И такие у него глаза... объяснить бы я тогда ни за что не сумел, а вот почувствовал: нельзя им солгать. А и сказать нельзя, Гульки боюсь. Стою и молчу. И вдруг вижу, что у директора под седыми усами губы улыбкой дрогнули: уж очень смешная, видно, у меня рожа в тот миг была, и понял он меня насквозь. И вдруг спрашивает:

– Это, должно быть, твое первое «дело»?

И – неожиданно для самого себя – я прошептал:

– Первое...

И глаза опустил, очень стыдно стало.

– И последнее? А, Леня? – Не вижу я его, а по голосу слышу: улыбается.

Поднял я голову, встретился снова с ним глазами и сказал громко и твердо:

– И последнее, Михаил Иванович. Верьте мне!

А он обратился к Вихрашке:

– Ну, ты иди в класс; звонок сейчас будет, И никому – ни слова.

– Но, папа... – начала она.

– Иди!

Вихрашка вышла. А директор снова ко мне:

– Теперь расскажи все, как было.

Нелегко было мне рассказывать. Гульку, хоть и не вижу, а всем своим телом рядом чувствую. Словно его ненависть меня всего обволокла, сковывает. А в глаза мои смотрят другие глаза – спокойные, добрые, и словно говорят: «Не бойся, рассказывай».

Ну, я все и рассказал, как было. А уже на Гульку, конечно, и не оглядываюсь.

Кончил. А директор мне говорит самым что ни на есть обыкновенным тоном, точно очередное задание дает:

– Вот что, поди-ка в сени, возьми стремянку, привяжешь ко всем четырем концам по грузу, чтобы она на дно встала и течением бы ее не сбило. Достанешь ящик, принесешь мне сюда. Если нужно будет, возьми кого-нибудь в помощь.

Вышел я, на Гульку так и не оглянувшись. Только дверь за собой прикрыл, – бросается от окна ко мне Вихрашка. Ждала она тут, оказывается. Схватила меня за руку, взволнованная такая, смотрит прямо в глаза:

– Вышло так, будто я, и вправду, ябеда... Не выдавала я вас... Говорила, сама сорвалась... А про ящик ничего я и не знала. Веришь?

А я смотрю на нее, и такая у меня радость на душе, – кажется, закричал бы на весь мир!

– Верю, – говорю, – Вихрашка. Значит, ты не видела, как Гулька его в нору под корнями совал?

Мотает головой:

– Я на берег вышла, вижу, он на мускулах на корень подтягивается. Понравилось мне, – здорово так. Я вас и окликнула. А ящик – в норе?

– В норе. Ну, а если бы увидела, – донесла бы?

– Нет. Самого бы его вернуть заставила.

– Это Гульку бы заставила? – Я расхохотался. – Не знаешь ты его.

– А вот заставила бы, – упрямо говорит. – Как так не заставить?

– Слушай, – я говорю, – ну, а если бы не заставила?

А она совсем просто говорит:

– Ну, тогда, конечно, папе бы сказала. Инструменты-то для нас же. Что же, – я буду вора покрывать?

Через полчаса принес я ящик директору. А он уже один в кабинете. Не посмел я спросить, где Гулька. Директор взял ящик.

– Теперь иди, – говорит, – в класс. Никому ничего не рассказывай. Если педагог спросит, почему на урок опоздал, скажи, – я задержал. Иди.

Леонтий Федорович снова умолк. Люся затормошила его за рукав.

– Ну, дальше! Дальше!

– Дальше, если все подробно рассказывать, до утра не расскажу.

– Ну, хоть коротко. Как дальше с Вихрашкой было? – попросила Катя.

– И Гулька куда девался? – прибавила Люся.

– Гульку я так больше и не видел, – продолжал Леонтий Федорович, – его в тот же день Михаил Иванович с одним уезжающим педагогом в город отослал, а оттуда в колонию отправили. Уже через полгода нашего детдома было не узнать, – вышел он и по учебе и по дисциплине на одно из первых мест.

А с Вихрашкой у нас началась большая, хорошая дружба. Были мы в одном классе, вместе учились, вместе отдыхали, делились и радостью, и горем. Прошло два чудесных, счастливых года. И вдруг узнаем мы, что переводят Михаила Ивановича в другой город, – новый детдом налаживать. Как громом это нас поразило... И Вихрашка расстроилась. «Если бы, – говорит, – у нас большая семья была, осталась бы я с вами до окончания школы. А папу одного бросить не могу...»

Не забуду я никогда последнего вечера. Собрались мы все, до поздней ночи разойтись не могли... И сказал нам Михаил Иванович прощальную речь о том, какими советские люди должны быть. И как сейчас помню, закончил он ее так: «Знаю, – говорит, – будете вы достойными сынами и дочерьми Родины, но хочется мне еще одного вам пожелать: будьте такими, чтобы всем окружающим было около вас всегда тепло и весело». – И вдруг кто-то с места крикнул: «Такими, Михаил Иванович, как ваша Вихрашка?»

Шум тут поднялся! Зааплодировали, закричали, и все на Вихрашку смотрят. А она смутилась, покраснела чуть ли не до слез. Я с ней рядом сидел, взглянул на нее и вдруг понял, – нет для меня в мире ничего дороже этой девушки...

А рано утром увез их грузовик в город. Посмотрел я им вслед и сразу дисциплину нарушил. Не смог в класс идти. Забился в сарай, в темный угол и в первый раз за много лет ревел. Ревел, как маленький...

Ну вот и рассказ о Вихрашке, – закончил Леонтий Федорович.

Катя совсем высунулась из-под платка

– И так вы ее потом никогда и не видели?

– Видел. – Леонтий Федорович улыбнулся.

Наташа забилась за его спину.

– Она и сейчас жива?

– Жива.

– А знаете, где она сейчас? – спросила Люся.

– Знаю.

– Где же? – в один голос спросили Катя и Люся.

– В кухне. Готовит нам ужин, – тихо ответил Леонтий Федорович.

Глава V

Вторжение в комнаты доктора и что из этого получилось. Шесть порций эскимо

– Девочки! Идите сюда! Скорей, скорей!

Наташа стояла посреди классной. Катя и Люся вбежали с двух сторон.

– Что случилось?!

Наташа молча показала им пальцами на дверь в комнату доктора. Замок был не защелкнут.

– Он сейчас ушел на работу, – заговорила Наташа, – ведь он так с драным локтем и ходит. Что, если сюрприз ему устроить, стащить пиджак – я видела, он в другом пошел, – починить и на место повесить? А?

– А кстати и посмотрим! – И Люся приоткрыла дверь.

– А не рассердится он, девочки? – спросила Катя, тоже заглядывая в комнату.

– Так мы же ему лучше сделаем. Пойдемте только все вместе. – И Наташа первая вошла в комнату.

Они были дома одни, но весь этот разговор велся почему-то вполголоса, и в комнату доктора они вошли на цыпочках.

Доктор занимал две комнаты. В первой была библиотека. Полки, битком набитые книгами, стояли и вдоль всех стен и от простенка между окнами к входной двери, деля комнату почти пополам. Книги были наложены высокими стопками и на столах, и на подоконниках, и местами даже на полу. На всем лежал густой слой пыли. Пол, видимо, тоже очень давно не подметался.

– Книг-то! Книг-то! – прошептала Люся. – Неужели он их все прочел? Это и вправду с ума сойти.

– Ну, так за всю же жизнь, – тоже шепотом возразила Наташа. – А лет-то ему сколько!

– Он уже, видно, их давно не читает: пылью все покрылись, – шепнула Катя.

– Интересно, а что у него там? – И Люся первая двинулась на цыпочках к маленькой двери во вторую комнату. Все трое вошли и остановились у порога.

Первое, что им бросилось в глаза, был большой портрет молодой женщины. Она сидела в глубоком кресле, уронив на колени книгу, и будто смотрела прямо на них. Губы ее чуть-чуть улыбались, но глаза – большие и темные – были внимательны и печальны.

– Жена... – прошептала Люся.

– Какая хорошая!.. – и Наташа присела на краешек кресла, не спуская глаз с портрета.

Катя тяжело вздохнула.

– Девочки, – совсем тихо прошептала она, – а вдруг ему будет неприятно, что мы на нее смотрим?..

Наташа и Люся ничего не ответили, и все три притихли, продолжая рассматривать портрет. Первая нарушила молчание Люся. Она окинула взглядом всю небольшую комнату и тронула Наташу за плечо:

– Смотри! Ты сидишь на том самом кресле...

Наташа вскочила на ноги и оглянулась. Да, кресло было то самое, что на портрете. Наташе вдруг показалось, что она поступила очень дурно, усевшись на него. Она снова взглянула на портрет. Печальные глаза женщины смотрели прямо в ее глаза.

– Девочки, – взволнованно прошептала она, – давайте сделаем доктору что-нибудь очень-очень хорошее!

– Верно! – Люся кивнула головой. – Починим ему пиджак и...

– И уберем его комнаты! – перебила ее Катя.

Они внимательно огляделись. Под портретом стоял огромный письменный стол, весь заваленный книгами и рукописями. Они лежали в беспорядке, но пыли на них не было. Перед массивной мраморной чернильницей лежал лист бумаги, до половины исписанный крупным, но очень неразборчивым почерком. Люся взяла его.

– Люська! – Наташа испуганно схватила ее за руку. – Положи обратно! На письменном столе ничего нельзя трогать. Мне папа всегда говорит: «Чужой письменный стол – святыня».

– А беспорядок-то на нем! – Люся засмеялась и зажала рот рукой. – Вроде как у меня!

– И ничего не значит, – строго сказала Наташа. – Когда папа работает, у него тоже вроде этого, а трогать нельзя, а то всё перепутаешь.

– И у дедушки, когда он что-то мастерит, – прибавила Катя. – И смотрите, – на столе пыли нет. Значит, эти книжки он читает. Нет, девочки, стола мы прибирать не будем, – ладно?

Кроме письменного стола, в комнате стояла кровать, небрежно покрытая старым ватным одеялом, и с одной подушкой в очень несвежей наволочке; платяной шкаф, а в углу туалетный столик с большим тройным зеркалом и всеми принадлежностями женского туалета – флакончиками, пудреницей, вазочкой для мелочей. Флакончики были пусты, в вазочке лежали всего несколько головных шпилек, но все стояло в строгом порядке и без единой пылинки. Казалось, хозяйка всех этих изящных вещей только что прибрала их заботливой рукой и ушла на работу.

У туалетного столика девочки молча переглянулись. Они поняли, что и этого трогать нельзя.

– Бедный доктор! – прошептала Наташа. – Нет, девочки, непременно надо сделать ему приятное. А где же пиджак?

Она огляделась. Пиджак висел на гвозде над кроватью. Наташа сняла его.

– Да тут не только дырка на локте! Вон и подкладка отпоролась, и пуговица на ниточке висит.

– Девочки, знаете что? – заговорила Катя. – Надо скорей, а то не успеем. Давайте так: ты, Наташа, сразу садись чинить пиджак; Люся пусть начинает пыль вытирать в той комнате, а я пока в этой вымою пол. Больше в этой комнате мы ничего трогать не будем, а пол очень грязный. Ладно?

– Пойдите! – У Наташи заблестели глаза. – А я еще что придумала! Сейчас! – Она схватила с туалетного столика – хрустальную вазу для цветов и выбежала из комнаты.

– Чудно! Она ему цветочков поставит! – Люся захлопала в ладоши. – А что бы еще придумать?

– Правда! Что бы еще? – повторила Катя.

Обе задумались. Вошла Наташа, осторожно неся в руках вазу с несколькими красивыми пышными розами, и поставила ее на место.

– Это мама в нашу комнату вчера купила, – объяснила она. – Только я думаю, она не рассердится; ей самой доктора жалко. Ну, а теперь за дело!

И, увлеченные своей затеей, девочки принялись за работу. Когда часа через два вернулась домой Софья Михайловна, она испугалась: дверь в комнату доктора была открыта настежь, – доносились голоса девочек. Софья Михайловна заглянула туда и ахнула. В библиотеке доктора пыль стояла столбом. Наташа, свесившись в раскрытое окно, изо всех сил вытряхивала огромную пыльную тряпку, и клубы пыли летели обратно в комнату. Взобравшись на верхнюю ступеньку стремянки, Люся поспешно перетирала одну за другой книги на полке. Она напоминала мельника во время работы: ее волосы, лицо, ресницы, платье были, как мукой, засыпаны светлой пылью. У закрытой двери во вторую комнату стояла Катя – босая, в одних трусах и майке, с большой мокрой тряпкой в одной руке и ведром воды в другой. С тряпки текла вода и расплывалась лужей у ее ног.

– Мама! – Наташа бросилась к матери. Ее глаза, обрамленные побелевшими от пыли ресницами, сияли. – Смотри! Мы у доктора порядок наводим.

– Он вас попросил? – удивилась Софья Михайловна.

– Да нет! Это мы ему сюрприз устраиваем. Он случайно дверь не захлопнул, а мы и...

– Девочки, да вы с ума сошли! – Софья Михайловна даже руками всплеснула. – Как же вы смели в чужую комнату забраться?

Девочки растерялись.

– Мамочка, – пробормотала Наташа, – ведь его так жалко. Тебе же самой тоже...

– Жалко, конечно, – строго сказала Софья Михайловна, – но вторгаться в чужую комнату, да еще в такую, которую хозяин всегда запирает, это же... – она не дождалась и быстрым взглядом окинула комнату. – И что же делать теперь? – заговорила она уже другим, чисто деловым тоном. – Катя, сейчас, пока пыль не осела, мыть пол никак нельзя. Ты только грязь размажешь, а на мокрый пол еще пыль сядет, и выйдет бог знает что. Эх, девочки, девочки, что вы наделали?!

– Софья Михайловна, мы же хотели как лучше, – жалобно протянула Люся, все еще стоя на верхней ступеньке стремянки.

– Я понимаю, что вы плохого не хотели, но все же этого нельзя было делать. Ну, а теперь... не оставлять же комнату в таком виде. – Софья Михайловна еще раз быстро огляделась вокруг. – Катя, унеси пока ведро и тоже вытирай скорее пыль. И на что вы все похожи?! Вы хоть бы халаты надели и головы повязали! И нельзя трясти тряпку в окно, – пыль же обратно летит! Ну ладно, кончайте живо, а то он в шесть придет, – распоряжалась Софья Михайловна. – Эх, девочки, девочки! Какие же вы еще глупышки!

Через несколько минут она снова вошла в комнату, в халате и с завязанной головой, и тоже взялась за работу. Дело пошло быстрее.

– Вот так-то дело лучше, конвейером, – уже весело говорила Софья Михайловна, – только мы сегодня без обеда останемся: когда же готовить?

– Ничего, мама! Что-нибудь поедим. Зато у доктора комната будет – красота! Сюрприз ему какой! И пиджак в полном порядке, – радовалась Наташа.

– Еще не знаю, как он к этому сюрпризу отнесется, – задумчиво произнесла Софья Михайловна.

– Ну, что вы! Конечно, обрадуется! – уверяла Люся.

Работали спеша. Вдруг в приотворенную дверь просунулась голова Анны Николаевны, – она только что вернулась с работы.

– Что вы тут делаете? ... У, как здорово! Вот молодцы! Погодите, и я вам сейчас помогу...

– Чудно, мама! Иди скорей, мы спешим! – крикнула Люся.

Через минуту Анна Николаевна тоже начала помогать.

– Вот здорово! Вот молодцы! – повторила она. – А кому это в голову пришло? Или доктор просил?

Не отрываясь от работы, наперебой рассказали ей всё. Анна Николаевна звонко расхохоталась.

– Ай да девочки! Инициативные! Молодцы, честное слово!

– Молодцы, да не очень, – возразила Софья Михайловна.

Когда пыль осела, осторожно подмели пол сырой щеткой, а потом дочиста вымыли его.

– Совсем вид другой у комнаты, – с гордостью сказала Наташа, заглядывая из классной, пока Катя в последний раз протирала пол сухой тряпкой.

Доктор пришел с работы немного позднее обычного. Девочки в это время сидели в классной.

– Он! – шепнула Люся, когда в прихожей раздался стук отпираемой двери. – Интересно, как он...

Она умолкла, – доктор входил в классную. Как всегда, он молча прошел к своей двери, достал ключ из кармана и стал отпирать ее. Девочки замерли, не спуская глаз с его спины.

Доктор вошел в свою комнату и захлопнул за собой дверь.

Но, не успели они перекинуться и двумя словами, как дверь снова открылась и на пороге появился доктор. Девочки так и застыли с приоткрытыми ртами, а Наташа даже помимо воли поднялась со стула, точно прикованная глазами к лицу доктора. Брови доктора почти сомкнулись над переносицей, в широко раскрытых глазах был такой гнев, что Наташе стало страшно. Лицо доктора побледнело, губы были плотно сжаты. Он, видимо, сдерживался изо всех сил.

– Кто входил в мои комнаты? – глухо спросил он, глядя в упор в Наташины глаза.

У Наташи перехватило дыхание.

– М... мы... – едва выдавила она из себя хриплым шепотом.

– Кто вам разрешил? – доктор тяжело передохнул.

– Мы думали... мы... хотели... – бессвязно зашептала Наташа.

– Откуда вы взяли ключ? – перебил он.

– Дверь... была незаперта...

– Вот как... – доктор криво усмехнулся и снова тяжело передохнул. – Я попросил бы, чтобы это было в последний раз, – холодно закончил он и повернулся.

– Доктор!

Все вздрогнули и оглянулись. В дверях из прихожей стояла Софья Михайловна. Доктор остановился на своем пороге и вполоборота смотрел на нее.

– Это с вашего ведома? – спросил он сухо.

– Нет. Когда я пришла, работа у девочек была в полном разгаре, – заговорила Софья Михайловна. Она, видимо, очень волновалась, и голос ее странно звенел.

– Я очень извиняюсь перед вами за девочек. Они сделали недопустимую вещь, и им уже попало за это от меня, но – уверяю вас! – намерения у них были самые добрые.

– Я в этом не сомневаюсь, но попросил бы, чтобы это было в последний раз, – повторил доктор и исчез за дверью.

Девочки стояли растерянные, уничтоженные, и молчали. Молчала и Софья Михайловна, сжав губы и сдвинув брови. И вдруг снова открылась дверь доктора. Он стоял на пороге и протягивал вперед руку с Наташиными розами.

– Возьмите, – коротко сказал он.

Софья Михайловна подошла и молча взяла цветы из его рук. Доктор снова исчез за дверью.

– Девочки, идите ко мне, – тихо сказала Софья Михайловна и пошла в свою комнату. Там она сразу опустилась на тахту. Девочки молча стояли перед ней.

Люся вдруг расплакалась. Громко, навзрыд.

– Противный! Противный! Противный! – повторяла она сквозь рыдания.

Наташа стояла вся бледная.

– Ну... и... наплевать!... – произнесла она медленно, с расстановкой. – Если... он... такой...

Катя молчала, крепко прижимая руки к груди.

– Я боялась, что он будет недоволен, но такого я не ожидала, – тихо произнесла Софья Михайловна, машинально перебирая лепестки роз и не замечая, что со стеблей падают капли воды на ее колени.

– Ну и наплевать! – твердо повторила Наташа.

Софья Михайловна покачала головой.

– Нет, Наташа, никак не наплевать!

– Вот он... уж такой... – понемногу успокаиваясь, заговорила Люся – такой уж... Мама о нем говорит: к этому старому чудаку ни на какой козе не подъедешь.

– Ну, чего носы повесили? Это вам – глупышкам – урок, другой раз будете умнее. Слышите?

– Я даже не знаю, как я теперь с ним встречусь, – мрачно сказала Наташа.

– Как? Да так, как будто ничего не произошло, – просто отвечала Софья Михайловна. – Ну, а теперь ступайте, займитесь своим делом. И у меня работа.

* * *

Поздно вечером, когда девочки уже спали, Софья Михайловна спустилась во двор и посмотрела на окно докторской спальни. Там горел свет. Ага, значит, он еще не спит. Она вернулась в квартиру и постучала в его дверь.

Доктор открыл и остановился на пороге.

– Мне хотелось бы минуту поговорить с вами, – сказала Софья Михайловна. – Давайте присядем.

Они уселись в классной. Доктор молчал. Вид у него был мрачный, но смущенный

– Доктор, – начала Софья Михайловна совершенно спокойно. – Я хочу еще раз извиниться перед вами за поступок девочек...

– И я должен извиниться, – пробормотал доктор, – я был резок. Но меня взорвало. Мои комнаты... я... с некоторых пор... – он запнулся и замолчал.

– Не надо ничего объяснять, – живо заговорила Софья Михайловна, – это ваше личное дело. Вы не хотите, чтобы к вам входили, – никто больше не войдет. Можете быть спокойны. – Она рассмеялась. – Девочек вы так пугнули, что они больше не решатся. Им и от меня за это влетело. Им от меня влетело за вас, а сейчас вам от меня влетит за них. И вообще за всех.

Доктор посмотрел на нее с удивлением.

– То есть как... за всех?

– Так. Вы, доктор, глубоко неправы.

– В чем?

– Нельзя так плохо к людям относиться.

Доктор нахмурился.

– Я очень хорошо отношусь к людям. Я их лечу и, говорят, лечу неплохо.

– Не спорю, – Софья Михайловна кивнула головой, – но это не то.

– Как не то?

– Я говорю о людях, которые вокруг вас. Не обязательно о больных, но и о здоровых, о больших и маленьких, хороших и плохих, – вот о тех самых людях, которые живут, чувствуют, радуются и страдают совсем рядом с вами. Понимаете?

Доктор молча смотрел на нее, внимательно и серьезно.

– Ну, кто вам дал право, например, – продолжала Софья Михайловна, – сегодня так жестоко отравить такую светлую детскую радость? Если бы вы видели, с каким увлечением они убирали у вас, как им хотелось доставить вам удовольствие! Как они предвкушали вашу радость, когда вы войдете в чистые, прибранные комнаты! А эти цветы, которые были принесены вам от всей души? Вы жестоко обидели девочек. И мне стыдно не за них, а за вас, доктор. Стыдно! Вы смотрите с удивлением? Как я осмеливаюсь вас отчитывать? А я еще и еще повторю: стыдно мне за вас!

Она вдруг улыбнулась и взяла доктора за руку.

– И как вы ни хмурьтесь и ни притворяйтесь, а я очень хорошо знаю, что вам и самому стыдно, потому что в душе вы – хороший и добрый, я вас насквозь вижу.

Она засмеялась уже совсем весело и прибавила:

– Ну, а теперь посмейте сказать, что вы на меня сердитесь за то, что я вас отчитала! Ну, сердитесь?..

Доктор вдруг растерянно улыбнулся.

– Какая вы...

– Какая?

– Много... много лет... никто так со мной не разговаривал... – запинаясь, пробормотал он.

– А вы сами эти много лет много с людьми разговаривали?..

Он снова нахмурился. Она поняла, что неосторожно задела его за болезненное место.

– А ну, покажите-ка локоть, – сказала она, притягивая к себе и переворачивая его руку. – Смотрите-ка, разве не молодчина моя Наташка? Как здорово залатала! Ничего и не заметно, – она с улыбкой заглянула ему прямо в глаза и лукаво спросила: – А почему же вы заплатку не выдрали обратно и не вернули, как цветы?

Доктор смущенно засмеялся и опустил глаза.

– Знаете что, – заговорил он совсем тихо, – принесите мне эти розы... Я их поставлю у себя... И... и вы сами скажите об этом девочкам... я не сумею...

– О! С радостью! – воскликнула Софья Михайловна и побежала в свою комнату за цветами.

* * *

Как ни старалась Софья Михайловна, но примирения у девочек с доктором не выходило. Правда, они почувствовали некоторое удовлетворение, когда она им рассказала, что он снова взял цветы. Но каждый раз, когда он проходил через классную в их присутствии, как бы оживленно они ни болтали, они сразу умолкали, опускали головы и упорно смотрели в стол. Сам доктор явно избегал их. Сталкиваясь случайно с любой из них, он смущался и поспешно уступал дорогу, не произнося ни звука. И через классную ходил он особенно быстрым шагом, не глядя на них, и часто от поспешности долго не мог попасть ключом в

замочную скважину.

Леонтий Федорович добродушно подтрунивал над девочками по этому поводу, а Софья Михайловна сердилась.

– Нет, девчонки, так невозможно, – говорила она. – Ну, пожалейте вы старика!

– А он нас пожалел тогда? – возмущенно отвечала Наташа.

Катя обычно молчала, но однажды, покраснев и прижимая руки к груди, она сказала:

– А что, если нам написать ему? Посмотрите, какой он старенький, и всегда один... А если заговорить с ним?.. Ну как заговорить?

– Катюшка! Верно! Напишем и положим в ящик для писем! – обрадованно воскликнула Наташа. Ей и самой давно хотелось помириться, но она не знала как.

– А как написать? Про что? – спросила Люся.

Наташа вырвала из тетради три листка бумаги.

– Вот! Давайте, пусть каждая напишет, а потом выберем, чье письмо лучшее.

Люся замахала обеими руками.

– Что ты, что ты! Я писать не буду! Я не знаю как, да еще ошибок насажаю.

– Ладно. Как хочешь. Катя, пиши! – И Наташа взяла в руки перо и задумалась. Потом начала писать. Люся смотрела через ее плечо.

«Глубокоуважаемый доктор! Мы даем вам честное пионерское слово, что мы не хотели вас обидеть, когда убирали ваши комнаты. И нам было очень неприятно, когда вы так рассердились на нас. Мы хотели только, чтобы...»

– Я написала, – сказала Катя.

– Как? Уже?

Катя молча протянула свой листок. Наташа и Люся прочли вслух:

«Милый доктор! Давайте помиримтесь. Мы больше не сердимся на Вас, и Вы, пожалуйста, не сердитесь больше на нас».

– И все? – разочарованно протянула Люся.

Наташа вздохнула.

– Твое лучше, – коротко сказала она и одним движением руки смяла свое начатое письмо.

Катя вся залилась краской.

Подписались все три. Конверт пришлось склеить самим. Вместо адреса написали просто: «Доктору» – и вечером положили письмо в ящик для писем.

Доктор уходил на работу рано. Когда Наташа утром заглянула в ящик, письма там уже не было. Значит, получил!

* * *

Перед шестью часами девочки сидели в классной, как на иголках. Они делали вид, что читают, но то и дело переглядывались и чутко прислушивались, – не идет ли? Они волновались больше, чем в тот злополучный день.

Вдруг в «классную» вошла Софья Михайловна и под села к столу. Катя и Люся растерянно посмотрели на Наташу.

– Мама, – сказала Наташа, – мы тебя очень просим: уйди к себе. Так нам надо.

Софья Михайловна окинула всех трех внимательным взглядом.

– Хорошо, девочки, – просто сказала она, вставая, и, уходя, приветливо добавила: – В добрый час!

И вот снова, как тогда, щелкнул замок, в прихожей стукнула дверь, раздались шаги.

– Будем смотреть на него, – успела шепнуть Наташа, и дверь открылась. Доктор вошел в «классную» и остановился. Вид у него был растерянный и смущенный, но глаза светились. Левую руку он почему-то держал за спиной.

– Я получил письмо, девочки, – заговорил он негромко, – очень рад... Я очень, очень рад... – Он вдруг шагнул к столу и быстрым, неловким движением протянул руку сначала Наташе, потом Кате, потом Люсе. Девочки, красные, как пионы, повскакали с мест и так же неловко, молча, ответили ему на рукопожатие.

– Я... очень рад... – повторил он еще раз. – Вот... – он вынул из-за спины левую руку и, густо покраснев, сунул каждой девочке по две палочки эскимо.

Они, окончательно растерявшись, даже не поблагодарили, а доктор, гоже окончательно сконфуженный, скрылся за своей дверью.

Глава VI

Доктор и Тотик. Софья Михайловна и Яков Иванович. Мы знакомимся с братом Кати...

Забавно получалось теперь с доктором. Он уже не «бегал» от девочек, как однажды заметила Катя, но при встречах и он и они сильно смущались и расходились, растерянно улыбнувшись друг другу, но не произнося ни звука.

Как-то Леонтий Федорович слегка прихворнул. Болезнь была пустяковая, но вечером Софья Михайловна попросила доктора зайти и посмотреть мужа. Доктор выслушал больного, прописал лекарство и сразу собирался уходить, но Софья Михайловна остановила его:

– Пойдите, доктор. Если у вас есть минутка, расскажите в двух словах о своей научной работе. Я ведь кое-что смыслю в медицине, и мне очень интересно.

– Да, и я не совсем безграмотен в этом деле, – прибавил Леонтий Федорович.

Доктор – не особенно охотно – снова сел к столу, на котором только что писал рецепт, и начал рассказывать. Сначала он говорил вяло и скупно, но когда Софья Михайловна и ее муж стали задавать вопросы и он увидел, что они действительно понимают и интересуются, – он увлекся и стал подробно развивать свою мысль. Наташа сидела тут же. Она ничего не понимала из того, что говорил доктор, но с интересом следила, как мама, продолжая разговор, незаметно подставила доктору стакан чаю и несколько бутербродов, и как он, увлеченный своим рассказом, сам того не замечая, выпил этот чай и съел бутерброды. Потом вдруг увидел перед собой пустой стакан и пустую тарелку и страшно смутился.

– Простите, – забормотал он, – я... я такой рассеянный, я, кажется, съел...

– Так я же затем их перед вами и поставила, – засмеялась Софья Михайловна, – и сейчас вам еще налью.

– Нет... нет... благодарю вас... – Доктор нахмурился и встал.

– Спасибо, доктор. Нам было очень интересно, – сказала Софья Михайловна. – Вы будете делиться с нами тем, как ваш труд движается?

Доктор молча поклонился.

– И еще одна просьба, доктор, – заговорил Леонтий Федорович, – есть у нас дочка Наташа, ей уже тринадцатый год...

Наташа насторожилась: о чем это он?

– ...а она до сих пор, видно, нуждается в соске, – продолжал Леонтий Федорович.

– Папка! Да ты что?! – Наташа покраснела до слез.

– А как же! Когда рисует или пишет, – как задумается, карандаш сосет. Так, может быть, вы ей соску пропишете. Как вы думаете, доктор?

Доктор засмеялся добродушно и ласково и посмотрел на девочку

– Наташа, карандаши очень вкусные, по-вашему?

Наташа, все еще краснея, поддержала шутку:

– Очень вкусные, доктор! Как шоколад!

– Ну, так, если они чистые, – сосите на здоровье, но... карандаши совсем чистыми не бывают.

Доктор еще раз поклонился и вышел, улыбаясь.

* * *

В начале августа Софья Михайловна с Наташей поехали за Тотиком и пригласили с собой Катю и Люсю.

Из Луги приехали среди дня, когда никого не было дома. В веселой суете разбирали вещи, клали по местам. Тотика открыли шкаф с игрушками, и он, сопя от удовольствия, по одной вынимал их и раскладывал на разостланном для него коврик.

Первой пришла домой Анна Николаевна и бурно ворвалась в «классную», где девочки разбирали корзину с бабушкиными «гостинцами».

Все уселись вокруг стола – и, как из рога изобилия, посыпались новости.

Через несколько минут пришел доктор и, против обыкновения, не скрылся сразу в своей комнате, а, поздоровавшись со всеми, тоже присел к столу.

– А Тотик стал совсем хорошо говорить и все буквы произносит, даже шипящие,

только вместо «р» у него «л», – с гордостью говорила Наташа.

– Только – странная вещь, – сказала Софья Михайловна, – очевидно, его кто-то там напугал: он стал чужих мужчин бояться. Как увидит мужское лицо, – сейчас рёв! Просто не знаю, что делать.

В эту минуту в классную вбежал Тотик и остановился, увидев доктора.

– Здравствуйте, Тотик! Вы меня не знаете? – спросил доктор и протянул ему руку.

Тотик не двигался с места и молчал, не спуская с лица доктора внимательных глаз.

– Ну вот! Сейчас рёв будет! – шепнула его мать на ухо Анне Николаевне.

Но Тотик, ни слова не говоря, с деловым видом подошел к доктору и, упираясь ручонками в его протянутую руку, полез к нему на колени.

– Вот так так! – в недоумении произнесла мать.

Доктор, смущенно улыбаясь, обхватил маленькое тельце таким неловким движением, что обе матери засмеялись. Было ясно, что он в первый раз в жизни обнимает ребенка. А Тотик осторожно слез с колен доктора и, схватив его за руку, потянул за собой.

– Пойдем в мои иглушки иглать!

Доктор встал со стула и покорно пошел за Тотиком.

– Пойду посмотрю, что они там! – Наташа побежала в свою комнату.

Старый доктор сидел на ковре, широко расставив длинные ноги. Виду него был смущенный. В одной руке он сжимал бархатного мишку, в другой – пестрого паяца. Тотик, болтая без умолку, клал на протянутые ноги доктора одну за другой свои игрушки. Доктор, видимо, боялся шевельнуться, и все же игрушки соскальзывали и падали на пол. Тотик терпеливо поднимал их и клал обратно.

– Ты сиди смилно, а то иглушки падают, – говорил он, – а зайчика возьми в луку.

– У меня нет третьей руки, – беспомощно пробормотал доктор.

– Смотрите! – кричала Наташа. – Здесь Гуливер в стране лилипутов.

– Какой Гуливел? – спросил Тотик и огляделся вокруг.

– Это такой великан.

– Ты Гуливел? – спросил Тотик доктора,

– А как вам кажется, Тотик?

– Наташа! Тотик! Мойте руки, сейчас кушать будем, входя, Софья Михайловна.

– Кушать! – обрадовался Тотик. – Гуливел, пойдем кушать!

Доктор с трудом поднялся с ковра, уронив мишку и паяца.

– Нет, нет, – запротестовал Тотик, – мишку ты возьми, ты его колмить будешь.

* * *

На другой день доктор вернулся домой, весь обвешанный пакетами.

Он заглянул в комнату, где Тотик строил дворец из кубиков, и сконфуженно произнес:

– Тотик, теперь пойдите ко мне играть в мои игрушки.

Тотик бросил кубики и, топая ножками, побежал в комнату доктора.

– Мама! Ты подумай! Доктор-то! – изумилась Наташа.

– Милый доктор, – с грустной улыбкой произнесла мать, – у него, наверно, никогда не было детей, и он не знает, какая это радость. И он, видно, давным-давно никого не любил... а без этого так трудно жить!

* * *

Софья Михайловна по рассеянности стала отпирать комод не тем ключом и испортила замок. Дело было в воскресенье. Яков Иванович был дома, и она попросила его помочь беде. Старый слесарь пришел в ее комнату с целым ящиком инструментов.

– Сложный замок у вас. Придется повозиться.

– Уж повозитесь, Яков Иванович. Дело соседское. Другой раз и я вам услужу, – сказала Софья Михайловна. – Да вот знаете что? Ведь девочкам скоро в школу идти. Я сегодня хочу поехать Наташе на школьное платье материал купить. Хотите, я Катюше тоже возьму?

– А у меня уже набрано, – сказал Яков Иванович.

– Да ну? Вы сами покупали?

– А кому же еще? Сам.

– А ну, покажите.

Яков Иванович ушел в свою комнату и через минуту вернулся.

– Ой-ой, – протянула Софья Михайловна, – какой некрасивый материал!

– А я в этом деле мало смыслю, – спокойно возразил Яков Иванович, копаясь в ящике с инструментами, – вижу, что прочный.

– Катя не захочет в таком платье в школу идти. Моя Наташа ни за что бы не пошла.

– А Катюшка пойдет.

– Бедная девочка! – вырвалось у Софьи Михайловны.

– Как бедная? – Яков Иванович оторвался от работы и гневно посмотрел на Софью Михайловну. – Разве я о ней не забочусь? У Катюшки все есть, что надо. Всегда одета, обута, сыта. Читать любит – книжек ей покупаю, сколько хочет. Образование какое захочет дам, в люди выведу. А вы «бедная»! Сказали тоже! – и он, сердито сопя, снова принялся за работу.

– Мало этого, Яков Иванович, – тихо сказала Софья Михайловна.

– Мало? – Яков Иванович с ожесточением вывинчивал какой-то шуруп. – Гм! Мало! А как я сам с семи лет в чужих людях вырос? Голодный, босой. Досыта только пинков да колотушек хлебнул. В двенадцать лет в подмастерье к кузнецу отдали. Снова пинки да колотушки. Ни тебе поесть, ни тебе поспать досыта. Грамоте только с пятнадцати лет чуть-чуть научился. Тяжести не по силам таскал, надорвался. В больницу попал, много месяцев отлежал, а там все сызнава началось. Посидели бы тогда в моей шкуре!

– Расскажите о себе, Яков Иванович, – попросила Софья Михайловна, подсаживаясь к нему с вязаньем в руках.

– А чего рассказывать? – буркнул старик, не отрываясь от работы, но Софья Михайловна почувствовала, что ему не неприятна ее просьба.

– С детства пинки да колотушки, а как на заводе стал работать да разобрался

что к чему, против царя пошел. Ну и начались тут тюрьмы да ссылки, – заговорил он снова. – До самого семнадцатого года и жизни-то, почитай, не видел. В ссылке и женился и овдовел. Остался с сынишкой маленьким на руках! Тоже горя хлебнул, пока вырастил. Учиться опять некогда. Только свое ремесло и знал. Октябрю порадоваться не успели – гражданская война. Вместе с сынишкой на фронт пошел. В двадцать втором году сын женился. Невестка хорошая попалась. Ну, думаю, отдохну теперь. Да недолго отдыхал. Померли оба тифом. А у меня снова на руках внуки, Вася да Катюшка. Катюшке двух лет не было. С тех пор и ращу. А вы: «Мало»! Эх!

– Славная ваша Катюшка! – Софья Михайловна подняла голову и посмотрела на старого слесаря.

– Девчонка ничего, – сказал он спокойно.

– И учится хорошо?

– А чего бы ей не учиться? Все есть, всего вволю, – только учись. Дед обо всем позаботится. Чего ей не хватает?

– А я вам скажу, Яков Иванович, чего не хватает. Сказать?

– Ну? – Он вдруг оторвался от работы и поднял на Софью Михайловну настороженный и недружелюбный взгляд.

– Ласки, Яков Иванович.

Старик сразу снова взялся за работу.

– Известно... без матери... – пробормотал он чуть слышно, прилаживая замок.

– Не худо бы ее и дедушке иной раз приласкать, – тихо сказала Софья Михайловна.

– Не обижаю я ее. Пальцем ее в жизни не тронул. А приласкать... – он спешно бросал инструменты в ящик, – не умею... Получайте ваш замок. Готово. – И он быстро двинулся к двери, не взглянув на Софью Михайловну.

– Куда же вы, Яков Иванович? Спасибо! А вы мне еще про Васю не рассказали.

– Про Васю? – Яков Иванович остановился вполоборота. – Что же про Васю?.. Ничего парень. Хороший комсомолец, весь в отца, – прибавил он не без гордости.

– Ну, а дадите мне денег другой матери Катюшке купить?

– А куда я этот дену?.. Ну да ладно, покупайте, вам видней. Какой своей дочке,

такой и ей. Денег сейчас дам.

И он вышел из комнаты.

Софья Михайловна уронила вязанье на колени и задумалась.

* * *

Срок сдачи рукописи в издательство приближался, и Леонтий Федорович, с помощью жены, работал вовсю. Часто Софье Михайловне приходилось весь день стучать на машинке, и тогда Наташа и ходила на рынок, и стряпала обед, благо еще не кончились каникулы. Готовить она еще умела плохо и, не желая мешать матери, обращалась за советом к Кате. Катя солидно объясняла ей сорта мяса и как варить гречневую кашу, чтобы она была рассыпчатой, и даже как обращаться с тестом.

– И откуда ты все это знаешь? – удивлялась Наташа.

– А я все приглядывалась, как старшие делают. Так и научилась.

Когда девочки готовили одновременно, в кухне обязательно вертелась и Люся. Работа шла в болтовне.

– Ну, ты! Барышня-белоручка! – сказала ей как-то Наташа. – Чем зря болтать, готовь-ка и ты обед. Мама придет, а у тебя все готово.

– А все и так готово, с вечера.

– Ну, готовь на завтра.

– А я не знаю что!

– Начисти картошки, – вступила в разговор Катя, – вон в той корзине ваша картошка. Положишь в воду, ей ничего не сделается, а все твоей маме меньше работы

– Ладно, уж за компанию – Люся соскочила с подоконника и взялась за картошку.

В дверь заглянул Яков Иванович.

– Ну-ну! Прямо фабрика-кухня, – пошутил он. – Катюшка, обед готов?

– Готов, дедушка.

– Идем есть.

Катя бережно взяла двумя тряпками дымящуюся кастрюлю.

– Наташа, не забудь свою кашу мешать, – деловито сказала она. – А ты, Люся, больно толсто кожуру срезаешь. Надо тоненько-тоненько, – прибавила она, уходя.

* * *

В первое же воскресенье, после того как Леонтий Федорович сдал работу, пошли в Русский музей. На этот раз пошла и Катя. Она узнала об этом еще накануне и вечером скачала Якову Ивановичу:

– Дедушка, я сейчас сготовлю обед на завтра, а ты сам разогреешь. Хорошо? А то мы с утра в музей пойдем... Можно?

Старый слесарь внимательно посмотрел на внучку. Она стояла потупясь и ждала.

– В музей? – переспросил он. – Ну, ну. – И он снова склонился над работой.

У Анны Николаевны были заранее взяты на этот день билеты в цирк, и Люся с ними не пошла. Зато пошла Софья Михайловна, – и для Кати это было двойным праздником. Леонтий Федорович был в ударе и говорил еще интереснее, чем обычно. Часто вставляла свои замечания и Софья Михайловна. Катя смотрела во все глаза, слушала во все уши и домой шла такая переполненная впечатлениями, что отвечала невпопад на веселую болтовню Наташи.

А дома ее ждала еще радость – приехал с практики Вася.

Катя очень любила брата, но видеть его приходилось редко, – он и учился, и работал, с трудом урывая иногда часок, чтобы проведать деда и сестренку. Лицом он очень походил на Катю – такой же светлоголовый, с такими же ясными голубыми глазами. И в характере было кое-что общее – внешнее спокойствие, сдержанность, но в нем не было и тени Катиной застенчивости и замкнутости. Он не смотрел на новое лицо исподлобья, как Катя, не робел и не замыкался в себе при чужих. Катя восхищалась братом и втайне завидовала его общительности и умению никогда не лезть за словом в карман.

Когда все вошли в прихожую, Вася сразу выскочил на голоса из комнаты Якова Ивановича.

– Здорово, сестренка!

– Вася!

Вася поднял Катю на руки и крепко поцеловал. Она обхватила руками его шею и прижалась к нему. Вася, не спуская Катю на пол, с улыбкой обратился к остальным.

– Как я рад познакомиться с вами! – говорил он, здороваясь. – И сразу хочу поблагодарить.

– За что? – в один голос спросили Наташа и ее родители.

– Да вот за нее. За дикарку мою. Мне дед уже рассказал, как вы шефство над ней взяли.

– Ну какое шефство? – засмеялся Леонтий Федорович.

В дверях появился Яков Иванович. Его глаза светились радостью.

«И любит же он своих внучат», – подумала Софья Михайловна.

– Вот интересно, – заговорил Вася, обращаясь к Леонтию Федоровичу, – как вы смотрите на дело? Вы читали сегодня газеты? Мы вот с дедом сейчас обсуждали... Вы не зайдете к нам? Поговорим!

– Охотно, – сказал Леонтий Федорович, заходя в комнату старого слесаря. Ему Вася сразу очень понравился.

Все уселись. Катя встала около Васи, обняв брата за плечи. Он обхватил ее рукой вокруг пояса.

– А я тут деда все журю, – сказал он. – Который месяц работает почти без выходных дней. И домой придет, все что-то ковыряется. Ведь не молоденький. Кому это нужно?

– Тебе, дурачку, – ухмыльнулся старый слесарь, – и Катюшке и ему. – Он указал на Леонтия Федоровича. – Всем нужно. Ленинграду. Всей стране. Я, брат, стреляный воробей, меня не проведешь. Не верю я немцу. Кто его знает, что у этого самого Гитлера на уме. Уши развешивать не к чему. Надо работать вовсю.

– Да кто же уши развешивает, дедушка?! – воскликнул Вася возмущенно. – Меня агитировать нечего, сам агитирую. А тебе все-таки и отдохнуть не грех. Потруился на своем веку,

– Эх, молодо-зелено! – Старик кивнул головой на Васю. – Что ж что дед стар? А у деда голова, может, лучше твоей молодой работает. Все изобретаю. Все

пробую... Вот хожу – и думаю. Лежу – и думаю. Ем – и думаю.

– Эх, дед, дед! Тебе бы смолodu образование получить, большой бы человек вышел.

– А я и сейчас не маленький, – спокойно ответил Яков Иванович, выбивая золу из своей почерневшей трубки. – Сколько я ребят на своем веку слесарному делу обучил, и сам счет потерял.

Глава VII

Тяжелый день Наташи

В первый день занятий в школе Наташа вернулась домой в самом мрачном настроении. Новая школа ей не понравилась. Она очень любила свою прежнюю школу, и здесь ей все показалось чужим и неприветливым. Даже стены были здесь окрашены в синюю краску, и оттого все выглядело мрачно.

Ребята, встретившись после летних каникул, радостно приветствовали друг друга; стоял немолчный веселый гул, и Наташе вспомнилось, как она возвращалась после каникул в свою школу и как все обступали ее, и как она уже знала, что снова будет председателем совета отряда, и что ее слово при составлении звеньев будет решающим. Здесь никто ее не знал, никто не обратил на нее никакого внимания. Правда, несколько девочек подбегали к ней и в спешке задавали два – три вопроса, но сейчас же отвлекались для своих привычных разговоров. А какой-то мальчишка, увидя ее, расхохотался, показал на нее пальцем и крикнул:

– Смотрите, новая телятина!

Наташа вспыхнула и не нашла сразу, как ответить. Почему «телятина»? Это было так глупо, что не стоило бы обращать внимания. Но она разозлилась и на мальчишку, и на себя – за то, что промолчала. И надо же было как раз в эту минуту войти в класс пионервожатой! Она заметила Наташу и сразу подошла к ней. В другое время Наташе, вероятно, понравилось бы ее немного строгое, но открытое и спокойное лицо, но сейчас ей ничего здесь не нравилось и на вопрос Тони, кто она и откуда, Наташа ответила резко и неприветливо.

– Что с тобой? – удивленно спросила девушка и слегка нахмурилась.

– Ничего со мной, – буркнула Наташа.

– Ну, знаешь... – Тоня покачала головой. – У нас так не разговаривают. Плохо тебя в твоей школе воспитали.

Наташа окончательно вспылила.

– Моя школа куда лучше вашей, – отрезала она.

– По тебе это не видно, – усмехнулась пионервожатая и отошла к группе ребят у окна.

Наташа осталась одна. Ей было и очень стыдно, и досадно на себя. Она вдруг как-то перестала чувствовать себя самой собой. У нее было такое ощущение, что – что бы она ни стала сейчас делать и говорить – все выйдет глупо. И она сжала зубы и решила просто молчать. Мелькнувшую было мысль подойти к пионервожатой попросить извинения и поговорить с ней открыто, начистоту, рассказать о своем состоянии – Наташа сразу отвергла. Этого не позволяло ей самолюбие.

Нехорошо получилось и на уроках Она сидела подавленная, рассеянная. По двум предметам ее вызвали, и, хотя она отлично знала, что нужно ответить, ответила гораздо хуже, чем могла. Учительница русского языка, Алла Ивановна, спросила:

– Ты была отличницей в той школе? – И Наташе показалось, что в голосе ее звучит недоверие.

– Да, – тихо сказала она и побледнела. Она чувствовала, что вот-вот заплачет. Учительница – она же воспитательница их класса – пылливо посмотрела на нее и ласково сказала:

– Ничего, ты и у нас будешь отличницей, садись.

Весь класс смотрел на Наташу. Она села, опустив глаза и почти до крови закусив губу.

Она не могла дожидаться, когда кончится день, и, придя домой, сразу забилась в «разговорку» и расплакалась. Мамы не было дома. Наташа долго сидела в углу на сундуке и думала. Ей казалось, что все кончено и что она уже никогда не займет в школе того положения, какое у нее было раньше. Она слышала, как вернулись Катя и Люся. Не зная, что она дома, девочки уселись в «классной» и начали беседовать. Они горячо обсуждали классные новости, и Наташе стало еще обиднее. вот и Катя с Люсей стали ей чужими... У них уже свои, далекие от нее интересы...

– А ты знаешь, – сказала вдруг Люся, – ведь наша Тоня сейчас вожатая в пятом «А», как раз у Наташи.

– Да что ты? – удивилась Катя. – Жаль, что не у нас,

– А я рада: не люблю ее.

– А вот я уверена, – Наташе она понравится! – воскликнула Катя.

– Ой, интересно, как Наташка? Как ей наша школа?.. Скорей бы она пришла!

– Почему это ее еще нет? У них сегодня последнего урока не было, – заговорила Катя. – Знаешь что? Пойдем дождемся ее в садике!

– Пойдем! Без Наташки дома скучно.

Когда захлопнулась дверь, Наташа вышла из закутки, смыла с лица следы слез и вздохнула с облегчением.

Нет, не чужие ей Катя и Люся. А в школе... Наташа упрямо тряхнула головой. Нет, и в школе она во что бы то ни стало должна исправить то, что получилось сегодня... Во что бы то ни стало!

Она выбежала на балкон и поглядела вниз. Девочки сидели на скамье и, болтая между собой, посматривали вдоль бульвара, не идет ли она.

– Катя! Люся!

Обе подняли головы и очень удивились.

– Как, мы прозевали тебя? – крикнула Люся. Они сорвались со скамьи, побежали домой.

Наташа ничего не рассказала им о своих горестях. На расспросы ответила только, что еще не разобралась, что трудно судить по первому дню. Но Катя почувствовала, что что-то не то. И сразу решила, что завтра расскажет о Наташе Тоне, с которой была в большой дружбе.

А вечером, оставшись наедине с мамой, Наташа во время «задушевного разговора», ничего не утаивая, рассказала ей о своем первом школьном дне.

– Случается, – улыбнулась Софья Михайловна. – С каждым человеком так бывает, что вдруг какая-то самая нелепая глупость выбьет из колеи. Но тутважно не поддаваться этому, не верить своему ощущению, будто все к тебе плохоотносятся.

– А знаешь, мама, – пожаловалась Наташа, – мне завтра прямо-таки трудно в школу идти.

– Ничего, вот увидишь, скоро все будет хорошо. Будь лишь сама собой и поменьше думай о себе.

* * *

Прошло несколько дней. Наташа вся как-то подобралась после разговора с мамой и постепенно привыкала к новой школе, знакомилась с ребятами. Она чувствовала, что Алла Ивановна и Тоня внимательно присматриваются к ней; и ей вскоре стало с ними легко и просто. Она не подозревала, что Катя много рассказала Тоне о ней и о всей ее семье и что мама приходила к Алле Ивановне, и они долго беседовали о ее злополучном первом дне.

К концу четверти она была снова отличницей и дружила со всем классом, и снова с головой вошла во все его интересы и происшествия. И дома – с Катей и Люсей – большая часть их бесед была о школе.

Глава VIII

Что же такое «соленая католюандо»?

Наступила зима. Все шло своим чередом. Днем девочки учились, а по вечерам готовили уроки в «классной», читали и рисовали. Иногда к их столу подсаживались и взрослые; начинались беседы, шутки и споры. Часто забежали школьные подруги; им нравилось бывать в этой квартире. Теперь нередко заглядывал к ним и доктор.

Дружба между доктором и Тотиком все росла. Доктор, вернувшись со службы, первым делом спрашивал:

– Где Тотик?

А Тотик с середины дня приставал ко всем:

– Почему не идет Гуливел? – Он иначе не называл доктора.

Когда Тотик болел, доктор просиживал у его кровати ночи напролет и волновался больше, чем родители.

Девочки учились, росли, ссорились и мирились, катались на коньках и на лыжах. Иногда по воскресеньям Леонтий Федорович водил их то в музеи, то просто гулять по городу; и Наташа все чаще мечтала о том, как она будет художницей и как нарисует виды всех своих любимых мест в Ленинграде. С этой осени она занималась в студии Дома пионеров и делала большие успехи.

Как-то в субботний вечер пришел Вася. Уроки у девочек были уже приготовлены, и они, сидя в «классной», с увлечением придумывали шарады. Вася сразу присоединился к ним и предложил нарисовать им ребус. Ему дали большой лист бумаги. Девочки, стоя на коленках на стульях и упираясь локтями в стол, не сводили глаз с кончика карандаша.

Подошла Анна Николаевна и тоже стала смотреть через плечо Васи на рисунок. Вася, лукаво улыбаясь, быстро, одним штрихом, рисовал подряд маленькие рожицы – одну забавнее другой. Тут были и детские смеющиеся и плачущие мордашки, и сердитые старики, и веселые старушки, и толстуха с подвязанной щекой, и удивленный чем-то гражданин с высоко поднятыми бровями, – и каких-каких физиономий тут не было. Девочки хохотали от души; не отставала от них и Анна Николаевна. На большом листе бумаги шел уже третий ряд рожиц – по десять в ряд – и вдруг хохот еще усилился – в четвертом ряду начали появляться одна за другой очень похожие карикатуры на Катю, на Люсю, на Наташу, на самого Васю, потом на Якова Ивановича и всех остальных обитателей квартиры.

– Ой, до чего похоже! – заливалась Люся.

– Вася! Неужели я такая страшная?! – хохотала Анна Николаевна.

– А доктор-то! Смотрите!

– А это сам Вася! Как похож!

На взрывы смеха и крик девочек вышли из своей комнаты и Наташины родители.

– Да тут у вас – мы слышим – уж очень весело. Нельзя ли и нам присоединиться?

– сказал Леонтий Федорович, тоже заглядывая через Васино плечо.

– Ну, Вася, я тебе пророчу блестящую будущность! – воскликнул он.

Васин карандаш выводил уже седьмой ряд смешных физиономий, а за ним последовали восьмой, девятый и десятый.

Вася громко стукнул карандашом по столу и встал.

– Ну, вот вам и ребус. Угадывайте!

– Понял! – сказал Леонтий Федорович.

– Папка, молчи! Мы сами разгадаем, – крикнула Наташа.

Катя, тыкая пальцем в каждый рисунок, считала:

– Десять. И десять рядов. Значит, его.

– Ну и сто рож! Сторож!

– Сторож! Сторож!

– Браво, Вася! Молодец! – зашумели все.

– Постойте! – закричала Софья Михайловна. – Я как хорошо рисовать не умею, а тоже придумаю интересный ребус. Наташа, дай бумаги.

– А я чем хуже? И я могу! И мне бумаги! – И Леонтий Федорович уселся к столу.

– Все! Все! Давайте все! Кто скорее придумает ребус! – кричала Наташа.

И, увлеченные, все принялись за работу.

Наташа украдкой следила за отцом. Он сосредоточенно думал, иногда шевеля губами, и все писал какие-то буквы.

– У тебя ребус, папка?

– Нет, не ребус. Загадка. И уже готова!

– Ну?! Покажите!

Леонтий Федорович закрыл свой лист руками.

– Не покажу! У меня загадка совсем особенная. Угадайте: как называется наша квартира?

– То есть как? Почему... Да просто номер шесть, – заговорили все в недоумении.

– Так вот! – повысил голос Леонтий Федорович. – Наша квартира называется «Соленая Католюандо».

– Как?.. Что?.. Что это значит?.. Как?..

– «Соленая Католюандо», – раздельно повторил Леонтий Федорович.

– Почему соленая? – спросила Анна Николаевна.

– А мы разве пресные? – ответил Леонтий Федорович.

– А что такое ка... като... как там дальше?

– Католюандо. Я не виноват. Выходит, что квартира так называется. – Леонтий Федорович развел руками.

Софья Михайловна подумала, наморщив лоб, и вдруг понимающе протянула:

– А-а!

– Не говори! Пусть девочки догадаются! – сказал Леонтий Федорович.

Катя записала непонятные слова и сейчас внимательно вчитывалась в них.

– Ну, скажите! Ну, все равно не догадаться! – приставала Люся.

– Догадаемся! Сами догадаемся! – уверяла Наташа.

– Я уже угадала! – Катя подняла голову и слегка покраснела. – Это первые буквы: Соня – Леня – Наташа – Яков – Катя – Тотик – Люся – Анна – Доктор.

– Ай да Катюшка! Самая догадливая! – сказал Леонтий Федорович. – Ну, у кого еще что-нибудь готово?

На шум в «классной» выглянул из своей комнаты доктор.

– Идите сюда! – стараясь перекрыть звонкие голоса девочек, позвала его Софья Михайловна. – Доктор, вы знаете, где вы живете?

– Садитесь! – Вася подставил доктору стул.

– Как где? В Ленинграде, – отвечал доктор, садясь к столу.

– В Соленой Ка-то-лю-ан-до! – в один голос, но запинаясь на втором слове, закричали девочки.

– Что-о? Как?

– Товарищи! – Софья Михайловна встала с места. – Смотрите, одного Якова Ивановича не хватает! Вася, зови его к нам!

– Попробую! – И Вася выскочил из «классной».

– А доктору дайте бумагу. Доктор, придумайте ребус! – распоряжалась Софья Михайловна.

– А я не умею...

– Ну! Без разговоров! Если не ребус, так загадку!

– Дедушка уже ложится! Ему завтра рано вставать, – сообщил Вася, входя.

– Жаль! Ну, а остальные – за дело! У меня сейчас ребус готов! – И Софья Михайловна снова склонилась над бумагой.

В этот вечер разошлись поздно.

* * *

– Девочки! Я что-то придумала! Только это пока секрет. Идемте в «разговорку».

И Наташа первая побежала в закуток.

Уселись на сундук. Наташа зашептала:

– Девочки, ведь скоро Новый год. Я когда была маленькой, папа с мамой всегда уходили в гости встречать. А вот уже этот, и прошлый, и позапрошлый мы встречали втроем. Потому что Тотик маленький был, его не оставишь, а я уже большая, и хотелось, чтоб всем вместе. А вы уже встречали Новый год?

– И у меня, – заговорила Люся, – прежде мама всегда меня уложит и уйдет в гости. А прошлый год я такой рев подняла! Не хочу, чтоб она уходила! Ну, она и осталась!

– А к нам в прошлый год Вася пришел, и мы в одиннадцать часов друг друга поздравили, и Вася ушел с товарищами встречать, а мы с дедушкой спать легли, – рассказала Катя.

– Вот после того, как мы ребусы загадывали, – совсем тихо заговорила Наташа, – я тогда легла спать, и пока засыпала, мне что-то и придумалось. Давайте все вместе встречать. Только чтоб и Вася! С ним так весело!

– Ой! Чудно! – Люся даже подпрыгнула на сундуке.

– Если старшие не захотят, – продолжала Наташа, – давайте будем приставать, приставать, пока не согласятся. Ладно?

– Мама согласится! Я ее упрошу! – сказала Люся.

Катя молчала.

– И вот я еще что придумала, – продолжала Наташа: – пускай каждый приготовит к этому вечеру какой-нибудь сюрприз. Только непременно чтоб все! И я уже сочинила сюрприз, – у нас у трех будет общий. Вот слушайте, только чтоб никто не знал! – Три головы почти прижались друг к другу, и Наташа шепотом изложила свой план.

– Это будет так смешно! – Люся хихикнула.

– Вот только... – Катя запнулась на мгновение. – Я не знаю, как дедушка...

– Что – дедушка? И его тащи!..

– Не пойдет. Он такой стеснительный... А я же его тоже одного в такой вечер не оставлю... Значит, и я не могу...

– Ну-у... – протянула Наташа, – так нельзя. Тогда же и из моего сюрприза ничего не выйдет. Ты уговори дедушку.

– Н-не знаю... – пробормотала Катя.

* * *

Люся была права: ее маму даже не пришлось уговаривать, – она согласилась с радостью. Наташины родители сначала удивились ее выдумке, потом Софья Михайловна тряхнула своей кудрявой головой.

– А знаешь, Леня, – ведь это может получиться и неплохо. Попробуем, а?

– Вот увидишь, мама! Очень весело будет! – упрашивала Наташа. – Папа, ну?

– Что ж... Соберемся как-нибудь вечерком все вместе и обсудим, – согласился отец.

На доктора решили напустить Тотика. Наташа вместе с матерью несколько дней подряд обучали его. И вот однажды, когда доктор вышел из своей комнаты, перед ним вдруг встали, вытянувшись, как на параде, все три девочки, а по бокам две мамы. Впереди всех стоял Тотик.

– Что такое? В чем дело? – растерялся доктор.

– Ну, Тотик! – подтолкнула Наташа братишку.

И Тотик, громко отчеканивая слова по одной букве, произнес:

– Вся «Соленая Католуандо» – плиглашает вас вместе встлетить Новый год.

И шаркнул ножкой. Он проделал это так серьезно и торжественно, что доктор не смог не расхохотаться, подхватил и поднял своего любимца. Тотчас же три девочки и обе мамы схватились за руки, окружив доктора хороводом, и закружились вокруг него, припевая: «Согласился! Согласился! Согласился!»

* * *

Катя принимала участие в веселой затее с приглашением доктора, но на душе у нее было невесело: дедушка решительно отказался участвовать в общей встрече Нового года. А ей так хотелось! Правда, дедушка сказал так:

– Не пойду я, Катюшка, – и не проси. Кому я там нужен, какое от меня веселье? А ты ступай. Знаю – люди хорошие, худому тебя не научат.

– Дедушка, я без тебя не пойду... Ну, как ты один... – жалобно просила Катя. – И сюрпризы интересные будут...

– А чего же? Я лягу спать в одиннадцать – и славно. А ты повеселись. Чего ж, я не прочь...

– Ну, дедушка!

– И не проси.

И дедушка засопел носом и стал изо всех сил выбивать трубку, что у него всегда служило признаком плохого настроения. Катя очень хорошо знала: ему жаль ее, и потому он ее уговаривает пойти без него на встречу Нового года, а самому ведь очень грустно будет одному...

Сидя с девочками в «разговорке», Катя рассказала им об этом.

– Ну, Катюшка, – протянула Наташа, – неужели из-за твоего упрямого деда мой

сюрприз сорвется?

– А что же мне делать, Наташа? – чуть не плача, спросила Катя.

– Придется сделать знаешь как? Ведь наш сюрприз будет самым первым. Мы его проделаем, а потом ты к бабушке пойдешь, побудешь с ним, а потом он спать ляжет, а ты опять к нам придешь.

– А всего, что будет вкусного за ужином, мы тебе оставим, – утешала ее Люся.

– И потом... как же будет Вася? – спросила Катя.

– Да, как же Вася? Неужели и он не с нами? Ой, не хочу, – волновалась Наташа. – Неужели нам Яков Иванович всю встречу расстроит? Может, моя мама его уговорит?

Но и Софье Михайловне не удалось сломить упрямство старого слесаря.

Глава IX

Встреча Нового года. «Ула, ула!» – кричал Тотик...

Наступил вечер 31 декабря.

Накрывать на стол вызвались Леонтий Федорович и Анна Николаевна. Девочки закрылись в комнате Люси, и оттуда то и дело доносились взрывы смеха и шушуканье.

К началу двенадцатого стол был накрыт и из «классной» прозвучал звонок, сзывающий к ужину.

– Сейчас! Сейчас! Мы уже готовы! – раздался из-за двери голос Наташи. – Вы все рассаживайтесь, а тогда мы выйдем.

Леонтий Федорович и обе мамы заняли свои места. Доктор, лукаво улыбаясь, вышел из своей комнаты и тоже сел к столу. Дверь из прихожей отворилась, вошел Вася.

– Ну, все уселись? Мы идем!

– Ждем! Ждем!

Дверь распахнулась настежь, и из нее вышли молча, торжественным шагом, держась под руки, все три девочки, одетые в свои самые нарядные платья. Но головы их были замотаны пестрыми платками и шарфами так, что не было видно волос, а лица завешаны двойным слоем марли. На руках были надеты

перчатки. На груди у средней был приколот большой лист бумаги, и на нем крупными синими буквами стояло:

УГАДАЙТЕ КТО – КТО???

УГАДЫВАТЬ ПО ОДНОМУ РАЗУ!

Угадавший будет удостоен звания почетного члена «Соленой Католюандо»

– Что ж тут угадывать! – непосредственно вырвалось у Анны Николаевны. – Вот Люся, а вот Наташа, а вот Катя!

– Пф-ф-ф! – дружно фыркнули все три девочки.

– В том-то и сюрприз, что это не так просто, – заметил Леонтий Федорович.

– Ах, они обменялись платьями, – догадалась Анна Николаевна.

– Да. И вы свое право отгадывать уже использовали, Анна Николаевна, – сказал Вася. – А мы спешить не будем. Гм... Надо присмотреться.

Девочки стояли молча.

– Мне кажется, это Наташа, – неуверенно произнесла Софья Михайловна, указывая пальцем на среднюю девочку.

– Пф-ф-ф! – раздалось в ответ.

– Да нет! Это Катя! – убежденно произнес доктор.

– Пф-ф-ф!

– Не угадал? – удивился доктор.

– Ну, – сказал Леонтий Федорович, – теперь уже не трудно догадаться, что средняя – Люся.

Три головы сделали одновременно утвердительный жест.

– А левая... – начал было Вася.

– Стойте! – перебил его Леонтий Федорович. – Остались мы с вами кандидатами на высокое звание. Но, если вы сейчас угадаете, кто левая, – мне уже нечего будет угадывать. Вы скажите свою догадку на ухо Анне Николаевне, я свою – на ухо жене. А они уже произнесут вслух.

– Идет! – сказал Вася и шепнул что-то на ухо Люсиной маме. Леонтий Федорович наклонился к уху жены и зашептал.

– Можно говорить? – спросила она.

– Теперь можно.

– Папа узнал свою дочку в правой девочке, – сказала Софья Михайловна, указывая пальцем.

– Пф-ф-ф! – фыркнули девочки.

– Ура! Я почетный член «Соленой Католуандо»! – закричал Вася и даже подскочил на стуле.

– Верно! Верно! Вася сказал: правая Катя, левая – Наташа! – воскликнула Анна Николаевна. – Ай да Вася! – И все зааплодировали Васе.

Девочки срывали с лиц куски марли.

– Как ты узнал, Вася? Просто наугад?

– Нет, не просто наугад.

– А как? Как? – Девочки обступили Васю.

– По движению головы, – сказал Вася. – Когда вы утвердительно кивнули головами, – кивок Наташи был твердый, уверенный. Твой кивок. Катя, – какой-то робкий, несмелый... Я узнал каждую по ее характеру.

– Что значит художник, – сказала Софья Михайловна.

– Гм... А мне, как юристу, стыдно, что я на это не обратил внимания. Следовательно бы из меня не вышел, – покачал головой Леонтий Федорович.

– Будем переодеваться? – спросила Катя.

Все запротестовали: уже половина двенадцатого.

– За стол! За стол! – весело приглашала Софья Михайловна.

Катя подошла к брату.

– А мы теперь пойдем к дедушке, Вася?

– погоди, – сказал Вася громко. – Товарищи! Сейчас будет мой сюрприз. Девочки, прошу занять места. – И он вышел из «классной».

Через минуту он вошел обратно, слегка подталкивая перед собой за плечи одетого по-праздничному Якова Ивановича. Старый слесарь смущенно улыбался

и быстрым взглядом окинул все лица, словно ища поддержки.

– Яков Иванович! – в один голос вырвался у всех радостный крик.

– Дедушка!.. – Катя вся залилась краской и просияла.

– Как хорошо, что вы пришли, милый Яков Иванович! – Софья Михайловна бросилась навстречу к старику и, схватив его за обе руки, подвела к столу.

– Вот... Уговорил Вася... «Иначе, – говорит, – ты нам с Катей весь вечер испортишь», – бормотал между тем Яков Иванович.

– Да вы точно оправдываетесь, – засмеялся Леонтий Федорович. – А поглядите, ведь вам и прибор накрыт. Садитесь скорей.

– И приступайте к закуске, а я пойду за пирогом. – И Софья Михайловна вышла на кухню.

Но тут произошел еще один сюрприз, никем не подготовленный и совершенно непредвиденный. Дверь растворилась, и на пороге появился заспанный Тотик, босиком, в длинной ночной рубашке. Щурясь от яркого света, он возмущенно произнес:

– А почему меня не пригласили?

Через минуту он, с закутанными ножками, сидел на коленях у доктора и внимательными глазами изучал стол.

– Сколько вкусовостей! – радостно сказал он.

Мать внесла поднос с пирогом и поставила посреди стола. Леонтий Федорович налил всем взрослым по рюмке вина, но вдруг так и застыл.

– погоди, Соня, – изумленно сказал он, пристально разглядывая селедку. – Что это у тебя селедка такая странная?

– Чем странная? – удивилась жена.

– Да вы посмотрите, все посмотрите! – не унимался Леонтий Федорович.

Десять пар глаз уставились на селедку, красиво гарнированную на селедочном блюде.

– Селедка как селедка, – сказал Яков Иванович.

И вдруг все от неожиданности вздрогнули: селедочное блюдо вместе с селедкой подскочило вверх и снова встало на место.

– Что такое? – Раздался смех, восклицания.

– Я же говорю: странная, – повторил Леонтий Федорович. А селедка вместе с блюдом снова подпрыгнула и быстро-быстро заплясала на месте.

Тотик вдруг закинул головку и тоже захохотал звонко и заливчато.

– Стланная селедка! Плыгает! Плыгает!

– Папа! Это твой сюрприз! – закричала Наташа. – Как ты это устроил?

– Я? При чем тут я? – удивлялся отец.

И вдруг подскочила и начала плясать на столе большая тарелка с ветчиной.

– И ветчина плыгает! – Тотик был в восторге и хохотал, махая ручками. – И ветчина стланная!

– Папа! – закричала Наташа. – Папа, где твои руки?!

– Вот! – Леонтий Федорович поднял вверх обе руки. Ветчина остановилась, но зато бурно заплясала фарфоровая доска с сыром и не переставая подскакивала селедка.

– И сыл! И сыл стланный! – ликовал Тотик.

Наташа окинула быстрым взглядом всех сидевших за столом.

– Анна Николаевна! Покажите ваши руки! – крикнула она.

Анна Николаевна подняла руки. Сыр и селедка успокоились, но снова запрыгала ветчина.

– Ага! – кричала Наташа. – Ветчиной управляет папа, а сыром и селедкой – Анна Николаевна. Как вы это устроили?

Ей никто не успел ответить, потому что вдруг раздался выстрел и прямо в блюдо с винегретом шлепнулась большая пробка, и пенистая струя обдала голову Леонтия Федоровича. Это Вася, воспользовавшись тем, что все были поглощены пляшущей едой, откупорил еще один сюрприз – бутылку шампанского.

– Бокалы скорей сюда! – кричал он. – Без минуты двенадцать!

В шумной сутолоке тянули к нему руки с бокалами. Леонтий Федорович тряс мокрыми волосами. Тотик так и заливался.

Часы начали бить. Все вскочили с места, чокались, бегали друг к другу вокруг стола, целовались, кричали все сразу.

– С Новым годом! С Новым годом!

– Ура! Ура!

– Улла! Улла! – громче всех кричал Тотик.

Ужин проходил весело. Шутливым тостам, дурачествам, смеху не было конца.

– Ну, а где же остальные сюрпризы? – спросил Леонтий Федорович.

– Мой я вынесу, когда присудят, кому получать премию, – сказала Анна Николаевна.

– Мой тоже в заключение, – прибавила Софья Михайловна.

– А ваш, доктор?

– А я могу принести и сейчас, – ответил доктор и, передав Тотика отцу, ушел к себе и сейчас же вернулся с огромной миской, которую торжественно поставил на стол.

– Это настоящий украинский «узвар», – громко объявил он, – традиционное наше рождественское блюдо. Собственноручно варил прошлой ночью.

И он сам с важным видом стал разливать «узвар» – компот из сушеных фруктов с орехами и миндалем.

Первую тарелку получил, разумеется, Тотик и, сразу набрав полную ложку, понес ее в рот. И в тот же момент личико его скривилось в гримасу, и он шумно выплюнул все обратно в тарелку.

– Фу! Как невкусно! – закричал он.

Доктор так и застыл со второй тарелкой в одной и суповой ложкой – в другой руке.

– Невкусно? – озадаченно спросил он.

Леонтий Федорович взял ложку и, зачерпнув из Тотиковой тарелки, пригубил.

– Это на Украине так и полагается, чтобы узвар был соленый? – сдерживая смех, спросил он.

– Соленый?! – Доктор выронил суповую ложку в миску. – Как соленый?!!

У него был такой обескураженный вид, что все невольно засмеялись.

– Так вот в чем дело! – воскликнула Софья Михайловна. – Это ваша фарфоровая банка в кухне стояла рядом с моей? Вы спутали банки!

– А в вашей что? – растерянно спросил доктор.

– Соль, милый доктор! Мелкая столовая соль, – не в силах сдержать смех, отвечала Софья Михайловна.

– Что же я наделал? – пробормотал доктор. Он был так растерян и так искренне огорчен, что все наперебой бросились весело утешать его.

– А сладкое все же будет, – говорила Софья Михайловна, – я несу свой сюрприз.

И под гром аплодисментов она внесла мороженицу. Доктор постепенно приходил в себя от смущения и даже заулыбался.

– Узвар за мной! – решительно заявил он. – Все это вышло потому, что я не догадался попробовать...

Когда удавшееся на славу мороженое было съедено, Софья Михайловна сказала.

– Ну, а теперь объясните секрет «стланных» селедки и сыра.

– Да! Да! Показывайте, как это сделано!.. – закричали все.

– Секрет очень простой, но не думайте, что это мое изобретение. Я эту штуку видел в детстве, – сказал Леонтий Федорович, вытаскивая что-то из-под скатерти.

Секрет действительно оказался совсем простым. Из очень тонкой компрессной клеенки были искусно клеены три пакетика, и в них вставлены и наглухо привязаны длинные и очень тоненькие резиновые трубки с резиновым баллончиком на конце. Стоило сжать баллончик – и воздух из него выдавливался через трубку в пакетик, и тот раздувался, как мяч. Подложенный под скатерть, он мог приподнять любую нетяжелую вещь. Девочки с увлечением делали опыты с новой игрушкой, заставляя плясать то одно, то

другое.

– На, а как же с премией? – вспомнила Люся.

– По-моему, – Васе за то, что привел дедушку! – крикнула Наташа.

Споров не было. Премия была присуждена единогласно старому слесарю и Васе. Яков Иванович смущался, но сиял. Анна Николаевна принесла из своей комнаты банку вишневого варенья.

– Вот! – сказала она и подавила банку на стол перед Яковым Ивановичем.

– Это все нам? – растерялся он.

– А как же? Это же премия. Сама летом варила.

Яков Иванович взял банку в руки и поставил ее перед Софьей Михайловной.

– Получите, завхоз. Кушать будем все вместе.

Шел уже второй час ночи. Тотик уснул на руках у доктора, и мать унесла его в кроватку. Девочек отправили спать, но они еще долго шмыгали через «классную» друг к другу.

Ушел и Вася кончать встречу Нового года в своей студенческой компании.

А взрослым не хотелось расходиться. Они сидели за столом, пили чай с вареньем, и беседа приняла тот теплый, интимный характер, какой бывает только тогда, когда у всех участников хорошо на душе.

– Доктор, – говорил старый слесарь, – а я часто вспоминаю девятьсот пятый год. Много мы тогда самодержцу – «его императорскому величеству» – крови испортили! Ты что тогда делал?

Доктор слегка опешил от этого неожиданного «ты», с которым Яков Иванович обратился к нему, сам того не замечая.

– Помню и я, – ответил он немного растерянно, но вдруг, увлеченный воспоминаниями, заговорил горячо и живо. Он рассказывал, как подавал первую помощь раненым на демонстрациях рабочим и студентам; как прятал от полиции в этой самой квартире революционеров, живших в Петербурге на нелегальном положении; как его однажды вызывал к себе градоначальник для объяснений и как он перед ним разыгрывал обиженного; как, мол, на него могли подумать, что он помогает «крамольникам»?

Все смеялись, а Софья Михайловна заметила:

– Не представляю себе, доктор, – неужели вы умеете притворяться и что-то разыгрывать?

– Перед вами не сумею, – улыбнулся доктор, – а обмануть полицию – это было делом чести.

И он снова увлекся воспоминаниями. Иногда старый слесарь перебивал его и рассказывал случаи из своей жизни, о том, как участвовал в забастовках и демонстрациях и как после 9 января 1905 года вступил в партию большевиков. Рассказы этих двух, таких разных, стариков – это уже была история, и все сидели молча и с интересом слушали.

– Ну, еще, еще! Расскажите еще! – просила Анна Николаевна, ласково прижимаясь к плечу Софьи Михайловны.

– Нет уж, скоро утро, спать пора, – сказал, наконец, Яков Иванович и встал.

Все поднялись с мест, продолжая разговаривать. Доктор отвел Софью Михайловну в сторону и тихо сказал:

– Я сегодня впервые за много лет смог вспомнить этот период своей жизни без боли. Как мне благодарить вас за это?

Софья Михайловна ничего не ответила, только крепко пожала его руку.

– Чудно встретили сорок первый год! – воскликнула Анна Николаевна. – И вот увидите, он весь пройдет радостно и весело и мы еще лучше встретим следующий.

Все охотно согласились с ней. И никто не подозревал, как жестоко она ошибается.

Часть вторая

Глава X

Наташа пишет ночью письмо и затем его сжигает

Прошел ровно год.

Шла ночь на первое января 1942 года. Наташа вдруг проснулась сразу, как от толчка. Она открыла глаза. В комнате было совершенно темно. Слышалось

ровное дыхание спящих людей. Наташа повернулась со спины на бок, протянула руку и пощупала, не раскрылся ли Тотик. Нет, ничего, укутан хорошо. Они все лежали на широкой тахте – Наташа, Тотик, Люся и Катя. Из-за раскрытой двери в соседнюю комнату доносилось тонкое, с присвистом, похрапывание Якова Ивановича, да иногда что-то бормотал во сне доктор.

Наташа порывисто села и обхватила руками коленки. Плечи и спину сразу охватило холодом. Она нащупала в темноте рядом на стуле свой фланелевый халатик, надела его, быстро сунула ноги в валенки и бесшумно подошла к столу. Прислушалась – все спят. Ощупью нашла спички и зажгла коптилочку, стараясь своим телом загородить свет от постели Софьи Михайловны. Фитилек загорелся, потрескивая, слабый свет разлился по комнате. Наташа оглянулась. Ничего, мама лежит лицом к стенке, авось не проснется. На всякий случай Наташа взяла лежавшую на столе книгу в переплете и, раскрыв, поставила ее ребром, чтобы свет не разбудил маму, если она повернется. За девочек она не боялась, – они спят очень крепко.

Однако как холодно! Вечером топили «буржуйку», но она уже успела остыть. Наташа зябко повела плечами, подошла к столу, достала из большой папки несколько исписанных листков бумаги и несколько чистых, уселась в кресло, поджав под себя ноги, и начала писать. Она спешила, но слова ложились на бумагу ровными четкими строчками. Пламя коптилки слегка колебалось от ее дыхания, глазам было больно от напряжения, рука стыла, и ее время от времени приходилось отогревать, сунув под мышку, но Наташа не отрываясь писала и писала. Часы пробили два, потом три; Наташа их не слышала, она с головой ушла в письмо.

Ленинград, ночь на 1 января 1942 года

«Здравствуй, дорогой мой папочка. Пишу тебе в новогоднюю ночь. Вчера пришел к нам твой товарищ с фронта, и как мы обрадовались твоему письму! Ведь так долго не было вестей от тебя, и чего-чего мы с мамой не передумали!

Папочка! Вот я проснулась, все спят, и мне захотелось сейчас же писать тебе. Все равно не засну, а завтра придет твой товарищ за письмом. Днем писать некогда, а сказать хочется так много! Ведь ты просишь написать тебе подробно, как мы сейчас живем. Помнишь, когда ты уезжал, ты просил меня все записывать. Я один раз начала, а потом стало некогда. Посылаю тебе то, что тогда записала.

Помнишь, как весело мы встречали прошлый Новый год? Помнишь сюрприз? И вот вчера был настоящий новогодний сюрприз – письмо от тебя! Ты просишь, чтобы я честно и откровенно написала тебе, очень ли нам трудно. Да, папочка, трудно. Мне кажется, что я за эти месяцы стала совсем взрослой. Ну вот, как раз листок кончается. Теперь читан то, что я тогда написала, а что дальше, я

напишу сейчас».

Наташа аккуратно присоединила к начатому письму исписанные листки, отложила их в сторону, взяла новый лист и продолжала писать. Вот что было написано в листках:

«Как только папа улетел на фронт, я вступила в пожарное звено нашего дома. Сейчас все ребята, оставшиеся тут, как умеют, помогают защищать город. Нас научили всему, что нужно. Мы собрали по всему дому очень много старых чулок, набили их песком, зашили и сложили в кучу на чердаке. Мы перетаскали на чердак целые горы песку, чтобы тушить зажигательные бомбы. А Катя и Люся – в санитарном звене. У них в нашем подвале, где бомбоубежище, медпункт. Они не верили, что чулками с песком можно потушить бомбу. А я сама как раз ими и потушила целых две бомбы.

Мы вечером собирались ложиться спать, когда началась воздушная тревога. Мама сразу завернула Тотика в одеяло и побежала в бомбоубежище, а я на чердак. Я научилась различать по звуку, летит ли это наш самолет или вражеский. У наших – ровное и четкое гудение, а фашистский как-то ужасно противно и назойливо завывает. Я стояла у кадки с водой, а рядом со мной Коля Борисов. И вдруг слышим: летит! Коля говорит: «Это наш!» А я говорю: «Нет, ихний!» А тут где-то около самого нашего дома начали палить зенитки. Я только успела сказать: «Вот видишь!» – как раздался ужасный грохот, и весь наш дом качнуло так, что я еле удержалась на ногах и схватилась руками за стенку, а вода из кадки выплеснулась и прямо мне на ноги. Я кричу: «Коля! Ты где?» – А он молчит. Я ужасно перепугалась, кричу: «Коля! Коля!» – и вдруг слышу, он стонет где-то на полу. Я присела на корточки, шарю руками где он, а на крыше над нами бегают, что-то кричат. Я думаю: это в наш дом попало, и сейчас все обрушится. Вскочила было – бежать! Но сейчас же спохватилась: а Коля? Не бросать же его. Я стала звать на помощь, а сама знаю: на крыше такой шум, не услышат. А тут Коля и говорит, голос слабый: «Ничего, я жив, я только ударился спиной об железную балку. Помогите мне встать». Я ощупью добралась до него, поднимаю, а его ноги не держат. А по крыше все бегают и что-то кричат. Говорю: «Коля, ты постарайся идти; я помогу; кажется, в наш дом бомба попала». – «Не могу идти», – отвечает Коля. И в это время, слышим, опять самолет летит. И опять близко зенитки запалили. И вдруг слышим – свист. Пронзительный такой. Мы в потемках прижались друг к другу; я Колю поддерживаю, не дышим. Тут как стукнет что-то над нами! Раз и два, и вдруг нас ослепил яркий белый свет, – точно вот когда при магнии снимают. Стало светло, как днем. Смотрим, это две зажигательные бомбы нашу крышу пробили.

Я растерялась – стою и смотрю, а белое пятно брызжет во все стороны. А Коля кричит: «Чулки! Скорей!» – сам снова падает, потому что я его из рук выпустила. Я бросилась к куче чулок, схватила, сколько могла, подбежала к

одной бомбе и давай забрасывать ее этими мешками. Чулки вспыхнули и сразу обгорели, а песок рассыпался и потушил бомбу. Тогда я бросилась к другой и тоже забросала ее чулками с песком. А в это время уже несколько человек вбежало в дверь с лестницы, кричат: «Кто здесь есть?» – Коля говорит: «Не наступите на меня, я тут лежу». – А я смотрю, – что такое? Сразу, как бомбы потухли, показалось совсем темно, а потом вижу – на потолке точно два пятна светятся. Я поняла, что это дыры, пробитые бомбами. И на чердаке от них почти все видно. Подошла снова к Коле, а около него уже ребята возятся, поднимают. Снесли мы его вниз, в медпункт. Там уже несколько человек раненых и обожженных. Ребята-санитары первую помощь оказывают вместе с сестрой и врачом. Какая Люся была шалунья и лентяйка, а теперь как работает!..»

На этом запись кончилась.

«Расскажу тебе все по порядку, – писала сейчас Наташа. – Сразу после тебя ушел добровольцем и Вася. От него тоже нет писем, и мы все очень беспокоимся за него. Анну Николаевну мобилизовали, но она в Ленинграде в госпитале, на казарменном положении, домой забегает редко, на минутку.

Очень многих детей эвакуировали. Мы как раз в июле все четверо были больны корью и уехать не могли. Когда поправились, было поздно. Ленинград был уже окружен врагами. Вот так мы и остались в городе. Вскоре мама ушла дружинницей в тот госпиталь, где Анна Николаевна работает. Домой мама приходит очень поздно.

Папа! Нашу школу разбомбило. Хорошо, что ночью, не во время занятий. Мы не учимся, хотя в городе работают многие школы. Говорят, занимаются даже в бомбоубежищах. Но близко от нас такой школы нет, а далеко ходить мы не в силах. Ни трамваи, ни троллейбусы не ходят, ведь электричества-то нет. Мы все живем сейчас в двух комнатах доктора, потому что между ними дверь и их можно отопить одной «буржуйкой», а то ведь дров нет. Книги доктор все продал еще осенью, чтобы были деньги на продукты, но их хватило ненадолго. Книжные полки мы распилили на дрова. Где была библиотека, живем мы: мама, Тотик, Катя, Люся и я. Мы перенесли сюда нашу большую тахту. В спальне доктора – он и Яков Иванович. И дверь всегда открыта.

Сейчас бомбежек нет. Яков Иванович говорит, что немецкие самолеты не выдерживают морозов. Зато немцы обстреливают нас из дальноточных орудий. Они ведь окружили нас со всех сторон. Мы знаем: если идешь по улице, а снаряды свистят над головой, – значит, они пролетают куда-то дальше и можно не прятаться. Но, конечно, можно попасть и в самый обстрел».

Проснулся и громко заплакал Тотик. Наташа бросилась к нему.

Через полчаса она снова сидела за столом и писала. Но слова уже не ложились на бумагу ровными четкими строчками. Перо прыгало в Наташиной руке, а рука не поспевала за взбудораженной, скачущей мыслью. И буквы отрывались друг от друга, становились все крупнее и размашистее, и казалось, что им тесно на большом гладком листе бумаги.

«...Папа! Помнишь, в прошлом году ты говорил мне, что я – счастливая, что дожила до двенадцати лет и ни разу не видела ни одной смерти. Ой, папа, сколько я ее вижу теперь! Я не могу забыть одного ребеночка, который погиб на пожаре. И на улице часто видишь, как человек падает и умирает.

Да, папа, трудно нам, очень-очень трудно. Очень голодно, – ведь подвоза продуктов нет. Нет света, нет воды. Получаем 125 граммов хлеба в сутки на человека. Тотик в садик не ходит, очень ослабел. Мы приносим ему из садика его паёк – немножко супу и каши без масла. Но это так мало!

По вечерам на улицах совсем темно, все окна завешены. А после десяти часов выходить запрещено. Мама купила нам всем большие плоские значки, вроде брошек. Они покрыты каким-то составом, который светится в темноте. Теперь все ленинградцы носят такие значки, чтобы в темноте не наткаться друг на друга.

Но только ты, пожалуйста, не подумай, что мы унываем, падаем духом. Нет, ты знай: мы выдержим! Все выдержим, – ведь мы знаем: вы не отдадите наш город этим проклятым фашистам.

Знаешь, вчера вечером мы шли через Неву – я, Люся и доктор. Остановились на мосту, оглядываемся – в какую сторону ни посмотрим, всюду зарево: одно – ближе, другое дальше, и все время слышим пушечные выстрелы. А доктор и говорит: «Вот, девочки, запомните на всю жизнь, как мы своими глазами видели это огненное кольцо вокруг своего города!»

Конечно, мы все запомним. Разве возможно это забыть?! Ну, вот видишь, – я хотела написать все по порядку, а не получилось. Ну ничего, ты только знай: выдержим!

До свиданья, папа! До счастливого свиданья после победы! Я знаю, мой папа вернется героем!..

Целую тебя крепко-крепко.

Твоя дочка Наташа».

Наташа, не перечитывая, сложила письмо вчетверо, сунула в ящик своего столика, сбросила шубку, дунула на коптилку и в темноте юркнула под одеяло. И только тут почувствовала, как устала и как иззябла. Ее всю трясло мелкой дрожью. Она свернулась клубочком и старалась всюду подоткнуть одеяло, но все время то тут, то там проникали холодные струйки.

Часы пробили пять. Сна не было, хотя мало-помалу Наташа и начала согреваться. Мысли, обгоняя одна другую, проносились в голове: в ушах стоял звон, и сердце громко стучало, – казалось, оно не в груди у Наташи, а под самым ухом, в подушке. Она слышала, как пробило шесть и как сразу после этого зашевелился в соседней комнате Яков Иванович. Он долго кашлял хриплым, стариковским кашлем, потом чиркнул спичкой, и по слабой полоске света, проникшей в раскрытую дверь, Наташа поняла, что он зажег коптилку. Потом он, кряхтя, одевался, вошел в их комнату, присел на корточки перед «буржуйкой» и начал ее растапливать, стараясь делать это бесшумно. Сухие дрова (это была расколота на мелкие чурочки массивная дверка дубового буфета) занялись сразу и весело затрещали. Никто не проснулся. Яков Иванович поставил на «буржуйку» маленький чайничек и ушел к себе.

Наташа лежала, все так же сжавшись в комочек, и не отрываясь, смотрела в раскрытую дверцу печки. Пламя бушевало в ней, изредка выкидывая в комнату темные струйки дыма. Пляшущий свет озарял комнату; пахло дымком, стало заметно теплее. Тоненько запел чайник.

Наташа смотрела в огонь и думала об отце. Как она стосковалась по нем! Она вдруг так ярко представила себе его милые, живые глаза, его улыбку... «Папочка... папа...» – прошептала она. Вот он получит ее письмо... Наташа закрыла глаза и постаралась представить себе, как он распечатывает его... быстро... нетерпеливо... Ему хочется скорее узнать, как они там... вот он распечатал... читает... читает...

И Наташа вдруг так и замерла на несколько мгновений.

– Нет! Нельзя, чтобы он получил такое письмо! Ему и без того нелегко там, на фронте... Он, конечно, так волнуется за них... А она... вместо того, чтобы успокоить, подбодрить... Нет, нет! Нельзя!..

Снова в комнату вошел Яков Иванович, уже одетый, в полушубке и шапке с большой эмалированной кружкой в одной руке и крошечным кусочком хлеба в другой. Он присел на корточки перед печкой, налил кружку кипятку из чайника, сунул хлеб в рот и начал медленно жевать его. Кружку с кипятком он обхватил

обеими руками, видимо, желая их согреть. Потом понемножку, не спеша, все так же держа кружку двумя руками, выпил кипяток, поднялся, отнес кружку на место и вышел в «классную». Часы пробили семь. Хлопнула дверь в прихожей. Яков Иванович ушел на работу.

Сейчас начнут просыпаться остальные. Наташа поспешно выскочила из-под одеяла, надела валенки, достала из ящика свое письмо и, не разворачивая, сунула его в «буржуйку». Дрова догорели, печурка была полна крупных красных углей. Кончики бумаги закрутились, задымились, и вдруг все письмо вспыхнуло ярким пламенем.

«Эх... все бы не надо жечь... ведь ничего, где про бомбы... ну, да все равно... напишу новое...» – подумала Наташа, глядя на хрупкие черные листки, покрывшие красные уголья.

Она снова зажгла коптилку, села к столу, взяла в руки перо – и задумалась. Что же писать? Солгать? Солгать папе? ... Нет! Нет, она напишет правду, только... только по-другому... Ведь если она напишет, что все они живы и бодры, что держатся крепко, что уверены в победе, что Ленинград выстоит, что все работают, – это ведь тоже будет правда.

И Наташино перо снова побежало по бумаге.

– Наташа! Ты что же это так рано встала? Что ты там делаешь? – раздался за ее спиной голос Софьи Михайловны.

– С добрым утром, мамочка, – как можно веселее ответила Наташа. – Я пишу папе.

– Вот и отлично! Я тоже сейчас напишу, – говорила, поспешно одеваясь, Софья Михайловна. Она подбросила дров в печурку и подошла к дочери... – Только... Наташа, ты не пиши, как... Ты напиши, что все у нас... что все в порядке... – И она провела рукой по Наташиным волосам.

Наташа подняла голову и посмотрела на мать.

– Я так и пишу, мамочка, – сказала она. И они понимающе улыбнулись друг другу.

– Можно войти? Вы уже встали? – раздался из соседней комнаты голос доктора.

Сейчас же вслед за ним поднялась Катя.

– Где карточки? Я сбегая за хлебом, пока Тотик не проснулся, чтобы сразу дать ему, – сказала она, заматывая голову платком. Начинался новый блокадный

день.

Глава XI

Цена хлебного довеска. У проруби на Неве. Появление «жениха»...

Становилось все труднее.

Жестокие морозы сковали Ленинград. Зима выдалась снежная, но снег никто не убирал, и все выше и выше нарастали сугробы на улицах. Неподвижно стояли кое-где трамваи и троллейбусы с выбитыми стеклами, а над ними качались на ветру порванные провода... Над городом непрерывно свистели снаряды. Прохожие с усталыми, серыми лицами иногда на минуту останавливались прислушаться: где разорвется? – и шли дальше. Длинные очереди терпеливо выстаивались у булочных. В очередях разговаривали мало. Большинство людей стояло прислонившись к стене дома. Губы сжаты плотно и скорбно, а в провалившихся глазах спокойное упорство.

Катя присела на ступеньку у входа в булочную, – она очень устала. Вот еще человек десять, и она дойдет до двери. В самой булочной стоять уже легче, там теплее. Катя думала о бабушке, – последние дни она очень тревожилась за него. Бабушка иногда не приходит с завода по два – три дня, и она тогда не знает, что думать, и боится подумать о самом страшном. Вот и вчера вечером он не пришел... А она знает: враг все время бьет по его заводу.

Из-за угла набережной завернули в улицу, где сидела Катя, две девочки; они с трудом тащили длинные сани, на которых лежал плотно зашитый в белую простыню покойник.

– Может, мать повезли, – произнес кто-то в очереди, когда девочки поравнялись с булочной.

А из-за угла показались еще одни такие санки... Все в очереди повернули головы и глядели им вслед

– Ох, сколько их!.. – прошептала старушка рядом с Катей.

Никто не ответил.

Катя вошла в дверь. Ей стало вдруг так страшно.

Дошла ее очередь. Катя бережно положила в корзинку полбуханки хлеба и небольшой довесок, крепко прижала к себе и стала пробираться сквозь толпу к выходу. И вдруг через ее плечо потянулась рука, схватила довесок – и мальчишка лет пятнадцати, расталкивая людей, выбежал из булочной.

– Отдай!.. Отдай!.. – закричала Катя и бросилась за ним. В дверях образовалась пробка. Катя с трудом выбралась из двери, сбежала со ступенек. Мальчишки не было видно.

– В переулок побежал, – сказал ей кто-то, догадавшись, в чем дело.

Сразу за углом стояла, прижавшись к водосточной трубе, девочка лет четырех, вся, вместе с руками, увязанная в огромный клетчатый платок. Перед ней присел на корточки, спиной к Кате, тот самый мальчишка и, бережно отламывая маленькие кусочки хлеба от Катиного довеска, клал их в рот девочке. Та жадно глотала и молча снова раскрывала ротик за следующим кусочком.

Катя глядела на них, пока последний кусочек не исчез во рту девочки и, ни слова не сказав, пошла домой.

На звонок ей открыла Наташа.

– Как ты долго! – сказала она.

– Очередь, – объяснила Катя.

– Замерзла, небось?

– Очень.

– Иди, на печурке кипяток есть. Дедушка твой пришел.

– Дедушка пришел?! – Катя бросилась в комнату. Она пробежала мимо Люси, которая подбрасывала дрова в печурку, и вбежала в спальню доктора.

Яков Иванович сидел на своей кровати и, держа обеими руками кружку, пил кипяток.

– Дедушка!.. – Катя остановилась перед ним, не зная, что сказать. За те два дня, что она его не видела, он как будто еще осунулся и посерел.

– Катюша, здравствуй. – Яков Иванович с усилием улыбнулся. – Ишь, заоченела вся. Выпей скорей кипятку.

– Вот я ей уже несу, – сказала Наташа, входя с чашкой кипятку в руках. –

Раздевайся, Катя, я тебе помогу. – Она взяла из Катиных рук корзинку с хлебом и стала расстегивать пуговицы на Катином пальто.

– Хорошо, что ты пришла, – говорила она, – нам с Люсей за водой идти надо; темнеть сейчас начнет, а Якову Ивановичу тоже уходить.

– Как уходить?! – испугалась Катя.

– Наташа! Я готова, идем, – позвала из соседней комнаты Люся.

– Иду! Катя, Тотик заснул. Пусть спит. – И Наташа вышла из комнаты.

– Пей кипяток, – сказал Яков Иванович.

Катя машинально взяла в руки чашку с кипятком и села на кровать рядом с Яковым Ивановичем.

– Дедушка... Неужели уходишь опять?..

– А как же, Катюшка. Надо! Меня начальник цеха сам отослал... велел отдохнуть. Да сейчас мне не до отдыха. Я только вот зачем пришел. – Он снова улыбнулся, но на этот раз уже без усилия, и вытащил из кармана сухарь. – На! Ешь!

«Вот... вместо довеска...» – мелькнуло в голове Кати. Она откусила кусочек. Сухарь был очень черствый, и это было хорошо – можно было дольше жевать. Горячая вода словно разливалась по всему телу, зубы с наслаждением вонзились в сухарь, и на душе сразу стало как-то спокойнее.

Яков Иванович встал, собираясь уходить.

– Дедушка! – Катя вцепилась руками в его рукав и потянула его обратно. – Не уходи, дедушка! Ну, отдохни хоть один денек. Один день – не в счет! Начальник же отпустил!

Старик усмехнулся.

– Один день не в счет? Ну нет, Катюшка, – нынче один час, одна минута и то в счет. Идти надо! – Он усмехнулся и как-то застенчиво провел рукой по Катиным волосам. – Не тужи, Катюшка, раньше времени. Твой дед – двужильный. Вытянет. А если теперь несколько дней не приду, не тревожься. Работа такая...

Яков Иванович ушел. Начало смеркаться; в углах комнаты сгущались тени. Было очень тихо. Катя все так же сидела на кровати деда. Какое-то оцепенение нашло на нее. Никаких ни мыслей, ни чувств – одна безграничная усталость.

* * *

Наташа с Люсей шли в очередь к проруби на Неве. Эта очередь была такая же молчаливая и хмурая, как очередь за хлебом. Только тут не к чему было прислониться, не на что сесть. Спускаться к Неве становилось труднее с каждым днем. Ступеньки, забитые снегом и залитые водой, обледенели, слились в скользкую неровную дорожку. Люди старались обходить ее по сторонам, вытаптывая ступеньки в снегу, но падали, разливали добытую воду – и неровная, скользкая дорожка все расширялась. Иногда кто-нибудь, у кого еще оставались силы, приносил с собой топор и вырубал ступеньки во льду, но их хватало ненадолго.

Втащить снизу саночки было невозможно, и их оставляли наверху. Но не все приходили с саночками. Многие несли прямо в руках кастрюли на веревочках или в «авоськах», кувшины, всякую другую посуду.

У Люси и Наташи было по ведру. Саночки они оставили на снегу у спуска. Собираясь спускаться вниз, они увидели ползшую по ступенькам наверх старушку. В одной руке она несла большой медный чайник, а другой хваталась за лед. Добравшись почти доверху, она остановилась и беспомощно оглянулась.

– Бабушка! Давайте руку, я подтащу вас, – предложила Люся. – Наташа, а ты меня держи. – И, подав руку, на которой висело ведро, Наташе, она вступила одной ногой на спуск и протянула старушке руку.

– Ах ты, касаточка моя, – умилилась старенькая, хватая ее за руку. Но ноги скользнули, чайник, разливая воду и звеня привязанной крышкой, покатился вниз, а за ним покатились вниз и старушка, увлекая за собой Люсю с пустым ведром. Наташа осталась наверху. Люся выпустила ее руку. Все это произошло так стремительно быстро, что никто из них даже не успел вскрикнуть.

Наташа бросилась вниз на помощь. Но сойти было тоже не так легко, и, когда она подошла к упавшим, старушка уже поднялась, охая, а Люся сидела на льду, растирая рукой ушибленную ведром коленку, и тихо плакала.

– Ну, ничего, Люсенька, – старалась ее утешить Наташа. – Вставай, я тебе помогу.

– Ничего... – Люся всхлипнула и встала, опираясь на Наташу, – мне не так больно, как обидно... Хотела помочь, а... – и она снова всхлипнула.

– Родненькая ты моя, – запричитала старушка, поднимая чайник, – силушки-то у меня не было удержаться.

Подошла Наташа.

– Ничего, бабушка. Вы обе целы, – значит, все в порядке. Теперь мы сделаем так: лезьте наверх и сторожите наши санки – вот они стоят. А чайник давайте мне, я воды вам наберу.

К проруби стояли три очереди, – с трех сторон. Люди либо становились на обледенелый край и, согнувшись, погружали в воду свою посуду, либо прямо ложились на живот, боясь соскользнуть в прорубь. Все это отнимало время, и очередь двигалась медленно. Начинало смеркаться. Совсем невдалеке, у берега, стоял вмерзший в лед корабль. Отсюда, снизу, он казался необыкновенно огромным. На корабле было тихо. только ветер, намечая, гремел каким-то железным листом. По Неве неслась мелкая, колючая поземка, и люди становились к ней спиной, стараясь вдавить голову в плечи.

Где-то далеко ухнуло орудие, и через несколько мгновений над головами раздался уже знакомый пронзительный свист.

– Началось, – проговорил кто-то.

– Где-то ляжет? – спросил другой, и в эту минуту совсем недалеко раздался взрыв.

Люди заговорили.

– В Гавани.

– Нет, ближе. В Балтийский метят, гады.

– И вчера, и позавчера, – все в одно место.

Снова далекий выстрел, и свист над головой – и разрыв.

– Ну, ясно – ближе Гавани.

Никто не ответил. Снова и снова свистели снаряды. Очередь медленно продвигалась к проруби. Сумерки сгущались.

Девочки достали по полведра поды, – больше им было не дотащить. Наташа наполнила водой и чайник, прошла несколько шагов и остановилась.

– Люся, знаешь что? Постой здесь со своим ведром и чайником. Я отнесу и

вернусь за чайником. Ладно?

Бабушка сидела на санках, вся сжавшись в комочек. Она, видимо, совсем зачоченела. Наташа поставила ведро рядом с ней в снег, вернулась к Люсе и притащила чайник. Он тоже уместился на санках. Домой двинулись втроем. Новая знакомая, охая и еле-еле передвигая ноги, плелась сзади. Оказалось, что она живет в соседнем с девочками доме.

На полпути остановились передохнуть. Просвистел над головой снаряд и лег где-то дальше.

– Наташа, это не там, где наши мамы? – тревожно спросила Люся.

– Что ты! Гораздо левее.

Снова свист, и через мгновение – где-то разрыв.

– Родные, скорей бы домой! Страшно на улице-то, – пробормотала старушка и двинулась вперед. – Есть у вас кто на фронте? – спросила она.

– Мой пала, – ответила Наташа, – а еще – Вася...

– Письма-то есть?

– От папы было... От Васи нет...

– И у меня от сыночка нет, – старушка вдруг всхлипнула. – Как с первых дней ушел в армию – шофером, как в воду канул. Жив ли, нет ли... Женихом на фронт ушел, только пожениться собрались... И девушка хорошая такая, Даша... Меня уже мамашей называть стала... Тоже на фронт ушла... Пойдите, касаточки... Не несут меня больше ноги...

И она вдруг осела прямо в снег.

– Бабушка, что с вами?.. – испугались девочки.

Старушка молчала, тяжело дыша, и вдруг начала медленно валиться на бок.

Девочки стояли над ней, растерянные.

– Что же нам с ней делать? – прошептала Люся.

– Бабушка! – Наташа наклонилась над ней и взяла ее под мышки, пытаясь поднять. – Постарайтесь встать, бабушка!

Старенькая пробормотала что-то невнятное.

– Давай попробуем вдвоем, – сказала Люся и бросила сани. – Бери ее с одной стороны, а я с другой. Ну же, бабушка! Ну! Вы же почти дома.

– Погодите... я повернусь... – проговорила старушка уже довольно внятно и, с трудом повернувшись, встала на четвереньки. Девочки, напрягая все силы, помогли ей подняться на ноги. Бросив сани среди пустынной сумеречной улицы, они довели ее до дома, вошли в квартиру, которая, к счастью, оказалась в первом этаже.

– Беги скорее к санкам, Люся, – сказала Наташа. – Бабушка, позвать к вам кого?

– Никого нет... Одна я в квартире... все померли...

– Я вам сейчас принесу чайник, а вы лежите. – Девочки уложили ее в кровать. – Вы завтра за водой не ходите, бабушка, – мы зайдем за вашим чайником и привезем вам воды. А то вам трудно.

День в госпитале выдался особенно тяжелый. Прибыла большая партия раненых, и весь персонал сбился с ног.

Софья Михайловна шла домой уже в потемках. Как всегда в дни прибытия новых партий, она шла переполненная впечатлениями. Ведь раненые приносили с фронта не только свои раны и свои страдания, – они приносили последние вести; они приносили настроения переднего края и чаще всего, несмотря на физическую боль, неистощимую духовную бодрость. И Софья Михайловна спешила домой – поделиться впечатлениями со всеми, кто жил сейчас в двух маленьких комнатах доктора, как одна большая дружная семья.

Но спешить было трудно. И не только из-за тьмы. Софья Михайловна отправилась утром на работу, не дождавшись Кати, ушедшей за хлебом, и за весь день съела только тарелку жидкого супу. В госпитале, поглощенная бешеной спешкой, она не чувствовала ни голода, ни усталости. Сейчас же с каждым шагом падали силы, голова кружилась, ноги становились ватными и не держали. А до дому было далеко...

Почти теряя сознание, она прислонилась к стене дома, прижимаясь к ней спиной из последних сил, чтобы не сползти вниз. Изредка медленно и бесшумно проплывали мимо нее в полной тьме светящиеся голубоватым цветом кружочки, – это шли прохожие с «блокадными брошками» на груди. «Если упаду, уже не встану», – подумала она, невольно закрыв глаза. И вдруг с поразительной ясностью увидела перед собой старый заснеженный парк в розовых лучах восходящего солнца и несчастное, растерянное лицо парнишки, которое ей трудно рассмотреть.

– Держись, Вихрашка, держись! – прозвучали в ее ушах слова покойного отца, которые он столько раз говорил ей в трудные минуты жизни.

Софья Михайловна открыла глаза. Еще чернее показалась ночь после этого яркого видения, но Софья Михайловна улыбнулась.

– Держись, Вихрашка, держись! – сказала она вслух.

И как будто это давнишнее наивное прозвище влило в нее новые силы. Она оттолкнулась от стены и почти совсем твердо побрела дальше.

Вот, наконец, и ее дом. Войдя в подъезд, она ощупью добралась до перил и, крепко вцепившись в них, стала медленно подниматься по лестнице. На повороте постояла, передохнула. Пошла дальше.

– Осторожно. На человека наступите, – раздался знакомый голос у самых ее ног. Она вскрикнула от неожиданности и остановилась.

– Яков Иванович?! Вы?!

– Софья Михайловна?

– Я! Господи, какое счастье! Мы так боялись за вас! Катя очень волнуется! Вы что, упали?

– Нет, сел отдохнуть.

– Ну, и я! – Она нащупала в темноте плечо Якова Ивановича и, опершись на него, села рядом с ним на ступеньку. – Яков Иванович, миленький! Вы целы, невредимы?

– Цел, невредим. Устал очень. Дома благополучно?

– Насколько сейчас возможно, да. Все живы. А где вы пропадали столько дней?

– Работал. Молодежь обучал...

– Обучили?

– Малость! Работы .выше горла. Сейчас самое время приналечь. А сил-то и нет... Меня начальник цеха насильно выгнал. «Не смейте, – говорит, – двое суток на заводе показываться...»

Они помогли друг другу встать и, поддерживая один другого, добрались до своей двери.

* * *

Настроение у всех было праздничное. На столе зажгли целых четыре коптилки. Якову Ивановичу Наташа с Катей принесли глубокое кресло, и он с наслаждением отдыхал в нем. Катя не спускала глаз с дедушки. Стол придвинули к тахте, на которой полулежала Софья Михайловна. Доктор стоя раскладывал суповой ложкой в глубокие тарелки какую-то сероватую студенистую массу и рассказывал:

– А я и думаю: технический желатин. Что ж, технический, а может, и его есть можно. Ведь желатин – это белок, штука питательная. Ну, решил сначала на себе попробовать. Вчера потихоньку от всех сварил немного, съел. Полную тарелку съел. Утром встал – ничего. Жив. Живот не болит. Ну, и наварил сегодня всем. Лаврового листа у вас, Софья Михайловна, нашел, перцу. Ну что, вкусно?

– Замечательно, доктор!

– Давно такого не ели!

– А можно еще?

Это был настоящий пир. Ели маленькими глотками, чуть прикусывая хлебом. В комнате было тепло, потрескивали дрова в «буржуйке», булькал кипяток в большом чайнике. Проснулся Тотик, дали желе и ему. На закуску доктор дал ему кусочек хлеба, густо смазанный глицерином. Он нашел у себя пузырек с глицерином и берег его только для Тотика.

– Вкусно! – сказал Тотик. – Еще!

Когда опустошили миску желе, стали пить кипяток. Всех немного разморило. Яков Иванович и Софья Михайловна начали подремывать, но расходиться никому не хотелось.

– А знаете, – рассказывала Наташа, – сегодня и у старушки, которой мы воду носим, праздник. Сын с фронта приехал. Нашелся! Вместе с партизанами воевал. – Наташа засмеялась. – Забавная старушка! Мы с Люсей сегодня приходим к ней, а она объявляет: «А мой жених приехал!»

– Точно это она – невеста, – расхохоталась Люся, – а сама старая-престарая!

– Да, да, – продолжала Наташа, – так все время его иначе и не называет, как «жених». Такая смешная...

– А где же его невеста? – спросила Катя.

– Тоже с ним приехала. Они вместе были.

– Вы их видели?

– Нет. Это нам все бабушка рассказала.

В прихожей раздался звонок. Все удивленно переглянулись. Задремавшая было Софья Михайловна подняла голову. Яков Иванович мирно похрапывал в кресле.

– Я открою, – сказала Катя и, взяв в руки одну из коптилок и бережно закрывая пламя ладонью, вышла из комнаты. В прихожей стукнула дверь, раздались голоса, шаги.

– Это они и есть, о ком сейчас говорили, – входя, сказала Катя. – Входите сюда, пожалуйста. – И она широко распахнула дверь.

Вошли двое – рослый, широкоплечий красноармеец и стройная, совсем молоденькая девушка, тоже в военной форме.

– Привет честной компании, – весело сказал красноармеец и улыбнулся, блеснув ослепительно-белыми крупными зубами.

– Здравствуй, жених, – первым важно ответил Тотик.

Все рассмеялись. Девушка залилась краской. Красноармеец подошел к тахте, порылся в кармане, вытащил кусочек сахара и, протягивая Тотике, спросил:

– А ты откуда знаешь, что я жених?

– Знаю, – твердо сказал Тотик.

– Вы легки на помине. Только что о вас говорили. Да вы это что же стоите? Садитесь, – и Софья Михайловна подвинулась на тахте.

– Спасибо, мы на минутку. Скоро десять часов, да и мамаша ждет, – сказал красноармеец. – Мы с Дашей зашли только вас за мамашу поблагодарить.

– Ну, что там, – смущенно забормотали девочки, – нам же не трудно...

– Как это не трудно? Мамаша нам все рассказала. И как она упала, а вы ее домой тащили, и как ей воду носите. Вот за это вам великое красноармейское спасибо, девушки дорогие.

Девочки растерялись и молчали.

– Что нового на фронте? – спросил доктор.

– Ничего, все в порядке. Потерпите, граждане, еще малость, – » продолжал «Жених». – Самую малость! Скоро легче, будет. Верьте мне на слово, – протянется скоро ниточка от нас на «Большую землю»...

– Ленинграда не отдадите? – спросила Люся.

– Ну! Какой разговор?! – удивился красноармеец.

– Пойдем, мамаша ждет, – Даша дернула его за рукав.

– И то! Пошли! Еще и еще раз спасибо за мамашу, девушки! Вы ей, может, жизнь спасли. – Он снова широко улыбнулся. – До свиданья, дорогие товарищи!

– До свиданья! Заходите еще!

– Какая милая пара! – сказала Софья Михайловна, когда Катя, проводив гостей, вернулась в комнату.

– А как его зовут, мы и не узнали, – сказала Наташа.

– Зовут Жених, – уверенно произнес Тотик.

Все засмеялись.

– Ну что ж, так и будем звать, – весело решила Софья Михайловна.

Глава XII

Возвращение из госпиталя. Погребенная под развалинами. Спасение...

Люся и Катя ушли за водой. Сегодня была очередь Наташи остаться с Тотиком. Она сидела рядом с ним на тахте, стараясь хоть чем-нибудь развеселить мальчика. Но Тотик лежал безучастный ко всему и то и дело задремывал. Наташа с почти физической болью в сердце рассматривала его крошечное и совсем прозрачное личико с провалившимися, переставшими быть детскими, глазами.

Тотик уже не просил все время кушать. Он точно понимал, что от него, маленького, который сам еще не может бороться, требуется одно: не мешать бороться старшим.

В прихожей раздался громкий, настойчивый звонок. Люся с Катей? Нет, они только недавно ушли. Наташа пошла отпирать.

В полумраке прихожей трудно было разглядеть лицо вошедшего, высокого, худого красноармейца. Но он входил решительно, как к себе домой, никого не спрашивая, – и Наташа невольно отступила перед ним в глубь прихожей.

– Здравствуй, Наташа! Не узнаешь?

– Вася!!.

– Здравствуй! – Вася схватил Наташу и, приподняв чуть-чуть с пола, крепко поцеловал.

– Вася... Вася, ты!.. – повторяла Наташа, захлебываясь от радости и не находя никаких слов.

– Мои живы?

– Живы... здоровы...

– Катя дома?

– Ушла за водой. Сейчас вернется. Входи же, Вася!..

– Вот досада! Не могу. Буквально на минуту. Внизу машина ждет. Дед на работе?

– Да, Вася. Катя же минут через двадцать...

– Нельзя. Я и так сделал крюк. На, вот это вам всем, поделите. – Он сунул в руки Наташе небольшой мешочек с сухарями. – Скажи, – дед в порядке? Держится?

– О, еще как! Сутками работает.

– Молодец дед! Ну, поехал. Наташа, моих поцелуй. А всем скажи: скоро легче станет. Ничего немцам с нами не сделать! До свиданья!

Он снова наклонился и поцеловал Наташу.

– Стой, Вася! Катя у проруби против Восьмой линии. Может, мимо поедешь, увидишь.

– Возможно. Ну, будь здорова!

И дверь за Васей захлопнулась.

Наташа стояла в темной прихожей, прижимая к себе колючий мешочек с сухарями, и улыбалась счастливой улыбкой, а по лицу ее текли слезы.

Наконец она опомнилась и пошла в комнату. И тут только до ее сознания дошло: сухари!

Сухари!! !

Сейчас же дать Тотику!

Она налила из чайника в кружку теплой воды, достала из мешка большой сухарь, накрошила в воду и долго разминала ложкой, пока сухарь не превратился в полужидкую кашу.

– Ну, Тотик, будем кушать!

Она кормила его с чайной ложечки, заставляя прожевывать пищу. Тотик сидел прямо, вытянув на одеяле обе тоненькие, как палочки, ручки, и послушно старательно жевал. И, проглотив, снова молча раскрывал рот. А в то время, как он жевал, Наташа сама откусывала от другого сухаря и с наслаждением хрустела им.

Когда вернулись девочки, Наташа все поняла по лицу Кати.

– Катюшка! Видела?!

– Видела! Мы только вытащили ведра наверх, поставили их на санки, вдруг машина останавливается. Выскочил из кабинки... Господи, Наташа!.. Я чуть не умерла от радости!..

– А какой он стал!.. Не узнать! – закричала Люся.

– Я сразу и не узнала.... В прихожей темно, открываю, а он...

* * *

И все три заговорили, перебивая друг друга и тряся за руки.

– А вот сухари, – Наташа показала на мешок.

– Ой поделим сейчас! Чтобы сразу кушать! – Люся, совсем как прежде, захлопала в ладоши.

– Конечно, сейчас! Давайте делить! Нас ведь семеро? – И Катя высыпала сухари на стол.

– Катя, только учти, что я уже один съела и Тотику один дала, – сказала Наташа.
– Он поел и так сладко заснул!

И они принялись за дележку.

Когда на столе уже лежали семь кучек, девочки уселись вокруг стола, и комната наполнилась громким хрустом.

– Девочки, – сказала Наташа, – помните, Жених говорил: «Скоро легче станет»? Вот и Вася сегодня то же сказал и велел всем передать. «Ничего, – говорит, – немцам с нами не сделать».

– И дедушка так думает, – прибавила Катя.

* * *

Анна Николаевна работала как никогда. Она была старшей медсестрой большого отделения госпиталя и не только не брала никогда выходных дней, но и редкую ночь ей удавалось поспать напролет. Откуда у нее брались силы, она и сама не знала. Да ей и некогда было задуматься над этим. Раненые ее любили за заботливость, за веселый нрав, за всегдашнюю бодрость.

Домой забегать последнее время не удавалось совсем. О том, что делается дома, она ежедневно узнавала от Софьи Михайловны и часто посылала с ней Люсе что-нибудь из своего скудного пайка. Время от времени Люся навещала мать в госпитале. Ее пропускали в комнату, в которой жила Анна Николаевна вместе с двумя другими сестрами, и она тихонько сидела там, ожидая, когда мама, извещенная о ее приходе, сможет забежать сюда на минутку. Иногда она просиживала тут два – три часа, и за это время Анна Николаевна прибегала два – три раза и проводила с ней не больше десяти – пятнадцати минут.

– Люсенька моя! Ты еще больше похудела, бедняжка!

– Мамочка! Какая ты страшная стала!

С таких восклицаний обычно начиналась встреча. Но сейчас же об этом забывалось, и без конца сыпались вопросы, рассказы о пережитом... «Ох, подожди!» И Анна Николаевна убегала в палаты, чтобы через полчаса снова забежать в свою комнату. Она каждый раз заставляла Люсю съесть часть своего обеда и совала ей в карман либо ломтик хлеба, либо пару дурандовых лепешек, либо кусочек сахара. Потом она вдруг пугалась, что начинает смеркаться, что начнется обстрел, и гнала Люсю домой.

* * *

День выдался какой-то спокойный, – спал мороз, было даже похоже, что приближается оттепель. Враг молчал, – с утра ни одного выстрела. Люся решила, привезя с Невы воду, навестить мать.

На этот раз она ждала в комнате Анны Николаевны особенно долго. Наконец быстро вошла мать, и Люсю удивило растерянное и встревоженное ее лицо.

– Мамочка, что с тобой? Что-нибудь случилось?

– Что ты? Решительно ничего! Ну, рассказывай!

Свидание прошло, как всегда. Анна Николаевна, уверяя, что она уже поела, заставила Люсю съесть тарелку супа и стакан киселя и, как всегда, сунула ей в карман пакетик: две дурандовых лепешки и два кусочка сахара.

– Мамочка! Ты же у себя отнимаешь!

– Девочка моя, мы же в госпитале больше получаем, чем вы. Ешь!

И Люся не заставила себя просить вторично.

Когда она уходила, в комнату заглянула Софья Михайловна. Люся сразу даже не узнала ее в белом халате и белой шапочке.

– Люся, – сказала она, – вы там не волнуйтесь, если я сегодня приду позднее обычного. Работы очень много...

Люся не заметила, как за ее спиной Анна Николаевна делала Софье Михайловне знаки молчать.

– Ну, иди скорей, моя девочка, – сказала она, – а мне бежать надо.

Люся шла домой медленно. На улице так хорошо, спешить некуда. Было очень тихо. Редкие прохожие брели неслышно.

Вдруг где-то очень далеко прозвучал пушечный выстрел. «Опять!..» – подумала Люся, прибавляя шаг. И через пару мгновений она услышала знакомый противный свист... Она инстинктивно остановилась, невольно втягивая голову в плечи, еще секунда – и где-то впереди нее грохнул оглушительный взрыв, посыпались стекла.

Люся в ужасе зажала уши руками, не в силах двинуться с места. Она не услышала ни второго выстрела, ни свиста, но чуть не упала, когда еще ближе перед ней взорвался новый снаряд. На этот раз он попал в середину улицы, и булыжники вперемешку со снегом и льдом взлетели вверх.

Не помня себя от страха, Люся повернула обратно и бросилась бежать.

– Куда? Куда? – Ее схватила за руку девушка в военной форме. – Забеги в дом, скорее!

Люся увидела рядом какие-то ступеньки вниз, в подвальное помещение, приоткрытую дверь. Она соскочила в два прыжка, протиснулась внутрь подвала – и в это самое мгновение ее оглушил грохот и звон, что-то тяжелое ударило ее по голове, и Люся потеряла сознание.

* * *

– Анна Николаевна, – вы скрыли от Люси, что госпиталь свертывается и персонал едет на передний край? – удивленно спросила Софья Михайловна, когда они вместе, отослав Люсю домой, поднимались по лестнице госпиталя.

Анна Николаевна виновато заморгала глазами.

– Скрыла, Софья Михайловна.

– Почему?! Зачем?! – Софья Михайловна даже остановилась, держась за перила.

Анна Николаевна тоже прислонилась к перилам и беспомощно развела руками.

– Назовите это как хотите... слабостью... трусостью... но не могу я, не могу огорчить девочку...

– Я тоже мать, – тихо перебила ее Софья Михайловна. – Впрочем, это наш с вами давнишний спор. Я всегда говорила, что неправильно вы воспитываете Люсю.

– Ну, что я с собой поделаю?.. – жалобно протянула Анна Николаевна.

– Вы бы посмотрели, как Люся сейчас работает, – продолжала Софья Михайловна, – девочки не узнать. Они все три за эти месяцы – увы! – перестали быть детьми. Вы растили ее белоручкой, лентяйкой, а как жизнь заставила...

– Анна Николаевна, вас начальник отделения просит в кабинет, – раздался сверху чей-то громкий голос.

– Иду! – Анна Николаевна вдруг стиснула руку Софьи Михайловны и быстро шепнула:

– А все-таки вы пока ей не говорите!

* * *

Люся очнулась, и первое, что она почувствовала, – это холод. Она открыла глаза – полный мрак. Но это ее не удивило, – ночью в комнате было всегда совсем темно. Она попробовала повернуться на бок, но тупая боль во всем теле заставила ее окончательно прийти в себя. И она вдруг сразу вспомнила все... И вместе с сознанием в нее вошел дикий, ни с чем не сравнимый ужас. Она закричала, и ей показалось, что крик был очень громкий, но на самом деле судорога перехватила горло, и из него вырвался лишь сдавленный стон.

– Тетя, вы живая? Тетя! – раздался у самого ее уха детский голосок. Люся вздрогнула всем телом, и снова с губ ее сорвался стон, показавшийся ей криком.

– Тетя! Ну, тетя же, проснитесь! Я боюсь, – жалобно протянул голосок, и ребенок громко расплакался, навалившись всем телом на грудь Люси и тормозя ее обеими руками за воротник шубки. Люся почувствовала, что задыхается.

– Пусти... пусти... – с трудом произнесла она, стараясь спихнуть с себя руками эту давившую ее тяжесть. Но каждое движение причиняло тупую боль, Люся уронила руки и хрипло прошептала:

– Ты... душишь меня... сойди...

Ребенок послушно слез, продолжая держать обеими руками ее воротник и всхлипывая:

– Тетя, не спите больше... Мне так страшно... Я думала, вы неживая...

Люся глубоко вздохнула и, преодолевая боль, села. И сразу почувствовала, что голова ее коснулась чего-то. Она подняла руку, пощупала, – над ее головой тянулась толстая балка. Ужас снова охватил ее, – она поняла, что засыпана в подвале, и что балка каждую минуту может обвалиться. Резким движением рванулась вперед, инстинктивно стремясь уползти из-под этой страшной балки, но наткнулась на стоявшую рядом на коленях девочку, и они вместе снова упали на колючий, засыпанный осколками кирпича пол.

Девочка громко заплакала.

Жгучий стыд перед этой малышкой заставил Люсю опомниться. Вряд ли и в этот момент и после она смогла бы объяснить, что произошло в ней; но то, что рядом с ней кто-то маленький и беспомощный называл ее «тетей» и искал у нее защиты, заставило ее взять себя в руки. Она вдруг почувствовала себя ответственной за этого ребенка.

– Ну, не плачь, – заговорила она, изо всех сил стараясь унять дрожь, от которой стучали зубы, – я нечаянно тебя уронила... не плачь...

Девочка снова обхватила руками ее шею и крепко прижалась к ней, всхлипывая.

– Отыщут нас, тетя?.. Правда, отыщут?..

– Ну, конечно, отыщут... Ведь и твоя мама и моя мама спохватятся, что нас нет... Будут искать и откопают... Видишь, мы с тобой обе живые... Нас не убило... Мы с тобой, как услышим голоса, начнем кричать... нас и откопают... – убеждала Люся девочку, а еще больше – самое себя.

– Тетя... хорошо, что вы проснулись!.. А когда вы спали, я думала, – вы неживая... Я кричала, кричала, а вы не двигаетесь...

– Долго кричала?

– Не знаю... долго... Тетя... возьмите меня на колени... мне холодно...

– Постой... давай я осторожно поищу, нет ли выхода... Ты сиди, не двигайся.

Люся встала на четвереньки и поползла, шаря руками кругом себя.

– Тетя! Не уходите! Я боюсь! – девочка вцепилась в нее и снова заплакала.

Люсе самой хотелось плакать, кричать, звать на помощь... Будь она одна, она, может быть, упала бы ничком, закрыв лицо руками, и забилась бы от отчаяния и ужаса.

Но вот руки Люси нащупали какой-то низкий и широкий ящик. Упираясь в него, она с трудом встала на ноги, подняла руки вверх – балки над ней не было. Она протянула вперед обе руки и дотронулась до ровной стены. Попробовала осторожно сесть на ящик, – он стоял твердо. Она села глубже, прислонилась спиной к стене. И сразу же девочка, не отпуская ее ни на минуту, полезла к ней на колени. Люся обхватила худенькое тело девочки обеими руками и прижала ее к себе. Она и сама очень озябла.

– Вот так... нам будет обеим теплее... – сказала она тихо.

Голова у Люси кружилась, слегка тошнило, спина и затылок тупо ныли.

Огромным усилием воли Люся заставила себя говорить спокойно:

– Знаешь... должно быть, сейчас уже ночь, и никого нет на улице... Только я уверена, что нас уже ищут... вот увидишь... А тебя как зовут?

– Аленушка.

– А меня Люся. Сколько тебе лет?

– Шесть... Тетя Люся, а скоро нас найдут?

– Скоро, Аленушка.

– Тетя Люся, а как я кушать хочу, – жалобно протянула девочка.

– Кушать? – Люся вдруг вспомнила о пакетике, сунутом ей в карман, и, достав его, осторожно развернула.

– На вот лепешку. Кушай. – И, нашарив в темноте руки девочки, она бережно вложила в них одну из дурандовых лепешек.

– Спасибо! – прошептала девочка и стала жадно есть.

Люсе есть не хотелось. Она была слишком потрясена.

Аленушка доела лепешку, потом совсем затихла, крепко прижимаясь к Люсе.

Люсе становилось все хуже. Какая-то слабость охватывала ее, а в ушах стоял звон. Она изо всех сил прижимала к себе спящую девочку, словно искала в этом маленьком хрупком тельце защиты. Но руки немели, девочка, казалось, тяжелела с каждой минутой. «Сейчас уроню»... – с ужасом подумала Люся, напрягла последние силы и бережно положила девочку на ящик к стенке, а сама легла рядом с ней и, обняв обеими руками, прижалась к ней всем телом.

Она закрыла глаза, и сразу ей показалось, что она вместе с ящиком и Аленушкой с бешеной быстротой летит куда-то вниз. В ее сознании все спуталось, и она впала в забытие.

* * *

Софье Михайловне все же удалось убедить Анну Николаевну, что надо сообщить Люсе об отъезде на фронт. Она шла домой совсем поздно и думала о том, сказать ли Люсе сейчас или подождать до утра? Впрочем, возможно, что девочки уже спят. И вообще лучше сказать утром.

Она отперла дверь, вошла в темную прихожую. Сразу скрипнула дверь в их жилую комнату и раздался взволнованный голос Наташи:

– Мама, это вы?

– Мамочка! Наконец-то! Отчего так поздно? – И Наташины руки в темноте обхватили шею матери. – Как я тревожилась!

– А разве Люся не предупредила? – начала было Софья Михайловна.

– Люся? А Люся не с тобой?!

– Люси... нет?! – Софья Михайловна схватилась рукой за плечо Наташи, чтобы не упасть.

Сидели в комнате подавленные, растерянные. Что делать?! Где искать?! Каким путем шла Люся домой? Бежать сейчас в МПВО? В милицию? Но ведь одиннадцатый час, патруль задержит.

– Все же надо попытаться пойти, – мрачно сказал доктор...

– Да. Вы идите в МПВО, я пойду в милицию. Оттуда позвонят в «Скорую помощь», – тихо произнесла Софья Михайловна, – если она ранена...

Она умолкла. И у всех мелькнула одна и та же страшная мысль: – а если... Но никто не произнес ее вслух.

Яков Иванович уже спал. Его решили не будить, – он снова вернулся домой после двухсуточной работы и сразу свалился в постель.

– Я посвечу вам в прихожей, – прошептала Катя и зажгла от коптилки лучинку.

– Мама... ты только недолго... – робко попросила Наташа. Софья Михайловна не ответила.

В прихожую вышли вчетвером, остановились. Пламя лучинки колебалось, – у Кати очень дрожали руки. Резкий звонок.

– Она?!

Все бросились открывать. Две девушки бережно ввели под руки Люсю. Она почти висела у них на руках, еле волоча ноги. Ее совершенно белое лицо было исцарапано и испачкано, шубка и шапочка засыпаны мелкой кирпичной пылью. Люся смотрела куда-то перед собой и улыбалась беспомощной, растерянной, жалкой улыбкой.

Через минуту она уже лежала в кровати. Софья Михайловна спешно раздевала ее, доктор щупал пульс, Наташа с Катей расспрашивали девушек.

– Ой, некогда рассказывать, – торопливо говорила одна из них, – ну, откопали. Как закончился обстрел, нас сразу из райкома комсомола вызвали. Завалило ее в подвале...

– Разобрали завал, – перебила другая, – а там маленькое местечко уцелело, и лежат на ящике вдвоем с девчушкой маленькой. Спят как миленькие. Насилу разбудили.

– Малышка, видно, совсем цела, ну, а эту, наверно, хватило, – вроде не в себе. Все-таки адрес сказала... Ну, пошли, пошли!

* * *

Софья Михайловна ничего не рассказала на другой день Анне Николаевне о том, что случилось с Люсей. Госпиталь сворачивался: распределяли раненых по другим госпиталям, укладывали оборудование. Анна Николаевна сбивалась с ног. День отправки на фронт был уже назначен. На вопрос Анны Николаевны, сказали ли уже об этом Люсе, Софья Михайловна ответила:

– Нет еще. Она на днях зайдет к вам, и вы ей сами скажете.

Два дня Люся почти все время спала. Ее будили, чтобы покормить, и она сразу снова засыпала.

– Это хорошо, – говорил доктор, – отоспится и встанет как ни в чем не бывало.

На третий день Люся поднялась. Она была еще очень слаба, ничего не рассказывала, а на вопросы девочек поморщилась и тихо сказала:

– Не спрашивайте. Не надо...

И ее оставили в покое. Ходила она еще тихенькая, молчаливая, совсем не похожая на себя.

– Ничего, поправится, – говорил доктор.

А Софья Михайловна и сама теперь не решалась сказать ей о близкой разлуке с матерью. Пусть немного окрепнет. Анна Николаевна о несчастье узнала только тогда, когда Люся окончательно поправилась.

Глава XIII

Наташа знакомится с комсомолкой Ниной Смолиной. Закон взаимовыручки

Наташа, зайдя утром, с лучиной в темную прихожую, увидела на полу небольшой бумажник. Она подняла его, принесла в комнату и раскрыла. В нем оказалось несколько исписанных разными почерками бумажек и удостоверение члена отряда по бытовому обслуживанию трудящихся. В маленькой наклеенной на удостоверении фотокарточке Наташа узнала одну из девушек, приведших Люсю. Эта девушка, Нина Смолина, видимо, и обронила здесь свой бумажник.

Наташа подозвала Катю, и они стали вместе разбирать исписанные бумажки. Это были короткие письма в райком комсомола. Их было много.

«Помогите, девушки! Мы все лежим и не в силах подняться. Я и трое детей...»

«Вчера умерли муж и сын, помогите похоронить...»

«В квартире № 8 умерли все взрослые, остались двое маленьких ребят. Устройте их куда-нибудь...»

«Пришлите кого-нибудь принести воды, затопить печку, сходить за хлебом...»

Девочки прочитали все и молча переглянулись. Почти на всех бумажках было написано с боку синим карандашом:

«Исполнено. Н. Смолина».

– Мы еще очень хорошо живем, Наташа, – прошептала Катя. – А ты подумай, как эти...

– Да, за Тотика только страшно, – ответила Наташа. – Ну, Катюшка, я сейчас же пойду; надо отнести это все...

– В райком комсомола? Конечно, иди сейчас же. Она, наверное, ищет...

* * *

В просторной комнате, где помещался райком, было очень холодно, хотя в углу топилась печка. За столом сидела худенькая, очень бледная девушка в полушубке и шапке-ушанке и разбирала бумаги. Две другие девушки записывали что-то, склонившись над подоконником. Наташа подошла к столу.

– Вот это – Нины Смолиной, – начала она, протягивая девушке бумажник.

– Нины Смолиной? – девушка вскочила на ноги. – Где она? Что-нибудь случилось?

– Нины Смолиной? – воскликнули обе другие и подбежали к Наташе. – Что с ней? Да говори же!

– Да нет, – растерялась Наташа. – Я про нее ничего не знаю. ... – И она рассказала комсомолкам все, как было. – А разве она нехватила бумажника? – спросила она удивленно.

– Ей некогда было хватиться, – заговорила девушка, нервно теребя в руках бумажник. – Когда она вернулась от вас, ее ожидала уж тут женщина из ее дома. Приходила сказать, что отец Нины совсем плох. Мы отпустили Нину на сутки. А вот уже третьи на исходе, а ее нет...

– А может быть, отец... – пробормотала Наташа.

Девушка покачала головой.

– Не может быть. Она знает, как здесь нужна. Нет, что-нибудь случилось с ней самой.

– Что-нибудь случилось, – повторила другая девушка, – а послать узнать некого.

– Вон на сегодня еще адресов сколько, – сказала третья девушка, показывая Наташе длинный список на большом листе бумаги.

– Дайте мне адрес Нины Смолиной, я пойду узнаю...

– Нет, ну куда ж тебе, девочка, это очень далеко.

– Ну и что? Думаете, я не дойду? Я пойду и все узнаю. Я же не маленькая, мне четырнадцатый год, – волновалась Наташа.

– А если обстрел? Это в самом опасном районе. Туда, в сторону фронта...

– Ну и что? И здесь бывает обстрел. Вот же наша Люся попала. Давайте адрес, я сейчас же пойду, – настаивала Наташа.

Девушки переглянулись.

– Хорошо. Иди, – сказала бледная девушка.

* * *

Четверть часа спустя, забежав домой предупредить Катю, Наташа шагала через мост Лейтенанта Шмидта.

– Ты только постарайся вернуться засветло; я буду очень тревожиться, – сказала Катя, провожая ее в прихожей. – А Люсе даже не скажу, куда ты пошла.

День был пасмурный и ветреный. С унылым свистом качались оборванные трамвайные провода. Подойдя к мосту Лейтенанта Шмидта, Наташа остановилась и посмотрела вдаль – на ту сторону Невы. Конусообразный снежный холм высился на том месте, где стоял «Медный всадник». «Хорошо спрятали», – с гордостью подумала Наташа. Еще осенью она сама видела, как этот чудесный памятник со всех сторон плотно обложили мешками с песком, а сверху укрыли как бы футляром из досок. «Наверное, с самолетов его было не разглядеть, а то эти варвары непременно сбросили бы на него бомбу! Ну, а пушечному снаряду этой толщи песку не пробить!!» – рассуждала Наташа, поднимаясь на мост.

И вдруг она улыбнулась, – взгляд ее упал на узор перил – лошадки с рыбьими хвостами. Люсины «игрушки»... Как давно был тот разговор о двух мостах! Она знала, что все четыре скульптуры с Аничкова моста сняты и закопаны глубоко в землю. И наверное, еще многое спрятано, укрыто, защищено... Берегут ленинградцы красоты своего города! А разве все убережешь?.. Наташа вздохнула. Она слышала, в очереди говорили, – в Русский музей попала бомба, в театр оперы и балета...

На мосту, вдоль перил, лежали наметенные за много дней сугробы; прохожие брели прямо по середине моста, стараясь поглубже запрятать голову в воротник. На Неве у прорубей стояли длинные очереди.

«Хорошо, что мы утром привезли воду», – подумала Наташа.

Когда она спускалась с моста, к ней навстречу, еле передвигая ноги, поднимался закутанный в платок мальчик. Он с трудом тащил за собой детские саночки, с маленьким, грубо сколоченным из фанеры, гробиком. И вдруг остановился. Видно, ему уже не под силу было ввезти санки на некрутой

подъем моста. Наташа подошла к нему, взяла из его рук веревку и, повернув обратно, довезла санки до вершины моста. Мальчик молча шел сзади. Когда начался спуск, он, так же, ни слова не говоря, взялся за веревку и двинулся дальше, поблагодарив Наташу угрюмым кивком головы.

Наташа постояла, посмотрела ему вслед.

– Проклятые! – произнесла она вслух.

– Проклятые! – устало отозвалась проходившая мимо женщина.

Наташа вздохнула и пошла своей дорогой.

Уже несколько месяцев она выходила из дому лишь в булочную да к проруби на Неве. И теперь ей казалось, что идет она по улицам какого-то незнакомого города.

Пустынно, снежно. Улицы все в сугробах. Редкие прохожие идут по протоптанным в снегу тропочкам. Большие витрины магазинов забиты досками. Много окон – без стекол. Некоторые закрыты фанерой, но во многих домах так и зияют черные дыры. Кое-где окна подвалов заложены мешками с песком, – там, должно быть, бомбоубежище. То там, то тут на снегу куски обвалившейся штукатурки.

Дорогу Наташа знала хорошо. Она шла как раз в тот район, откуда они переехали на Васильевский остров.

«А ведь я могу пройти и мимо нашего бывшего дома», – подумала Наташа. – Нет! Это неважно, – мимо своего дома. А вот она может пройти мимо дома Веры Петровны – воспитательницы ее класса той, прежней, школы. И не только пройти мимо, она зайдет на минутку к Вере Петровне Узнать хоть, цела ли? Как живет? Эти два года она не теряла связи с любимой учительницей, изредка навещая ее. Задерживаться она не будет, даже если Вера Петровна дома... Ведь в райкоме ее ждут комсомолки, а дома Катя. Наташа пошла быстрее. Хоть бы с Ниной Смолиной все было благополучно!..

Завернув за угол на перекрестке двух больших улиц, Наташа сразу остановилась, – совсем близко горел шестиэтажный дом. Дом горел, но не было рядом ни пожарных, ни толпы, ни обычных при пожаре криков, суеты и паники. Только часть улицы вокруг горящего дома была оцеплена рогатками и закопченными остовами железных кроватей. Прохожие равнодушно обходили их, да взад и вперед медленно шагала девушка-милиционер с винтовкой.

«Воды-то нет, тушить все равно невозможно», – подумала Наташа, наблюдая,

как пламя лениво, как будто нехотя, выбивалось из окон четвертого и третьего этажей, и ветер уносил рваные клочья густого серого дыма. Черные от копоти дыры окон в верхних этажах даже не дымились; там все уже выгорело. Дом горел, видимо, уже не один день, и жильцы нижних этажей покинули его, оставив свои пожитки. И странно было видеть такие спокойные, мирные занавесочки на окнах первого и второго этажей.

– Проклятые! – снова прошептала Наташа и пошла дальше. Она шла и шла, не чувствуя ни усталости, ни голода. Впервые за много дней она была одна, – и все то, о чем некогда было подумать в суете и заботах каждого дня, сейчас целиком захватило ее мысли. Сначала она думала об отце... о Тотике... и чем могла бы она еще помочь маме: ведь мама уже еле держится на ногах, а работает и в госпитале и дома. И вдруг Наташа с поразительной яркостью почувствовала, что болит ее душа не только за маму и за Тотика, но и за жильцов горящего дома, и за Нину Смолину, с которой что-то случилось, за весь родной город, за всю родную страну...

– Проклятые! Проклятые!.. – Наташа вдруг остановилась – ей показалось, что она сейчас задохнется от боли, от гнева и ненависти – и присела на лавочку у подворотни.

– Устала, девочка? Довести тебя домой? – участливо спросила ее девушка в солдатской форме, останавливаясь перед ней.

Наташа вздрогнула, словно очнувшись от сна.

– Нет, спасибо, я дойду сама, – пробормотала она, вставая.

Они пошли рядом и разговорились. Наташа рассказала девушке-бойцу, куда и зачем она идет.

– Какие вы все молодцы! – заговорила девушка. – Я вот второй день с фронта, завтра еду обратно. Не повидала бы своими глазами, не поверила бы. Как только держатся, и не поймешь... Ну, кабы там один, два – три героя! А то весь город!.. А я, понимаешь ли, вчера пошла отца навестить, старик он у меня, уж на покое жил. «Нету дома, – говорят, – на работе». Пошла искать его на свой завод. Нашла. А цех-то, понимаешь, разрушен весь, бомба попала. Одни стены, – крышу снесло. А работа вовсю идет. На морозе! Прямо на полу костер разложили, – подбегут; руки погреют да снова к станку. А один – ноги его, понимаешь ли, не держат – так к столбу веревкой привязался и работает. Вот честное слово! Ну разве такой народ сдастся?

– Никогда! – прошептала Наташа.

Они вместе завернули за угол. Прямо посреди переулка, разбросав руки и закинув назад голову, лежал молодой парень в ватнике. Приоткрытые глаза неподвижно смотрели в туманное небо; бескровные губы были плотно сжаты. Наташа невольно остановилась. Девушка подошла ближе и наклонилась над ним.

– Этому уже не поможешь, – тихо сказала она. – На работу, видно, шел... Эх, уж которого вижу вот так, прямо на улице!..

До следующего перекрестка они дошли в глубоком молчании.

– Мне направо, – сказала Наташа.

– А мне прямо. Ну, прощай. Спасибо за компанию. – И девушка протянула Наташе руку. Наташа крепко пожала ее.

– Постой-ка! – Девушка, не выпуская Наташиной руки, полезла в карман шинели и достала кусок хлеба. – На!

– Что вы? Зачем это? Я не возьму. – Наташа решительно качнула головой.

– Бери, говорят. У меня еще есть. А тебе еще обратно сколько идти. Сомлеешь, не дойдешь. Как тот... Бери, не обижай меня...

Наташа взглянула в глаза девушки и поняла, что не взять нельзя.

Они разошлись в разные стороны.

Хлеб был помятый, но до чего же он был вкусный! Наташа доела его, стоя на месте, и пошла дальше.

Однако как пострадал этот прифронтовой район! Все чаще попадались разрушенные и полуразрушенные дома. Уцелевшие почти все стояли без стекол. Наташа без труда нашла нужный ей дом и вошла в подъезд, но тут ей сразу пришлось посторониться и прижаться к стене: навстречу выносили кого-то на носилках. Наташа заглянула в лицо той, которая лежала на них, до подбородка закрытая одеялом, – и так и ахнула.

– Нина Смолина! – воскликнула она.

– Да... Я... – Нина повернула голову на подушке и взглянула на Наташу. Лицо ее было совсем серое, губы побелели, но глаза с чуть припухшими веками глядели сознательно и живо.

– А я к вам, – заговорила Наташа, идя рядом с носилками. – Что с вами?

– Ничего... Просто ослабела... В стационар несут... А ты, девочка, откуда?

– Из райкома комсомола. Прислали узнать, что с вами.

– Из райкома?! Постойте, не несите! – Нина приподняла голову, но сразу снова уронила ее. Две немолодые женщины, несшие носилки, поставили их на снег и с облегчением передохнули.

От Нины, а еще больше от женщин она узнала, что Нина, придя к отцу на рассвете после той ночи, когда она откопала Люсю, застала его в очень тяжелом состоянии. Она не отходила от него весь день и всю следующую ночь. Рано утром он скончался, и она, поручив соседям похоронить, сразу же пошла на работу, но полчаса спустя соседка нашла ее на лестнице без сознания.

– Насилу в себя привели. Сегодня приходил доктор. «Несите, – говорит, – в стационар; дома, – говорит, – не поправится. Больно истощена». Вот и несем, – рассказала одна из соседок.

– Ты им скажи, – волнуясь, напутствовала Нина Наташу. – Мне некого было послать известить. Скажи, я скоро, очень скоро поправлюсь. И сразу прибегу. Все, все, что доктор велит, буду делать, лишь бы на ноги встать. Я совсем ничего. Только ноги точно из ваты. Падаю. Скажи, я скоро!

Несколько минут спустя Наташа шла обратно. Только сейчас она поняла до какой степени боялась, что придется сообщить комсомолкам самое страшное. И вот такая хорошая встреча с девушкой-бойцом, и этот от всей души подаренный кусок хлеба, который так поддержал ее силы. И Нину перехватила по дороге, – опоздай на минутку, не повидала бы. Теперь вот только бы узнать, что с Верой Петровной все благополучно, и она пойдет домой совсем радостная.

Наташа быстро свернула за хорошо знакомый угол, да так и обмерла. Дом, в котором раньше жила Вера Петровна, стоял обнаженный. Отвалилась вся передняя стена, и груда кирпича, покрытая снегом, высокой горой лежала на мостовой. Наташа увидела в каждом этаже ровные ряды пестрых комнат. Во многих уцелела мебель. Все было покрыто толстым слоем снега. Еле дыша она пробежала глазами комнаты третьего этажа. Вот эта милая уютная комнатка, где она провела столько хороших часов. На массивной дубовой раме большой картины – снег. А вон, над письменным столом, в узенькой рамке группа их класса. Там Наташа сидит рядом с Верой Петровной... Разглядеть группу на таком расстоянии невозможно, но она и так знает ее! Все, все на прежних местах. Но где же сама хозяйка? Наташа беспомощно огляделась вокруг. Улица

как вымерла, ни души. Только через несколько домов, у ворот полуразрушенного дома, сидела старушка. Наташа подошла к ней с расспросами, но старушка ничего не могла сказать.

– Кто ж их знает? Которые уехали, а которые погибли, а которые в другие дома перехали. Разве теперь кого найдешь?

– А где же узнать? – в отчаянии крикнула Наташа.

– А нигде и не узнаешь, – спокойно возразила старушка. – Кончится война, тогда и будем искать.

Наташа звонила и стучала в двери всех соседних домов, где были хоть какие-нибудь признаки жилья, но никто ничего не мог сказать ей о Вере Петровне; и она тихо побрела обратно, вдруг сразу почувствовав страшную усталость. Она шла долго, долго; ей казалось, что дороге не будет конца.

«Сомлеешь, не дойдешь – как тот...» – вспомнились ей слова девушки-бойца. А ведь и правда, если бы не этот кусок хлеба... Наташа содрогнулась и, вся внутренне подобравшись, пошла бодрее.

До райкома она добралась уже в сумерки. Ни одной из тех девушек там не было. Но дежурная все знала и ждала ее с нетерпением. Наташа, еле ворочая языком, передала все, что просила Нина, и медленно побрела домой. Ей казалось, – вот-вот она упадет. Отворить дверь ключом уже не было сил. Она позвонила.

– Наконец-то! – Катя схватила ее за плечи. – А я тут чуть с ума не сошла. Отчего ты так долго?

– Дай поесть, и я лягу, – прошептала Наташа и совсем тихо прибавила: – И пока не спрашивай ни о чем.

Глава XIV

Снова появляется «жених». Надо ехать

Технического желатина, добытого доктором, хватило дней на десять. Каждый день наваривали полную миску плотного сероватого желе, сдобренного лавровым листом и перцем. Софья Михайловна нашла в грудѣ вещей, вынутых из сожженного буфета, целый пук сухой травки – зубровки, на которой когда-то настаивали водку. Попробовали прибавить и ее, – желе вышло зеленоватое и ароматное. И был найден еще «клад». Как-то, распиливая на дрова что-то из мебели, Наташа слегка порезала палец и пошла в свою комнату поискать в шкафчике-аптечке йод. Оттуда она прибежала с радостным криком:

– Мама! Мама! Смотри, что я нашла. Это – Тотику!

В руке она держала плотно закупоренную стограммовую бутылочку с надписью «Рыбий жир».

Но кончился технический желатин, Тотик допил последнюю ложку рыбьего жира...

Софья Михайловна бесшумно вошла в комнату и встала за спиной доктора, делившего у стола хлеб. Доктор священнодействовал: на столе перед ним были разложены семь маленьких салфеточек с вышитыми на них буквами. Софья Михайловна молча глядела, как доктор взял в руки неполную буханку, внимательно осмотрел ее со всех сторон, уверенным движением отрезал пять совершенно равных частей и стал раскладывать небольшие куски по салфеткам. Оставались две незаполненные салфетки: с буквами «Д» – доктора, и «Т» – Тотика, и шестой кусок хлеба, равный двум нарезанным частям. Доктор тем же уверенным, быстрым движением разрезал этот кусок на две части – одну вдвое больше другой – и положил большую на салфетку с буквой «Т», а меньшую – на свою салфетку.

– Доктор, – тихо окликнула его Софья Михайловна.

Доктор вздрогнул от неожиданности и поспешным движением закрыл свой хлеб углом салфетки.

– Я не слышал, как вы вошли, – пробормотал он растерянно.

– Доктор, зачем вы это делаете? – сказала укоризненно Софья Михайловна.

– А... что я делаю?

Софья Михайловна откинула угол салфетки с порции доктора.

– Ну что это? Надо делить справедливо, – строго сказала она.

– Справедливо? – повторил доктор и посмотрел на нее. – А вы считаете справедливым, чтобы ребенок погиб раньше, чем никому не нужный старик?

Софья Михайловна подняла на него глаза. Он стоял перед ней – высокий, страшно тощий, и глядел на нее сверху вниз с ласковой и печальной улыбкой. Софья Михайловна хотела что-то возразить, но судорога свела ее горло, и, неожиданно для самой себя, она вдруг наклонилась и поцеловала руку доктора, прежде чем тот успел отдернуть ее. И стремительно выбежала из комнаты.

* * *

Часы пробили полночь. Дети крепко спали. Но Софья Михайловна не могла уснуть, как ни велика была ее усталость за минувший – очень напряженный – день. Слишком уж взволновало ее то, что она сегодня узнала.

Из-за открытой двери в соседнюю комнату доносилось ровное посапывание Якова Ивановича, но доктор, видимо, не спал. Софья Михайловна слышала, как он все время беспокойно ворочается в постели. Она подняла голову, прислушалась.

– Доктор! Вы не спите? – шепотом спросила она.

– Не спится мне, Софья Михайловна, – донесся из-за двери тихий голос.

Софья Михайловна в темноте сунула ноги в валенки, ощупью нашла свой теплый халатик, накинула сверху пуховый платок – было очень холодно – и бесшумно вошла в комнату доктора.

– Я не могу спать, – прошептала она. – Мне хочется поговорить с вами. Можно?

– Разумеется! Да вы присядьте.

– Доктор, – быстро заговорила Софья Михайловна, нащупывая стул и опускаясь на него у самого изголовья доктора, – знаете, что я сегодня слышала...

– Догадываюсь, – спокойно ответил доктор, – по-видимому о Ладожском озере, да?

– А вы... уже знаете?! – изумилась Софья Михайловна.

– В моей больнице несколько дней лежат двое, – разведчики ледовой дороги по озеру. Воспаление легких. Провалились под лед, чуть не погибли...

– Что же вы молчали! А к нам в госпиталь сегодня привезли троих... один раненый, двое обмороженных... они в тяжелом состоянии... но от них я узнала...

Помните, Жених говорил: «ниточка протянется...» – бессвязно шептала Софья Михайловна.

– Почему я молчал? – доктор глубоко передохнул и приподнялся на локоть. – Да и сейчас не следует об этом широко говорить. Хотя для населения это уже перестает быть тайной. Ведь ни в газетах, ни в сводках по радио об этом – ни звука. Чтобы враги раньше времени не узнали... Еще бы! Они же ликуют сейчас! Льдом покрывается озеро! Они уверены, что для нас теряется последняя надежда спасти Ленинград от голодной смерти. Не смогли они взять нас силой, думают взять голодом. Ведь по озеру подвозили с «Большой земли» нам муку. Правда, ничтожное количество, но все же подвозили. На маленьких пароводиках, на баржах. А сколько этих суденышек погибло! От бомбежек, от страшных осенних штормов... Беспокойна Ладога, коварнее моря...

– Постойте! – перебила Софья Михайловна. – Почему штормы? Насколько я знаю, вдоль южного берега озера был обводный канал!

– Есть. Но он давно перерезан немцами.

– Говорите! Говорите, что знаете!

– Софья Михайловна, вот мы горюем, что такая ранняя и такая жестокая зима. А может быть, в этом наше спасение! Ладога замерзает нынче раньше обычного...

– Да, да! И вот эта «ниточка» и пойдет по льду?

Доктор глубоко передохнул и заговорил быстро и взволнованно:

– Это очень смелый, очень дерзкий план Военного Совета! Лед еще не крепок. Да никто никогда и не знал, каков он в этой части озера. Не к чему было!.. Первые смельчаки пошли обследовать пешком. С риском провалиться... Погибнуть... Пошли от деревни Кокорево на западном берегу озера до села Кобона на восточном. А Кобона – это уж «Большая земля»...

– Погодите! – снова перебила Софья Михайловна. – Слушайте, все равно ни вам, ни мне не уснуть! Вы оденьтесь потеплее, а я пойду принесу из нашей комнаты карту.

– Несите!

Дети спали. Софья Михайловна зажгла коптилочку и, защищая ее ладонью, осторожно прошла через холодные «классную» и прихожую в свою комнату. Там стоял мороз. Балконная дверь была забита листами фанеры, – все стекла вылетели еще осенью при первых бомбежках. Софья Михайловна поставила коптилку на стол, сняла со шкафа рулон с большими картами всех областей

Союза. «Боже мой, – подумала она, – я здесь, в помещении, за одну минуту заоченела, а те там... на льду... на ветру... в пургу... герои!»

К счастью, карта Ленинградской области попалась ей быстро. Она вытянула ее из рулона и, не убирая остальных карт, поспешила обратно.

Доктор, уже укутанный, сидел у стола и ждал ее. На столе горела вторая коптилка. Софья Михайловна передала карту доктору и, пока он раскладывал ее, отогревала дыханием заочневшие пальцы.

– Карта – точно ледяная, – прошептал доктор.

– Я уже думала; а каково им там! – ответила Софья Михайловна, присаживаясь рядом с ним.

Доктор молча положил на все четыре угла по книге, чтобы карта не скручивалась, а обе коптилки поставил прямо на голубое поле Ладожского озера.

– Ну, давайте искать!

Две головы склонились над картой.

– Вот, – прошептал доктор, – смотрите! Кокорево на западном берегу, – он водил пальцем по карте, – вот и Кобона на восточном. А вот – канал, о котором вы говорили. Тут стоят немцы. Совсем близко от будущей дороги... Ну, глядите дальше. От Кокорева до Кобоны тридцать километров. Это – если по прямой линии. Но прямой линии быть не может.

– А почему? – удивилась Софья Михайловна.

– Мне мои больные всё объяснили, – продолжал доктор. – Вот где-то тут бьют со дна теплые ключи. И прямой путь пересекает майна – участок незамерзающей воды. Надо искать надежного обхода, – понятно?

– Ну, дальше, дальше!

– Где-то вот тут... ищите!.. на линии Северной железной дороги должна быть станция Подборовье... К ней подвозят грузы для нас...

– Нашла! Вот она! – Софья Михайловна показала пальцем.

– Вижу. Теперь смотрите: от Кобоны к этому самому Подборовью – никаких путей. Тут леса, болота, глушь... И тут спешно прокладывается дорога...

– Кто? Наши войска?

– Да. И тысячи добровольцев. Ленинградцы, перебравшиеся по льду через озеро. Колхозники с «Большой земли». Выехали с лошадьми, с санями. Работа идет круглые сутки. Ночью – при свете костров.

– Так враг же совсем близко! Он может увидеть эти костры! – испуганно прошептала Софья Михайловна.

– Конечно, видит. И обстреливает. Но в стороне от этой дороги раскладывают ряд еще больших костров, чтобы сбить с толку... И все же... – Доктор поднял голову и посмотрел на Софью Михайловну глубоко запавшими, измученными глазами.

– Нет, вы только подумайте, – зашептал он, захлебываясь словами, – всё, всё делается, чтобы спасти Ленинград!.. Эх, будь я моложе... сильнее!.. Спасти во что бы то ни стало!.. Дерзкий, смелый план! – горячо повторил он. – Люди гибнут от обстрелов, проваливаются под лед, замерзают, а добиваются и добиваются своего! На смену идут новые! Изголодавшиеся, истощенные, работают сутками напролет...

– Да. Сутками напролет!

Оба вздрогнули и оглянулись. Над ними, закутанный в ватное одеяло, в валенках, стоял Яков Иванович и тоже смотрел на карту.

– Яков Иваныч! Мы вас разбудили! Простите, дорогой... – смущенно пробормотала Софья Михайловна.

– Ну чего там! Мне и самому не больно спится, – вздохнул старый мастер.

– Вам все это, конечно, уже известно, – сказал доктор, проведя ладонью по карте.

Яков Иванович горько улыбнулся.

– Кому и знать, как не мне, – снова тяжело вздохнул он. – От нас же, от завода, идут и идут добровольцы. И мои – понимаете, мои ребята тоже! – Яков Иванович стукнул себя кулаком в грудь. – Мои!.. Слесари, только что обученные... Остаюсь как без рук... Новых обучать буду. А удерживать нельзя, сам знаю, – много людей туда нужно, ох много!

– А зачем же там слесари? – недоумевающе спросила Софья Михайловна.

– Все там нужны. Вехи вдоль пути ставить надо? Надо. Ведь пурга, снегом все

заносит. Плотники-мостовщики нужны, мосты на трещинах налаживать. А регулировщики? А врачи, санитары? Все нужны! Пока лед не больно крепок, конной тягой с «Большой земли» нам хлеб уже повезли. Да и то с опаской: тонок лед, еле держит коня да розвальни с двумя мешками. И те порой проваливаются. А как лед нарастет, машины пойдут... Путь-то нелегкий. Кто будет машины налаживать да ремонтировать?

– Я только сегодня об этом узнала, – виноватым тоном произнесла Софья Михайловна.

– Да и надо помалкивать, – строго сказал Яков Иванович, – у врага везде уши. Ну, да разве теперь скроешь? Пронюхал гад! Взбесился! Сорвать хочет стройку дороги. Бомбит, расстреливает. Врешь, не сорвешь, подлюга! – Яков Иванович гневно топнул ногой. – Доведем! Пришлет нам «Большая земля» хлебушка!

– Дорого достанется этот хлебушко, – задумчиво сказал доктор. – А без такой ниточки – гибель Ленинграду...

– Тот же фронт, – кивнул головой Яков Иванович, – а где фронт, там и смерть гуляет.

– Тот же фронт, – подтвердил доктор.

– А девочки еще ничего не знают, – вслух подумала Софья Михайловна.

– И незачем им пока знать, – сурово прошептал Яков Иванович. – Еще сболтнут в очереди у булочной, малы еще.

– Все равно знает уж население. Легендами слухи обрастают, – устало сказал доктор.

– Все же помалкивать надо, – снова строго повторил Яков Иванович. – Побеседовали сейчас, а дальше – молчок. И спать надо. Завтра вставать рано, ложитесь-ка, – приказал он и решительно пошел к двери.

Доктор и Софья Михайловна послушно встали. Доктор молча последовал за Яковым Ивановичем. Софья Михайловна еще раз внимательно посмотрела карту, потом не спеша свернула ее и поставила в угол за шкаф. Она потушила коптилку, легла в остывшую постель, закуталась в одеяло, но еще долго не могла уснуть.

Ладога... Мороз... жестокая снежная пурга... и люди! Много людей, выбиваясь из сил, прокладывают путь хлебу... По льду озера... по глубокому болотистому лесу... почти на глазах у озверелого врага... Рвутся снаряды... падают бомбы...

– Тот же фронт, – прошептала Софья Михайловна, – а мы сами разве не на фронте?.. Леня!.. Леня, любимый, где-то ты сейчас?..

И она впилась зубами в подушку, чтобы громко не застонать.

* * *

В прихожей раздался звонок. Тотик уже спал, девочки раздевались, чтобы лечь. В соседней комнате было темно, – видимо, доктор уже лег.

Софья Михайловна пошла открывать. Девочки прислушались. Стукнула входная дверь; в прихожей раздались голоса. Один женский, как будто Дашин, другой мужской. Жених, что ли? Вот заговорила Софья Михайловна... Голос ее странно звенел.

– Что-то случилось, – встревоженно произнесла Наташа и спешно начала снова одеваться. Катя и Люся тоже молча натягивали платья.

– Зайдемте в комнату, обсудим, – услышали девочки голос Софьи Михайловны уже у самой двери. – Девочки, вы одеты?

– Да, – ответили девочки в один голос.

Дверь открылась, вошла Софья Михайловна, за ней Даша и Жених. Наташа впилась глазами во взволнованное лицо матери.

– Мама, что случилось?

– Здравствуйте, девчата! – весело сказал Жених.

Софья Михайловна не ответила Наташе. Она подошла к двери в соседнюю комнату и тихо позвала:

– Доктор! Вы спите?

– Нет, – донеслось из темноты. – А что?

– Вы можете выйти сюда?.. Надо тут... обсудить... посоветоваться...

– Сию минуту! – ответил доктор, и стало слышно, как он поспешно одевается.

– Мама! В чем дело? – повторила Наташа.

– Сейчас, Наташа... подожди... – Лицо Софьи Михайловны было бледно и растерянно. Между бровей легла глубокая складка.

– В том дело, Наташа, – снова весело заговорил Жених, – что я предлагаю твоей маме увезти вас отсюда.

– Увезти? Куда? – в один голос спросили девочки.

– На «Большую землю». Помните, про ниточку я говорил? Протянулась ниточка! Хочешь, Наташа?

– В нашу деревню, – прибавила Даша, – к моей маме.

В эту минуту вошел доктор и поздоровался с Женихом и Дашей.

– Доктор, – взволнованно заговорила Софья Михайловна, – вот Жених едет скоро на машине... через Ладожское озеро... за продуктами...

– Хочу их увезти отсюда, – перебил ее Жених. – Чего им тут пропадать? Дашина деревня километров сорок за Подборовьем. Разрешил мне командир мамашу мою туда подкинуть. А заодно и их. Многих-то взять не могу, с полной нагрузкой ездить еще не разрешено, – лед ненадежен. Ну, а они, – он кивнул головой в сторону Софьи Михайловны, – что они сейчас весят? Перышки! Мы и хлеб пока понемногу берем.

– Отличился он в работе на озере, оттого и разрешили ему мамашу... – с гордостью начала было Даша, но Жених так строго глянул на нее, что она смутилась и осеклась.

Доктор опустил на стул.

– Но это же... риск... – пробормотал он.

– Конечно, риск. Скрывать нечего, – серьезно сказал Жених. – Оборона у нас здорово поставлена, и все же обстрелы бывают. Уж мы знаем, – скорее бы девятый километр проскочить: пристрелен он у немцев. Да и сама Ладога, – нелегко она нам далась. Пока трассу осваивали, не одна машина под лед ушла. Ну, все-таки обуздали и Ладогу. Ездим. У нас теперь шоферы говорят: «Ладога как встала, так и поехала». Риск-то конечно, да ведь риск – дело благородное. А тут оставаться не риск?

– Там у нас корова. Хлеба сколько хочешь, картошки... – заговорила Даша. – А тут же Тотик, как пить дать, помрет...

Доктор низко опустил голову. Софья Михайловна подошла к нему, присела перед ним на корточки и снизу вверх заглянула ему в лицо.

– Доктор... скажите... – прошептала она умоляюще.

Доктор поднял голову и пристально посмотрел на тахту, где мирно спал Тотик.

– Да, – сказал он твердо, – поезжайте...

– Ехать? – переспросила Софья Михайловна шепотом. – Из Ленинграда?

– Ехать! – Доктор уверенно кивнул головой. – Жених прав. Дорога трудная, конечно...

– Дорога трудная, – подтвердил Жених. – И мороз, и обстрел может быть...

Софья Михайловна, казалось, не слышит ничего. Все так же, сидя на корточках, она повернула голову вбок и, уставившись глазами в одну точку, сосредоточенно думала.

Наташа вдруг почувствовала, что начинает дрожать мелкой дрожью Доктор посмотрел на нее.

– Поезжайте, Наташа, – снова повторил он.

Наташа мертвенно побледнела.

– Я не поеду, – сказала она решительно.

Софья Михайловна вздрогнула и оглянулась на нее.

– Что ты сказала, Наташа?

– Я не поеду, – повторила она еще решительнее.

– Не... поедешь?

Наташа вся дрожала.

– Да, мама. Как же... мы поедem... будем спасаться... А Катя?.. А Люся?..

Софья Михайловна стремительно поднялась с корточек и всплеснула руками.

– Да ты с ума сошла, Наташа! Неужели же мы их оставим? Конечно, если ехать, так всем.

– А мама?

– А дедушка? А доктор? – в один голос воскликнули Люся и Катя. Люся заплакала. Катя стояла вся бледная, прижимая руки к груди.

Доктор уже овладел собой. Он сидел теперь, выпрямившись, и лицо его было спокойно.

– Послушайте меня, девочки, – заговорил он. – Конечно, вам надо ехать всем. Тяжко расставаться, не спорю. И мне самому... будет не легко. Но, во-первых, чем меньше людей останется в Ленинграде, тем легче будет оставшимся. А во-вторых, вы же знаете, с Люсей делится пайком ее мама, с Катей – ее дедушка. Если вы уедете, они будут съедать его сами. Значит, надо ехать. Ради них же.

– А вы-то сами, доктор? – воскликнула Наташа.

– Что вы, Наташа... Разве я доеду?

Наташа закусила губу. Наступило тягостное молчание. Люся тихо плакала. Софья Михайловна снова уставилась глазами в одну точку.

– А когда ехать? – хрипло спросил доктор, обращаясь к Жениху.

– Завтра в это же время... Сутки вам на сборы. Ну, Даша, а теперь пошли.

В эту ночь никто, кроме Тотика, не спал.

* * *

Спешно, в глубоком молчании, разбирали вещи. Изредка, отрывистыми фразами, советовались, что брать с собой. Доктора уговорили лечь, но все время было слышно, как он ворочался и вздыхал.

Люся то и дело украдкой вытирала слезы. Среди ночи Софья Михайловна усадила ее рядом с собой на тахту.

– Люся, ты говоришь, как оставить маму. Но мама сама на днях уедет...

– Куда? – испуганно спросила Люся.

– Ее госпиталь передвигают ближе к фронту.

– На фронт?!

– Не бойся, глупышка! – Софья Михайловна отвела рукой от Люсиного лба упавшую прядь волос, – ведь Ленинград – тот же фронт. Опаснее маме не будет, – а зато как она будет рада, что ты в безопасности!

Люся уронила голову на колени Софьи Михайловны и так и застыла, без слез и без слов.

– Слушай, Люся, – заговорила Софья Михайловна, тихо лаская ее голову, – я теперь знаю, что ты, когда надо, умеешь быть мужественной. Ты что доказала. И сейчас твой долг – поддержать маму. Мама идет на фронт с радостью. Она знает, что там она еще нужнее. Она только очень волнуется за тебя. Твое дело теперь – не расстраивать ее. Как только рассветет, ты сбегашь к ней проститься. Обещай мне, что будешь держать себя молодцом. Помни одно: мама будет работать вдесятеро лучше, если будет знать, что ты не кислятина, а настоящий человек. Обещаешь?

Люся подняла голову. Глаза ее были сухи, но лицо побледнело как бумага, и она тяжело дышала.

– Обещаю, – шепнула она чуть слышно.

* * *

– По старому русскому обычаю... надо присесть перед дорогой, – сказал Яков Иванович и, сняв шапку, первый опустился на стул.

За ним сели все – кто на стул, кто на диван, кто на узлы. Молча просидели несколько мгновений. Лица у всех были торжественные.

– Ну, пора, – сказал Жених, дождавшись, когда Яков Иванович первый встал со стула.

– Попрощаемся здесь, – отрывисто сказала Софья Михайловна.

– Прощайтесь, а мы с Дашей пока снесем вещи в машину. Даша, бери! – И Жених, взяв в обе руки по чемодану, вышел из комнаты. За ним вышла Даша с узлом.

Машина стояла во дворе. В кузове, заботливо укутанная одеялом, уже сидела старушка. Софью Михайловну с Тотиком посадили в кабину. Жених влез в кузов и из чемоданов и узлов устроил у задней стенки кабины удобное сиденье для девочек. По его совету, они уселись, тесно сжавшись, и укутались в большое пуховое одеяло Софьи Михайловны. Яков Иванович и доктор стояли рядом с машиной. Доктор все заглядывал в кабину, но в темноте ничего не мог разобрать.

– Готово? Можно ехать?

Никто не ответил. Жених влез в кабину, машина фыркнула, тронулась и медленно стала выезжать со двора. Яков Иванович и доктор шли следом.

Машина завернула, рванулась и скрылась в темноте.

Когда затих стук мотора, старики молча повернулись и пошли в дом. Они очень медленно поднялись по лестнице, вошли в свою комнату, и все так же, ни слова не сказав друг другу, легли в постель.

И начались для них дни тревожного, напряженного ожидания вестей...

Глава XV

На машине через Ладогу. Все тот же закон взаимовыручки

Грузовик осторожно пробирался по темным заснеженным улицам. Девочки, тесно прижавшись друг к другу, вглядывались в темноту и изредка перекидывались короткими, ничего не значащими фразами. Дорога была неровная, ухабистая. Метели намели огромные сугробы на улицах; никто их не сгребал, и грузовик то нырял в ухаб, то переваливался с боку на бок. Девочек начинало укачивать. Старушка рядом с ними что-то бормотала, потом свернулась клубочком, закуталась с головой и, видимо, уснула.

Наташа все старалась понять, по каким улицам они едут. Она усиленно напрягала зрение, но едва могла различить очертания домов. Она очень устала за последние сутки – поспать удалось совсем мало, – и голова была туманная и немного кружилась. Но спать Наташе не хотелось, – она была слишком взволнована. Она уезжает из Ленинграда... Куда?.. В какую-то неизвестную деревню, к каким-то незнакомым людям... Надолго ли?.. Может быть, навсегда... Доктор сказал: «Риск...» Удастся ли благополучно переехать Ладожское озеро?.. Ну что ж... Будь что будет... А папа и не знает, что они уезжают... Как они потом найдут друг друга?.. А шерстяные чулки она, кажется, забыла на тахте?..

Не мысли, а какие-то разрозненные обрывки мыслей лихорадочно, перебивая одна другую, неслись в голове. От тряски их сиденье разъехалось, девочки сползли вниз, навалившись друг на друга.

– Давайте попробуем лечь, – предложила Люся.

– Я не хочу лежать. Вы ложитесь, я вас укрою, а сама еще посижу, – сказала Наташа и, опустившись на коленки, держась за борт, выползла из-под одеяла. В темноте ничего не было видно, но ей казалось, что вдруг она увидит, узнает какое-нибудь знакомое место своего родного города.

Катя и Люся долго устраивались. Наташа укутала их одеялом, а сама так и осталась стоять на коленках, держась за борт кузова. Привыкшие к тьме глаза различали очертания редких низеньких домов, деревьев. Наташа поняла, что они едут уже за городом.

Ленинград позади... Прощай, Ленинград!..

От толчка она больно ушиблась коленкой о край чемодана. Ветер крепчал, пронизывал ее насквозь, но она продолжала упрямо стоять у борта, следя, как домики попадают все реже и реже; вот проехали по мосту, вот навстречу выдвинулась черная громада леса.

Наконец она не выдержала, – руки начали совсем коченеть, застыло лицо. Наташа подползла к девочкам и тоже забралась под одеяло.

– Замерзла, небось? Иди залезай в серединку, – сказала Катя, уступая ей место. – Тут хоть и неудобно, а все-таки теплее.

– Интересно, далеко ли мы уехали? – спросила Люся.

«Далеко», – хотела ответить Наташа, но оказалось, что губы ее так застыли, что даже трудно было произнести слово. Девочки сбились в кучку и укрылись с головой. Их трясло и толкало; лежать было жестко и неудобно, но усталость взяла свое, и все три задремали.

Наташа не знала, сколько прошло времени, когда вдруг услышала голос Жениха. Он будил старушку мать.

– Мамаша! А мамаша! В Кокорево приехали, вылезать надо!

– Ох, не тронь меня, сыночек, не подняться мне... – еле слышно раздалось из-под одеяла.

– Ничего, мамаша, я сам тебя возьму, – говорил Жених, разворачивая одеяло. – Девчатки, вылезайте!

– Что-о? Уж Ладогу проехали?! – изумилась Наташа, сбросила одеяло и села. Проснулись и Катя с Люсей.

– Больно скоро захотела! – засмеялся Жених. – Нет, Ладога еще впереди. К

берегу подъехали, – говорил он, бережно поднимая мать. – Здесь питательный пункт для ленинградцев. Сейчас увидишь, как «Большая земля» заботится о вас! Покормят, обогреются, и дальше поедem... А ну, мамаша, держись за борт, я соскочу и тебя сниму.

– Девочки, идите сюда! – раздался из темноты голос Софьи Михайловны. С трудом выбираясь из грузовика, девочки увидели, что кругом стоят еще несколько таких же машин, и возле них в темноте копошатся люди.

* * *

Все казалось призрачным, ненастоящим, сном...

В просторной, низкой, слабо освещенной комнате было оченьлюдно, но странно тихо. После мороза, ветра и тряски гудело в ушах, кружилась голова, говорить было трудно... Они сидели на скамье за длинным непокрытым деревянным столом среди многих таких же изможденных, молчаливых людей и жадно ели из алюминиевых мисок густой, дымящийся, необычайно вкусный суп. Каждому было дано по ломтю хлеба. Софья Михайловна, совсем измученная, передала Тотика Наташе, а сама сидела, прислонившись головой к стене и закрыв глаза. Перед ней дымилась нетронутая миска.

– Мама! Ты что это?! Кушай! – встревожилась Наташа.

– Да-да... Сейчас... – Мать с трудом открыла глаза и принялась за еду.

Наташа и Тотик ели из одной миски. Жадно проглотив несколько ложек супу, Тотик уронил голову на плечо Наташи и заснул. Наташа оглянулась на сидящих рядом подруг. И у них слипались глаза. Наташа потянулась. Все тело ныло, настоятельно требовало покоя. Эх, лечь бы сейчас в этой теплой комнате и заснуть, заснуть!.. Все равно где, – пусть хоть на полу, пусть хоть под столом...

Но отдыхать долго не пришлось. Снова – дорога...

* * *

Дорога! «Дорога жизни»!..

Сквозь черную тьму, сквозь бешеный ледяной ветер неслись вереницы машин с ярко светящимися фарами. Это были словно две светлые ленты, две извивающиеся линии огней; одни мчались туда, на «Большую землю», другие непрерывным потоком лились навстречу, и те и другие терялись где-то далеко-далеко в черной пустоте. И так странно было видеть эти дерзкие огни после строгого затемнения Ленинграда!

Ветер бушевал. Он свистел и выл, набрасывался как будто со всех сторон; иногда казалось, что он опрокинет машину. Девочки снова сидели, тесно прижавшись друг к другу, укрывшись одеялом.

Наташу вдруг охватило какое-то, совсем особенное, непередаваемое состояние. Это было вроде бреда. Она отлично сознавала, что едет по льду Ладожского озера, что под ней глубокая-глубокая вода, а где-то, по обеим сторонам, совсем недалеко, фронт, немцы. Но ей вдруг представился какой-то огромный, страшный зверь, вроде тех драконов, каких она видела на картинках в сказках. Его необъятная пасть с острыми, хищными зубами широко раскрыта, но прямо в его нёбо вонзен штык; и держит этот штык ее папа, упираясь ногами в отвратительную отвислую губу чудовища. А рядом с ним Вася вонзает штык в нижнюю челюсть зверя – прямо под толстый высунутый язык. Извивается чудовище, в ярости бьет длинным чешуйчатым хвостом, но не закрыть ему пасти, – разомкнута она двумя надежными штыками...

Несколько секунд длилось это почти бредовое видение, и вдруг неистовый порыв ветра вырвал из рук Наташи и затрепал угол одеяла, и она снова увидела эту сверкающую непрерывную цепь огней.

Почем знать? Может быть, и правда, папа и Вася сейчас где-то тут, совсем близко от нее, не дают чудовищу сомкнуть свою подлую пасть.

– Наташка, холодно, лови одеяло! – крикнула Люся. – И чего мы сели? Давайте попробуем снова лечь.

С огромным усилием, борясь с ветром, который рвал с них одеяло, улеглись они на дне кузова. Борт немного защищал их от ветра.

– Мне кажется, мы никогда не приедем, – уныло сказала Катя. – Так и будем ехать и ехать без конца.

– Ой, не пугай! – вздохнула Люся.

Вдруг машина остановилась. Девочки прислушались. Стукнула дверка кабины, – видно, шофер вышел из нее. Гудел, шуршал чем-то ветер.

– Я выгляну! – Наташа выползла из-под одеяла, встала на коленки, держась за борт машины, и огляделась. Кругом была черная ночь и так же бушевал ветер и обжигал лицо. Наташа снова поспешила под одеяло.

– Ну что, Наташа?

– Ничего не видно, все машины стоят.

– Как страшно! – повторила Люся.

Они долго лежали молча, стараясь как можно плотнее прижаться друг к другу.

Кузов качнулся, и они услышали голос Жениха, старавшегося перекрыть шум ветра:

– Мамаша, может, в кабину тебя взять? Потеснимся там как-нибудь!

– Нет, сынок, тут мне лучше. В кабине сидеть надо, а мне только бы лежать и лежать... Мне все дремлет...

– Ничего, скоро поправишься, мамаша!.. Ну, а вы? Живы? – И руки Жениха затрясли девочек сквозь одеяло.

– Живы! – три головы высунулись наружу. – Что случилось? Почему мы стоим?

– Обстрел впереди был, лед трещину дал, вот и стоим.

– Девятый километр! – с ужасом крикнула Люся.

– Эка вспомнила! То место давно позади.

– И что же теперь будет? – спросила Наташа.

– Дорожная бригада мост через трещину налаживает. Как закончат, так и поедем.

– А как там моя мама?

– Ничего, в порядке. Ну, прячьтесь, девчата, носы поотморозите. – И Жених выскочил из кузова.

– Девочки, вы подумайте, – проговорила Наташа, – на таком морозе мост строить... – Невольно вздрогнув, они еще теснее прижались друг к другу.

* * *

Если бы много времени спустя девочек попросили подробно рассказать о том, как они приехали в деревню, – все три, вероятно, рассказали бы совсем по-разному. Все это было как во сне. Они смутно помнили, как их одну за другой кто-то вынимал из кузова и ставил на ноги и как затекшие ноги были словно деревянные; и кто-то вел их под руки в избу; и как старушечий голос причитал над ними, без конца повторяя жалостливые слова; и как они пили горячее,

душистое топленое молоко и просили еще, но Софья Михайловна не позволяла; и как это молоко чудесным, бодрящим теплом разливалось по всему телу; и как они потом очутились все три рядышком на русской печке с мягкими подушками под головами; и пахло овчиной, и снизу снова вливалось в их тела волшебное тепло; и как им казалось, что они все еще едут на тряской машине, но это было недолго, потому что сон почти мгновенно сковал их.

Когда Наташа проснулась и открыла глаза, было совсем темно. Рядом с ней ровно и глубоко дышала Люся. Все так же пахло овчиной, и снизу шло все такое же ласковое, мягкое тепло. Наташа с наслаждением потянулась и повернулась на бок. В темноте выделялись три ровных голубых квадрата. Наташа поняла, что это окна. Ей показалось, что она уже выпалась и больше не заснет. Ни о чем не думалось, было просто тихо, тепло, хорошо.

Она лежала и беспричинно улыбалась, и следила, как квадраты все голубели, как в комнате начинали смутно обозначаться предметы. Вот выделился стол. На нем огромный пузатый самовар. В углу кровать под пологом. На нее, наверно, положили маму с Тотиком. Как тихо! Только ровное дыхание спящих людей. Дверь в соседнюю комнату завешена светлой занавеской. А окна все голубее и голубее. Вот уже начинают вырисовываться на них морозные узоры.

И вдруг такая бурная, такая безудержная радость жизни охватила Наташу, что лежать больше было невтерпех. Она порывисто села и тут только заметила, что спала нераздетая, – только шубку и валенки сняла. Вот все это лежит тут же, на печке.

Она так спешила, точно ей нужно было поспеть куда-то к сроку. Натянула валенки, надела шубку, шапочку и осторожно, изо всех сил стараясь не шуметь, слезла с печки. Дверь в сени скрипнула громко, и Наташа замерла, прислушалась. Нет, никто не проснулся. В темных сенях она ощупью отыскала дверь, отодвинула огромный деревянный засов и вышла на крыльцо.

После духоты и тепла избы морозный воздух словно широкой струей ворвался в легкие, раздвигая грудную клетку. Уже заметно рассвело и все было ясно видно. Деревенская улица шла вдоль длинного холма. Прямо с крылечка открывался широкий вид на оснеженные поля, на леса, пушистые от инея. Избы тонули в сугробах; на крышах лежали высокие, круглые снежные шапки. При въезде в деревенскую улицу, словно два часовых, по обеим сторонам стояли две огромные березы. Кое-где над избами уже поднимались из труб тоненькие, прямые, как по линеечке, дымки.

Тишина стояла такая, что Наташа слышала собственное дыхание. Она спустилась с крылечка и по тропочке вышла на совсем мало наезженную дорогу

посреди улицы. Снег звонко скрипел под валенками. Где-то поблизости вдруг прокричал петух; ему сразу откликнулся второй, третий, четвертый; где-то замычала корова, заблеяли овцы, приглушенно донесся сердитый женский окрик – и снова тишина, тишина...

Наташа остановилась и оглянулась назад. Небо над горизонтом ярко розовело, и снег в той стороне был весь розоватый. Грудь глубоко вдыхала морозный воздух, глаза не могли оторваться от двух пушистых голубых берез.

И вдруг обе верхушки вспыхнули и стали ярко-розовыми. Наташа стояла словно зачарованная. Розовый блеск на верхушке берез спускался все ниже. Наташа снова оглянулась, – огромное совсем красное солнце уже наполовину вышло из-за горизонта, – и вот уже вся деревня словно ожила, залитая его яркими лучами. А внизу, за холмами, еще лежала голубая тень.

Заскрипел снег под быстрыми шагами, и под локоть Наташи просунулась рука. Наташа повернула голову.

– Катюшка! Хорошо как, правда?

– Хорошо!

Они почему-то говорили шепотом, словно боясь нарушить это торжественное безмолвие зимнего утра.

– Ты давно встала? – спросила Катя.

– Да, вышла, – еще только светало. Наши спят?

– Все спят. Только хозяйка встала, пошла корову доить.

– Тихо как... Катюшка, даже не верится...

– Да... Ни пальбы, ни свиста снарядов... А как-то там дедушка?... доктор?... – И Катя глубоко вздохнула.

Наташа зябко повела плечами.

– А мороз-то какой! Я замерзла... – прошептала она, – и, знаешь, снова спать захотелось.

– Да... И мне! Пойдем!

Держась за руки, они молча пошли домой.

Старушка хозяйка, мать Даши, увидев девочек, расплакалась.

– Родименькие мои, – запричитала она шепотом, – болезные вы мои, да на кого же вы похожи, бедняжечки? Неужто и моя Дашутка такая страшная?..

– Нет, – прошептала Наташа, – Даша ничего...

– Да чего вы это ранехонько вскочили, мои родименькие? Вам бы спать да спать... Приехали-то вчера, – наплакалась я, на вас глядячи. Ну-ко, полезайте снова на печку, дитятки вы мои...

– А мы и сами хотим, – сказала Катя и полезла на печку.

– Стойте-ко, стойте! – Старушка засуетилась. – Выпейте по кружечке молока парного. Еще тепленькое, душистое.

Девочки с наслаждением выпили парного молока. В избе было очень тепло, и после мороза их сразу разморило. Они забрались на печку и сразу заснули.

Когда Наташа снова проснулась и выглянула с печки, вся изба была залита солнцем. На столе кипел тот самый пузатый самовар, стояла тарелка с ржаными лепешками и горшок молока. За столом сидели хозяйка и Софья Михайловна с Тотиком на коленях и пили чай. Сбоку на лавке уселась немолодая женщина в полушубке и большом клетчатом платке на голове.

– Трудно, гражданочка дорогая, вот как нам сейчас трудно, – говорила она громким шепотом. – Одни бабы да старики да ребята малые остались. А был наш колхоз сильный, богатый. Не охота, чтоб в упадок пришел. А где же одним бабам управиться И дом, и ребята...

– А очаг и ясли у вас есть? – спросила Софья Михайловна.

– Какие там ясли! – женщина махнула рукой. – Кому за это взяться-то?..

– А вот погодите, дайте нам немного отдохнуть да подкрепиться, – весело заговорила Софья Михайловна. – Вон у меня три помощницы на печке спят...

Дальше Наташа не слышала; ее голова упала на подушку, и снова крепкий сон сковал ее.

Глава XVI

Старики читают письмо. На двери висит замок

Яков Иванович никак не мог в темноте попасть ключом в замочную скважину

входной двери. Он еле стоял на ногах. За дверью раздались шаркающие шаги.

– Я открою, Яков Иванович, – услышал он голос доктора. Щелкнул замок, и дверь широко раскрылась. Яков Иванович вошел. Доктор стоял перед ним с ярко горящей лучиной в руке. Пламя лучины колебалось, и по истощенному лицу доктора двигались резкие тени, но глаза сияли.

– Письмо?! – почему-то шепотом спросил Яков Иванович, хватая доктора за руку.

– Письмо. Все хорошо. Жених был тут. Он уже несколько рейсов сделал. Идемте скорей! – И доктор за руку потащил старого слесаря в комнату.

На столе горела коптилочка и освещала большой каравай деревенского хлеба и несколько листов исписанной бумаги.

– Хлеб! – Яков Иванович даже остановился; у него захватило дух при виде такого количества еды.

– Хлеба Жених привез, и круп, и картошки! – оживленно говорил доктор. – А главное – письмо! Письмо! Все здоровы. Тотик поправляется... Давайте читать!

– Будем есть и читать! – Старый слесарь засмеялся счастливым, срывающимся смехом и опустился на стул. – Где ножик? – Он окинул взглядом стол и, не найдя ножа, отломил от каравая кусок корявой корки.

– А ты еще не ел? – удивленно спросил он, жуя.

– Жених только что ушел, а я... все читал письмо, – оправдывающимся тоном возразил доктор, тоже отломил кусок хлеба и начал жадно есть.

– Сразу много не надо... а то заболеем... – произнес он с полным ртом. – Ну, давайте читать вместе.

Он сел рядом с Яковом Ивановичем и придвинул коптилочку.

– Все пишут вместе... Кроме Тотика, конечно, – пояснил он, аккуратно раскладывая исписанные разными почерками листки. – Надевайте очки.

И две головы, почти прижавшись друг к другу, склонились над письмом.

Письмо начиналось крупным, твердым и четким почерком Наташи:

«Милые, дорогие наши доктор и Яков Иванович! Пользуемся случаем послать вам весточку о себе. Мы доехали очень хорошо, хотя дорога была трудная. Особенно когда ночью ехали по Ладожскому озеру. Был сильный мороз и ветер. Мама с Тотиком сидели в кабине. Тотик спал на руках у мамы, а мы втроем сжались вместе и с головой накрылись маминым пуховым одеялом. Но иногда выглядывали, и тогда было видно все кругом. По озеру несутся машины с

яркими фарами, в обе стороны. Люся отнимает перо...»

Дальше шли несколько убегающих кверху строчек с неровно глядящими в разные стороны буквами и без знаков препинания:

«Не понимаю как могла Наташа тогда видеть что-то! Было так ужасно-ужасно холодно и ужасно-ужасно хотелось спать, а когда я открывала глаза, они у меня сразу замерзали. Зато здесь так чудно-чудно!»

Дальше снова почерк Наташи.

«Здесь, правда, чудно. В колхозе нас приняли очень хорошо. Мы живем у родных Даши; они все очень милые, и мы сдружились. Дружим мы и с нашей старушкой – матерью Жениха. В деревне совсем не осталось мужчин, все на фронте. Первым делом нас тут стали откармливать (тут снова Люсиным почерком вставлено: «и у нас всех сразу разболелись животы, но потом прошли и теперь мы здоровы»). Мама, – продолжала Наташа, – очень сошлась с председательницей колхоза и уговорила ее открыть детский сад и ясли.

В детском саду мама работает сама, а также руководит работой в яслях. Я помогаю маме только в детском саду, потому что не люблю самых маленьких, с ними возиться скучно. Люся опять отним...»

Дальше мазня, свидетельствующая о борьбе за перо, и несколько Люсиных строк совсем вкось:

«Вот и неправда! Наши малыши – чудненькие! Мы с Катей их и кормим и купаем. Они такие уморительные...»

Перо снова перешло к Наташе.

«А летом у нас будет свой огород, и мы все будем работать в колхозе. В школу мы не ходим. Здесь только начальная, а семилетка в другой деревне. Мы еще слабые, ходить далеко трудно. Этот год все равно для учебы пропал. Тотик в детском саду. Он снова стал прежним Тотиком, веселым и бойким, очень поправился, и все ребятишки любят играть с ним. Тотик все спрашивает: „Где же Гуливел?.. Когда он приедет?..“ Одно здесь плохо – мало книжек. Те, что нашлись в школе, я сразу прочитала. Пришлите нам с Женихом книг. Катя просит дать ей перо.»

Дальше шли ровные, почти каллиграфические строчки Кати.

«Милые дедушка и доктор! Как вы живете? Мы постоянно вспоминаем вас и беспокоимся о вас. Дорогой дедушка, я очень соскучилась по тебе и все думаю, как ты там справляешься без меня? Мы так рады, что можем послать вам с Женихом немного продуктов. Кушайте и поправляйтесь, дорогие!»

Читая Катины строки, старый слесарь вдруг крякнул и засопел носом.

Дальше шло несколько теплых, ласковых слов от Софьи Михайловны и целый список вещей, которые она просила прислать с Женихом.

Старики дочитали письмо до конца и, не сговариваясь, одновременно взяли первый листок и начали читать с начала.

Когда письмо было прочитано Яковом Ивановичем второй, а доктором неизвестно который раз, они оба взглянули друг на друга и счастливо засмеялись.

– Поправился Тотик. Ведь там ему и молочко, и яйца! – захлебываясь, говорил доктор.

– И блины! – прибавил Яков Иванович и причмокнул языком. Потом снова потянулся рукой к хлебу.

Доктор решительно отодвинул каравай.

– Довольно на сегодня, Яков Иванович, а то плохо будет.

– Ну ладно, – миролюбиво согласился старый слесарь. – Тебе и книги в руки. Потерпим до завтра.

– Завтра я вас буду ждать с готовым обедом. Сварю картошки и каши! – торжествующе заявил доктор. Он уже с неделю от слабости не мог ходить на работу и вел дома их нехитрое хозяйство.

– Э! Так у меня ноги сами домой побегут! – весело подмигнул ему слесарь.

– А помните Новый год? – спросил доктор.

– Помню! А как прибежал он тогда чуть ли не нагишом, «почему, – говорит, – меня не пригласили?»

– Да, да! Помните: «стланная селедка», «стланный сыл»?

– А девчонки-то переоделись тогда: догадайся кто – кто.

Снова смех.

– А помнишь...

Это был настоящий вечер воспоминаний. Еще долго-долго освещала коптилка две склоненных над письмом головы – одну лысую, другую – со спутанными и почерневшими от копоти седыми волосами.

Спать легли поздно. Укутываясь одеялом на широкой тахте, Яков Иванович сказал:

– Ну, доктор, нынче не будешь всю ночь ворочаться и вздыхать. Можно спокойно спать.

– Да, – отозвался доктор, – устал я сегодня.

– С радости, видимо, – засмеялся слесарь. – Ну, спи. – И он потушил коптилку.

В комнате стало тихо. Где-то далеко-далеко ухали пушки.

* * *

Яков Иванович спешил домой. Дома ждал настоящий обед! Картошка... каша... вволю хлеба!.. Доктор уже ждет его. Печурка топится, тепло... Они сейчас сядут, поедят и снова перечитают письмо... Эх, Катюшка... внучка... Хорошо как написала!..

Яков Иванович, улыбаясь, поднялся по лестнице. Сегодня все было по-иному. Ключ в потемках сразу попал в замочную скважину, дверь, казалось, как-то особенно легко и поспешно открылась. Яков Иванович вошел.

В прихожей было темно и тихо. Старый слесарь ощупью пробрался через «классную», толкнул дверь в комнату. И в комнате было темно, тихо и холодно.

– Доктор! – растерянно позвал он.

Никто не отозвался.

– Доктор? Ты где? – крикнул он громко.

Тишина. Только тикают часы.

У Якова Ивановича задрожали руки. Он поспешно достал из кармана спички, чиркнул, зажег коптилочку на столе. Слабенький свет разлился по комнате. Доктор лежал на кровати в той же самой позе, в какой Яков Иванович оставил его спящим, уходя на работу. Он лежал на спине, слегка закинув голову назад.

Лицо было спокойно; едва заметная улыбка приподнимала уголки губ.

– Доктор... да ты... что?.. – прошептал Яков Иванович, подошел к кровати и положил руку на высокий, открытый лоб доктора

И сразу инстинктивно отдернул ее, – ему показалось, что его ладонь коснулась мрамора.

– Э, да ты и остыл уж... – произнес он вполголоса и сел на кровать. – Эх, товарищ, товарищ, как же ты это так?.. Оставил меня одного... – В голосе его прозвучал искренний упрек.

Он встал, взял в руки коптилочку, снова сел на кровать и поднес свет к самому лицу доктора. Тени задвигались на мертвом лице, и яснее обозначилась улыбка.

– Улыбаешься? – тихо произнес Яков Иванович и сам болезненно улыбнулся. – Тревогу старое сердце выдерживало, а на радость сил-то уже не хватило... Ну, что же, спи, старый товарищ...

Он наклонился, поцеловал холодный лоб и на цыпочках вышел из комнаты.

* * *

Вернувшись с кладбища в пустую квартиру, Яков Иванович собрал кое-какие вещи в чемодан, попробовал поднять его, но только покачал головой и поставил обратно. Потом связал в узелок смену белья и часть продуктов и вышел в прихожую.

Было очень тихо. От тишины и усталости шумело в ушах. Яков Иванович закрыл глаза. Ему показалось, что вот сейчас зазвенит смех девочек, затопают ножки Тотика, и милый голос Софьи Михайловны позовет:

– Яков Иванович, идите к нам посумерничать.

Он открыл глаза, улыбнулся.

– А все-таки это была квартира хороших людей, – произнес он вслух. И вдруг почти закричал:

– Какую жизнь разрушили, дьяволы чертовы! Ну, погодите же, будет и вам!!!

Он вышел на лестницу, захлопнул за собой дверь, повесил большой висячий замок, отнес ключи управдому и по пустынной заснеженной улице, сутулясь, побрел на свой завод.

Эпилог

Победа! Снова дома. Клятва

Первым вернулся в квартиру Леонтий Федорович. Осенью 1944 года он был тяжело ранен. Долго лежал в госпиталях. Ногу удалось спасти, но кисть левой руки пришлось ампутировать, и вернуться в строй он уже не мог. Его отправили долечиваться на юг. Вскоре после победы он приехал, уже демобилизованный, в Ленинград. Сразу же он дал знать о своем возвращении Якову Ивановичу, жившему все эти годы на заводе.

Старик пришел по первому зову. Встреча была радостной и сердечной. На другой же день Яков Иванович переехал домой. Они одновременно послали вызов своим эвакуированным и стали вместе поджидать их, понемногу приводя квартиру в порядок. Вставили стекла, разнесли уцелевшую мебель по местам и, насколько возможно, постарались привести все в прежний вид. Комнаты покойного доктора были заняты военным, уехавшим в длительную командировку.

– Какой-то он будет, наш новый сосед? – озабоченно говорил Яков Иванович. – Придется ли «ко двору»?

– Ничего. Авось поладим, – улыбнулся Леонтий Федорович.

«Классную» тоже привели в прежний вид. Правда, стол и полки девочек были сожжены в блокаду, но уцелел стол из комнаты доктора, которым и заменили сожженный. На одну из стен повесили сохранившийся портрет жены доктора. Полочки, очень похожие на те, что были, Леонтий Федорович купил на рынке «Классная» стала совсем такою, как была.

И начались дни радостного и нетерпеливого ожидания. Вечерами Леонтий Федорович снова и снова заставлял Якова Ивановича рассказывать во всех подробностях о том, как они тут жили в блокаду, как справлялась с непосильной работой Софья Михайловна, как ей помогали девочки, как засыпало Люсю, как чуть не погиб от голода Тотик... Часто вспоминали доктора.

– Как, по-вашему, отчего же он все-таки умер? – спросил как-то Леонтий Федорович.

Яков Иванович вздохнул.

– Сказать вам правду, – пока наши были здесь, он почти ничего не ел. Все Тотика, все Тотика... Да и годы его немалые, он ведь много старше меня был. А

как уехали все, он и вовсе ослабел. Тосковал очень. Все весточки ждал, – доехали ли?.. Я-то на работе с утра до ночи, и тревожиться некогда. А он дома. Весь день – думы да тревога. А как пришли хорошие вести, – видно, старому сердцу-то и не под силу... Отказало: хватит, мол, с меня переживаний... Как уснул в ту ночь, так и не проснулся. И то ладно, что счастливым уснул...

– Милый доктор!.. – чуть слышно проговорил Леонтий Федорович и долго молчал.

Они вместе читали и перечитывали письма близких, которые оба бережно хранили. Яков Иванович без конца мог рассказывать о том, как героически работали его «ребята» на заводе и на «Дороге жизни» в немыслимых, нечеловеческих условиях. Жадно выпрашивал Леонтия Федоровича о боях, о фронтовой жизни, о его ранении, о взятии Берлина. Меньше всего рассказывали о самих себе, хотя каждый думал, слушая другое: «Чего же ты, брат, о собственном-то героизме умалчиваешь?»

Они часто – внешне спокойно – беседовали о победе и о том, что мы спасли от фашизма не только свою Родину, но и всю Европу. Но каждый знал, какой гордостью за свой народ переполнено сердце другого.

И как эти беседы обо всем – самом близком, самом дорогом – облегчали им дни ожидания встречи с любимыми!

* * *

– Ну, теперь показывайтесь, какие вы стали; на вокзале в суете я вас не разглядел, – говорил Леонтий Федорович, опускаясь на тахту и усаживая рядом с собой Софью Михайловну.

– А мы теперь – лесенка, смотрите! – И Люся встала перед ним, подзывая Катю и Наташу.

– Взрослые девушки, – не без удивления произнес Леонтий Федорович.

Девочки встали рядом, сияющие и счастливые.

– Рассматривай, папка, – весело сказала Наташа.

Они действительно стояли лесенкой.

Больше всех выросла Люся. Очень высокая, широкоплечая, загорелая, с крупными руками и ногами, она казалась бы старше своих лет, если бы не прежняя ребячья мордашка с вздернутым носиком и большим веселым ртом.

Рядом с ней стояла Наташа. Она выросла меньше и доставала Люсе только до

глаз. Леонтия Федоровича поразило лицо дочери. Черты лица стали более четкими, определенными, а глаза – живые и внимательные – глядели уже совсем по-взрослому. В них увидел он то решительное, упорное, немного даже озорное выражение, которое он так любил в жене.

Катя выросла еще меньше. Но изменилась она, пожалуй, больше всех. Она была все такой же тихенькой и скромной, но смотрела уже не исподлобья, как раньше, а высоко подняв голову, ясно и открыто, прямо в глаза собеседнику. В ней не оставалось и тени прежней, почти болезненной застенчивости.

– А где Тотик? Тотик! – Леонтий Федорович искал глазами сына.

Тотик оказался на балконе, где, перевесившись через перила, внимательно разглядывал улицу. Наташа взяла его за руку и подвела к отцу.

– Неужели это Тотик? – засмеялся Леонтий Федорович, привлекая к себе высокого, худенького мальчика. – Ну, что же ты молчишь? Я еще и голоса твоего не слыхал! Ты что, папы стесняешься?

Тотик отрицательно покачал головой. Нет, он не стеснялся, но ему трудно было говорить. Он помнил отца смутно, и сейчас с глубоким волнением рассматривал этого большого, сильного человека с совсем седыми волосами, такими добрыми, ласковыми глазами и двумя рядами орденских ленточек на груди. Тотик сам не понимал, что больше волнует его – эти ленточки или круглая черная кожаная варежка, которая торчала из левого рукава, и в которой – он знал – нет никакой руки. И Тотик молчал.

– Ничего, – прошептал Леонтий Федорович, прижимая к себе курчавую голову сынишки, – скоро снова познакомимся и поговорим.

В комнату вошел Яков Иванович.

– Ну вот, сейчас и чайник закипит. Будем скоро ужинать, – сказал он сияя.

Катя подбежала к деду и, обняв, прижалась к нему. Ее поразило, как он за эти годы постарел и как-то весь усох.

– А Катюшка-то моя какая, а? Ну-ну! – повторял изумленно Яков Иванович все те же слова неизвестно в который раз.

– Какая же, дедушка? – смеялась Катя.

– Да уж... такая! Ну-ну!

– Яков Иванович там что-то вкусное мастерит, – сказал Леонтий Федорович, –

пир горой решил устроить.

– Погодите, еще до пира радость будет, – сказал Яков Иванович и с лукавой улыбкой вытащил из кармана открытку.

– Катюшка, читай вслух! Только что из ящика вынул.

Катя посмотрела на подпись и вскрикнула:

– Вы подумайте! От Васи и Анны Николаевны вместе!

Люся завизжала совсем по-прежнему и бросилась к Кате. Бросилась и Наташа, и они обе чуть не вырвали открытку из рук Кати. Захлебываясь, читали вслух втроем.

Вася поправлялся от ранений в госпитале в маленьком городке Западной Украины. В этом же госпитале работала и Анна Николаевна, – и вот они вместе посылали привет.

– Да! – вспомнил вдруг Леонтий Федорович. – Я должен передать тебе, Наташа, еще два привета. Заходила как-то Нина Смолина...

– Жива?! – обрадовалась Наташа.

– Жива. Поправилась тогда. О тебе спрашивала, о Люсе. А еще на днях встретил я на улице твою Веру Петровну...

– О?! И она жива!

– Она, оказывается, эвакуировалась еще в начале войны. Когда дом разбило, ее уже не было.

И без того радостное настроение стало еще радостнее. Смеялись, говорили все вместе, выхватывали открытку друг от друга из рук.

– Чудно! Чудно! Скоро все будем вместе! – ликовала Люся.

– Интересно... какой стал Вася?... – задумчиво говорила Наташа.

– Все будем вместе, только без доктора, – грустно произнесла Софья Михайловна.

Все притихли. Несколько мгновений длилось молчание.

– Тотик, а ты помнишь доктора? – спросил Леонтий Федорович.

Тотик молча кивнул головой и вдруг стремительно выбежал на балкон.

– Тотик! – крикнула Наташа, – Куда ты?

– Оставь его, Наташа, – с печальной улыбкой сказала мать.

– Ну, пойду; не пережарилось ли там у меня. – И Яков Иванович засеменил в кухню.

– Девочки, а вы посмотрите свою «классную», – предложил Леонтий Федорович.

– Пошли! – крикнула Наташа, и все три выбежали из комнаты.

Как только дверь закрылась за ними, Леонтий Федорович обнял жену, а она положила ему руки на плечи. Оба долго молча смотрели в глаза друг другу.

– И у тебя седина, – тихо произнес, наконец, Леонтий Федорович и провел рукой по белой пряди в волнистых волосах жены, – но с ней ты еще лучше...

– Папа...

Леонтий Федорович опустил глаза; рядом с ним стоял Тотик.

– Заговорил, мой мальчик? Что скажешь?

– Папа, скажи... – еле слышно начал Тотик и вдруг запнулся, взволнованный.

– Что сказать, Тотик?

– Скажи... тебе руке... очень больно?

– Нет. Сейчас уже не больно.

Тотик вздохнул с облегчением. Видимо, этот вопрос все время мучил его.

– Ну скажи еще что-нибудь, Тотик, – попросил Леонтий Федорович, подняв за подбородок голову мальчика.

Тотик чуть нахмурился и посмотрел прямо в глаза отца строгим и напряженным взглядом.

– Я больше не хочу, чтоб меня звали Тотиком, – твердо произнес он. – Я уже не маленький. Я – Ваня.

– Хорошо, – серьезно ответил Леонтий Федорович. – Да, я вижу, ты уже больше не Тотик. Ты – Ваня.

* * *

Девочки вошли в «классную» и остановились:

– Все как прежде! Даже полочки! – радостно воскликнула Люся.

– Все как прежде, только мы уже не прежние, уже не дети, – возразила Катя, – и все должно теперь пойти по-другому, по-новому.

– Конечно! – Наташа решительно кивнула головой. – Вот я не умею объяснить, – взволнованно заговорила она, – а только и я так чувствую. Вот, когда мы сейчас ехали с вокзала, и Ленинград такой прекрасный, и везде все отстраивается, и у папы на столе начата какая-то новая работа, и Яков Иванович такой бодрый, деятельный... Понимаете, девочки, и у меня руки чешутся что-то сразу начать делать... учиться... работать...

– Да, да! – подхватила Катя. – Ведь так много-много у нас впереди... Ты вот, Наташа, уже нашла свое место, – будешь художницей. А мы с Люсей...

– А я непременно – педагогом-дошкольницей! – перебила Люся. – Мне так нравится с маленькими!

– А я вот еще не решила, кем быть, – продолжала Катя, – я еще буду искать. И найду, конечно! Ведь главное – надо непременно быть нужной, что-то вносить в жизнь... И еще, знаете, – что мне вдруг вспомнилось?!. Помните «Вихрашку»? Помните, как ее отец говорил своим воспитанникам: «Будьте такими, чтобы людям всегда было около вас тепло и весело!» Помните?

– Ой, верно! Давайте, девочки, и будемте такими! – так и просияла Люся.

– Девочки! А мне вот что сейчас вспомнилось! – воскликнула Наташа с загоревшимися глазами. – Помните, мама нам недавно рассказывала, как Герцен с Огаревым поклялись на Воробьевых горах посвятить свою жизнь борьбе за счастье народа? Вот и мы – давайте сегодня, в этот чудесный первый день в Ленинграде – поклянемся все наши силы отдать нашему народу, нашей Родине!

– Да! Да! Поклянемся! – горячо поддержали ее Катя и Люся.

И все три девушки, крепко взявшись за руки, подняли их над головами и произнесли громко и торжественно:

– Клянемся!